

2015, № 4 (18)

МЕТАФИЗИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

МЕТАФИЗИКА

В этом номере:

- Метаистория
- Метафизические аспекты российской и зарубежной истории
- Следы высокоразвитых допотопных цивилизаций
- Из наследия прошлого

2015, № 4 (18)

МЕТАФИЗИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2015, № 4 (18)

Основан в 2011 г.

Выходит 4 раза в год

- **МЕТАИСТОРИЯ**
- **МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ
ИСТОРИИ**
- **СЛЕДЫ
ВЫСОКОРАЗВИТЫХ
ДОПОТОПНЫХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**
- **ИЗ НАСЛЕДИЯ
ПРОШЛОГО**

METAFIZIKA

SCIENTIFIC JOURNAL

(Metaphysics)

No. 4 (18), 2015

Founder:
Peoples' Friendship University of Russia

Established in 2011
Appears 4 times a year

Editor-in-Chief:

Yu.S. Vladimirov, D.Sc. (Physics and Mathematics), Professor
at the Faculty of Physics of Lomonosov Moscow State University,
Professor at the Academic-research Institute of Gravitation and Cosmology
of the Peoples' Friendship University of Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Editorial Board:

S.A. Vekshenov, D.Sc. (Physics and Mathematics),
Professor at the Russian Academy of Education

P.P. Gaidenko, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

A.P. Yefremov, D.Sc. (Physics and Mathematics),
Professor at the Peoples' Friendship University of Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

V.N. Katasonov, D.Sc. (Philosophy), D.Sc. (Theology), Professor,
Head of the Philosophy Department of Sts Cyril and Methodius'
Church Post-Graduate and Doctoral School

Archpriest Kirill Kopeikin, Ph.D. (Physics and Mathematics),
Candidate of Theology, Director of the Scientific-Theological Center
of Interdisciplinary Studies at St. Petersburg State University,
lecturer at the St. Petersburg Orthodox Theological Academy

V.V. Mironov, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Philosophy
at Lomonosov Moscow State University,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

V.I. Postovalova, D.Sc. (Philology), Professor, Chief Research Associate
of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Institute
of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

A.Yu. Sevalnikov, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Chair of Logic
at Moscow State Linguistic University

V.I. Yurtayev, D.Sc. (History), Professor at the Peoples' Friendship University
of Russia (Executive Secretary)

S.V. Bolokhov, Ph.D. (Physics and Mathematics), Associate Professor
at the Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary
of the Russian Gravitational Society (Secretary of the Editorial Board)

ISSN 2224-7580

МЕТАФИЗИКА НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2015, № 4 (18)

Учредитель:
Российский университет дружбы народов

Основан в 2011 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор –

Ю.С. Владимиров – доктор физико-математических наук,
профессор физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
профессор Института гравитации и космологии
Российского университета дружбы народов, академик РАЕН

Редакционная коллегия:

С.А. Векшенов – доктор физико-математических наук,
профессор Российской академии образования

П.П. Гайденов – доктор философских наук,
профессор Института философии РАН, член-корреспондент РАН

А.П. Ефремов – доктор физико-математических наук,
профессор Российского университета дружбы народов, академик РАЕН

В.Н. Катасонов – доктор философских наук, доктор богословия, профессор,
заведующий кафедрой философии Общецерковной аспирантуры и докторантуры
имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Протоиерей Кирилл Копейкин – кандидат физико-математических наук, кандидат
богословия, директор Научно-богословского центра
междисциплинарных исследований Санкт-Петербургского
государственного университета,

преподаватель Санкт-Петербургской православной духовной академии

В.В. Миронов – доктор философских наук, профессор философского
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН

В.И. Постовалова – доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Отдела теоретического
и прикладного языкознания Института языкознания РАН

А.Ю. Севальников – доктор философских наук,
профессор Института философии РАН, профессор кафедры логики
Московского государственного лингвистического университета

В.И. Юртаев – доктор исторических наук, профессор
Российского университета дружбы народов (ответственный секретарь)

С.В. Болотов – кандидат физико-математических наук,
доцент Российского университета дружбы народов,
ученый секретарь Российского гравитационного общества
(секретарь редакционной коллегии)

ISSN 2224-7580

CONTENTS

EDITORIAL NOTE	6
METAHISTORY	
<i>Guts A.K.</i> Metaphysics of Theoretical History	9
<i>Zakharov V.D.</i> Metahistory	31
<i>Volkova L.P.</i> The Collective Unconscious in Terms of Metahistory	61
<i>Neklessa A.I.</i> Chapters from the Book of Earthly Life. Knowledge and Consciousness	71
METAPHYSICAL ASPECTS OF RUSSIAN AND FOREIGN HISTORY	
<i>Kravchuk N.V.</i> Metahistory as a Method of Historical Study	84
<i>Solovyov V.M.</i> History in the Context of Mass Culture	114
<i>Gaidenko P.P.</i> Voluntative Metaphysics of the Middle Ages	122
TRACES OF HIGHLY ADVANCED ANTEDILUVIAN CIVILIZATIONS	
<i>Sklyarov A.Yu.</i> Amazing Things are Close by, Only They are Banned	134
<i>Pavlov D.G.</i> The Time of the Pyramids	153
FROM THE LEGACY OF THE PAST	
<i>Postnikov M.M.</i> A Critical Study of the Chronology of the Ancient World	165
<i>Karl Jaspers.</i> Origin and Goal of History	170
OUR AUTHORS	188

© Metafizika. Authors. Editorial Board.
Editor-in-Chief Yu.S. Vladimirov, 2015
© Peoples' Friendship University of Russia, Publishing House, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	6
МЕТАИСТОРИЯ	
<i>Гуц А.К.</i> Метафизика теоретической истории.....	9
<i>Захаров В.Д.</i> Метаистория.....	31
<i>Волкова Л.П.</i> Коллективное бессознательное в аспекте метаистории.....	61
<i>Некlessа А.И.</i> Главы из книги земного бытия: «Знание» и «Со-знание».....	71
МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ	
<i>Кравчук Н.В.</i> Метаистория как метод исторического исследования.....	84
<i>Соловьев В.М.</i> История в контексте массовой культуры.....	114
<i>Гайденок П.П.</i> Волюнтаристическая метафизика Средних веков.....	122
СЛЕДЫ ВЫСОКОРАЗВИТЫХ ДОПОТОПНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	
<i>Скляр А.Ю.</i> Удивительное рядом, но оно запрещено.....	134
<i>Павлов Д.Г.</i> Время пирамид.....	153
ИЗ НАСЛЕДИЯ ПРОШЛОГО	
<i>Постников М.М.</i> Критическое исследование хронологии Древнего мира.....	165
<i>Ясперс Карл.</i> Истоки истории и ее цель.....	170
НАШИ АВТОРЫ	188

© Коллектив авторов, редколлегия журнала «Метафизика»,
отв. ред. Ю.С. Владимиров, 2015

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2015

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий номер журнала «Метафизика» посвящен обсуждению одной из фундаментальных проблем – метафизике истории как науки.

Время – непостижимая и грозная сущность человеческого бытия. «Река времен в своем стремлении уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей», – писал о времени Г. Р. Державин.

История – это своеобразный «след» времени в пространстве цивилизации, распознавать и осмысливать который человек берется с давних времен.

Что мы понимаем под историей? Собрание фактов, помещенных в заранее сверстанные рамки, или, наоборот, факты, которые очерчивают скрытые силовые линии, которые направляют события? И что такое вообще «исторический факт»?

Разумеется, ответы на эти вопросы так или иначе давали все историки: от Геродота до М. Блока и А. Тойнби. Однако ясно и то, что спектр ответов на эти вопросы далеко не исчерпан. Поэтому всякий новый поворот мысли, возвращающий к этим (и аналогичным) вопросам, как нам представляется, имеет определенную самоценность.

Примечательным является то, что историческое и естественнонаучное осмысление природы вещей использует одни и те же категории: «времени» («историческое время», «осевое время» К. Ясперса, «большое время» М.М. Бахтина и др.), «пространства» («историческое пространство» и др.), «факта». Это побуждает привести в исторический дискурс логику современных естественнонаучных и математических концепций.

Статьи, которые составляют содержание настоящего номера журнала, условно можно разделить на две группы.

К первой – относятся работы, которые «вписываются» в традиционные рамки исторической науки. К ним можно отнести статью чл.-кор. РАН П.П. Гайденко «Волонтерная метафизика средних веков» и приведенную в рубрике «Мысли из прошлого» статью К. Ясперса «Осевое время».

Вторую группу образуют статьи «пограничного», междисциплинарного плана, в которых историческое знание и сам исторический процесс рассматриваются в некотором новом, порой нетрадиционном контексте. В ряде случаев этот контекст оказывается достаточно свободным по отношению к сложившейся в исторической науке методологии, а также общепризнанным в этой науке фактам. В значительной степени это объясняется тем, что они

написаны представителями естественнонаучных дисциплин: физиками, математиками, техниками. Как нам представляется, подобная междисциплинарность может сыграть роль «первой итерации» при дальнейшем обсуждении затронутых проблем. Высказанные в этих статьях утверждения на последующих этапах обсуждения вполне могут быть скорректированы или даже отвергнуты, что не отнимает у них права быть высказанными и рассмотренными именно на данном этапе.

В данном выпуске журнала четыре раздела. Первый – «Метаистория» – представлен статьями, в которых произведены попытки определить сам предмет метаистории.

Открывает раздел статья доктора физико-математических наук профессора А.К. Гуца «Метафизика теоретической истории», в которой подчеркивается, что теоретическая история устанавливает и изучает принципы формирования картины исторического прошлого народов и государств. Автор активно опирается на физические представления о пространстве-времени: от галилеевско-ньютоновского, являющегося декартовым производением абсолютного пространства и абсолютного времени, до современных концепций релятивистской и квантовой физики. Предпринимается попытка сформулировать законы исторического развития на базе принципов современной квантовой теории поля, то есть с привлечением квантово-механического принципа неопределенностей и суперпозиции квантовых состояний.

В статье В.Д. Захарова «Метаистория» рассматриваются внутренние проблемы, присущие понятию исторического знания. Ему противопоставляется метаистория, основанная на метафизике внутреннего опыта. В этом аспекте рассмотрена христианская историософия, а также историософия, основанная на философии абсурда А. Камю.

Статья Л.П. Волковой «Коллективное бессознательное в аспекте метаистории» развивает понятие метаистории, связывая его с понятием «коллективное бессознательное». Анализируется связь этих понятий в трактовке других исследователей: философов, историков, поэтов. Рассматривается интуитивная связь этих понятий с другими понятиями, такими, как «имманентная трансценденция», «пассионарность», «ноосфера» и др.

В статье А.И. Неклессы «Главы из книги земного бытия: “Знание” и “Со-знание”» исторический процесс взят в контексте моделей сознания. Автор выделяет следующие модели: дискретные, синхронистичные, диахронные, синергийные.

Во втором разделе «Метафизические аспекты российской и зарубежной истории», тесно примыкающем к первому, рассмотрены метафизические аспекты отдельных разделов истории. Так, в статье Н.В. Кравчука «Метаистория как метод исторического исследования» предлагается рассматривать «метаисторию» как науку, изучающую точно сформулированные теории исторического развития. Сам этот метод во многом носит естественнонаучный характер – в том смысле, что он существенно базируется на прие-

мах и методах естественных наук, в первую очередь – из физики. Этот метод использован для анализа начальной истории славян.

Статья В.М. Соловьева «История в контексте массовой культуры» акцентирует внимание на том обстоятельстве, что история в оболочке массовой культуры выступает информационным инструментом манипуляции сознанием, внедрения и вбрасывания в общество определенной идеологической предрасположенности, заданных взглядов, понятий, убеждений.

В статье П.П. Гайдено «Волюнтаристическая метафизика Средних веков» рассмотрен генезис формирования новоевропейского сознания, когда на фоне разрушения фундаментальных предпосылок метафизики бытия были заложены основания метафизики воли.

В третьем разделе выпуска «Следы высокоразвитых допотопных цивилизаций» содержатся две статьи, содержание которых резко контрастирует с общепринятыми в исторической науке представлениями как о ранней истории человечества, так и с пониманием самого исторического процесса как монотонного развития человечества по восходящей линии.

Особого внимания заслуживает статья А. Ю. Складова «Удивительное рядом, но оно запрещено». Автор этой статьи лично объездил многие регионы мира (Египет, Южную и Центральную Америку, Японию, Турцию, страны Европы и др.) и собрал уникальный материал, свидетельствующий о существовании на Земле в далеком прошлом допотопных высокоразвитых цивилизаций. Показывается, что изучение следов исчезнувших цивилизаций, во-первых, может помочь в раскрытии секретов использованных в далеком прошлом высоких технологий и, во-вторых, служит предостережением о грозящих опасностях, в свое время погубивших древние цивилизации.

В статье Д. Г. Павлова «Время пирамид» на материале исследований основных сохранившихся египетских пирамид показывается, что они не могли быть созданы египетскими фараонами, как это утверждается официальной исторической наукой, а были построены значительно раньше, что подтверждает также и выводы статьи А. Ю. Складова.

Наконец, в традиционном для нашего журнала четвертом разделе «Из наследия прошлого» помещены две статьи. В первой из них воспроизведено предисловие к книге известного математика (профессора МГУ имени М.В. Ломоносова) М.М. Постникова «Критическое исследование хронологии Древнего мира», в котором изложена информация о дискуссиях, связанных с установлением хронологии событий далекого прошлого.

Завершает выпуск статья известного профессионального историка Карла Ясперса «Истоки истории и ее цель», название которой говорит само за себя.

Публикуемые в настоящем выпуске материалы могут содержать частные мнения авторов, расходящиеся с принятой научной парадигмой. Взгляды на историю представителей естественных наук преобладают в данном номере. Тем не менее редакция журнала надеется на развитие дискуссии по фундаментальным (метафизическим) проблемам исторической науки, а также установление контактов и сотрудничества историков с представителями естественных наук.

МЕТАИСТОРИЯ

МЕТАФИЗИКА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

А.К. Гуц

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В статье дается представление о теоретической истории и рассматриваются несколько принципиальных проблем исторической науки.

Ключевые слова: теоретическая история, космогония, исторические эпохи, законы реконструкции прошлого, древнеегипетский язык, старение вещей.

Физика изучает то, что материально и изменчиво, метафизика же – главным образом то, что абстрактно и неизменно.

Фрэнсис Бэкон [1, с. 209]

Введение

(Дадут они тебе вечность без предела и вековечность без срока)

Теоретическая история устанавливает и изучает принципы формирования картины исторического прошлого народов и государств, позволяющие решать проблемы, возникающие перед историками при реконструкции прошлого.

Историк, имея в своем распоряжении невероятное количество исторических фактов, пытается их упорядочить посредством сортировки по географическому признаку, то есть в пространстве, и по хронологическому признаку, приписывая им даты, то есть во времени. При этом, как нетрудно заметить, историк неосознанно использует галилеевско-ньютоновское пространство-время, являющееся декартовым произведением абсолютного пространства и абсолютного времени, и в которое им помещаются все истори-

ческие события. В таком пространстве-времени временной и причинно-следственный порядки совпадают.

Получая в результате пространственно-временное образования, их более или менее связные области Ω_α воспринимают как истории конкретных народов или государств.

При внимательном изучении области Ω_α , или исторического прошлого конкретного народа, выделяют последовательно сменяющие друг друга более или менее однородные подобласти, отвечающие относительно стационарным, почти неизменным периодам в развитии народов в культурном, техническом, политическом и экономическом отношениях. Историки эти периоды называют *историческими эпохами*.

Исторические эпохи, если задуматься, представляют собой то, что Гёте называл *гештальтами* [2; 3], то есть «замороженные» состояния существования народа или государства.

Исторические эпохи сменяют одна другую, и, с точки зрения времени, связанного с сознанием наблюдателя, новая эпоха – это предыдущая, но претерпевшая существенные изменения, благодаря которым она насыщена *новшествами*. Тем самым историк констатирует *изменения* в истории. Почему они происходят? Это одна из проблем исторической науки, и теоретическая история должна подсказывать, почему изменения неизбежны или возможны.

Теоретическая история – междисциплинарная наука, создаваемая представителями всех наук. Она должна давать ответы на вопросы, которые в традиционной исторической науке остаются либо без ответа, либо на них отвечают так, что создается впечатление, что вам ответили. Теоретическая история ближе к метафизике, чем к истории.

1. История и историки

Современные историки следующим образом определяют науку историю:

«История – общественная наука, изучающая прошлое человечества. При изучении она полагается на различные источники, прежде всего письменные (книги, документы) и материальные (сооружения, предметы искусства и ремесел, орудия труда, археологические находки)»¹.

Принципиальное отличие истории от наиболее авторитетных наук, таких как математика и теоретическая физика, заключается в том, что конкретные важные результаты, полученные в этих науках, доступны для проверки квалифицированным человеком в течение небольшого отрезка времени. В истории на получение определенного знания тратится вся жизнь исследователя, а то и жизни двух-трех поколений историков. Примером являются хотя бы словари древнеегипетского языка. И если молодой историк усомнится и решит проверить, скажем, 5-томный Берлинский словарь древ-

---

¹ URL: <http://ru.science.wikia.com/wiki/История>

неегипетского языка, то он должен осознавать, что на это будет потрачена вся его жизнь. Редко, кто на это может решиться хотя бы потому, что в случае получения иного результата такому историку, уже старику, придется столкнуться с недоверием своих коллег, а в случае подтверждения истинности пути дешифровки древнеегипетского, указанного Шампольоном, он останется с чувством, что его жизнь истрачена впустую.

Это делает науку историю непроверяемой; и эта принципиальная непроверяемость делает историю труднопонимаемой для математиков и физиков.

А историк в соответствии с психологией бессознательного оказывается во власти того, что объединяет всех историков и что выражено в формуле:

«Предсказывание прошлого – это великий соблазн исторической науки» (Жорж Гурвич) (цит. по [4. С. 191]).

Охваченный этим великим соблазном, которым в равной мере были охвачены его предшественники и его товарищи по цеху, он либо вместе с ними сообща расширит эти предсказания, либо окажется вне своего профессионального сообщества, скорее всего, с осознаваемым чувством обреченности на одиночество.

Историк в рамках правил, принятых в научной школе, к которой он принадлежит, начинает описывать, предьявлять нам картины прошлого, анализируя, изучая, вообще-то говоря, не само прошлое, а документы, материальные вещи, которые имели место, писались, находились, как по умолчанию считает историк, в прошлом в той или иной области прошлого. Конечно, историк обязан предьявлять доказательства, что принятые во внимания документы и вещи, действительно, имеют непосредственно отношение к тому прошлому, о котором он пишет или говорит, но делает это он так, как принято в исторической науке.

И хотя со временем он обнаружит, что чем более древним будет описываемое прошлое, тем труднее доказать принадлежность к нему принятых во внимание документов и вещей, историк объяснит это неизбежным субъективизмом, которым страдают не только историки, но и все люди.

Иначе говоря, историк фактически заявляет, что прошлое не реконструируется потому, что люди этого не хотят. Не в силу ли этого поражения в описании прошлого историки начинают заявлять, что

«Расхожее представление об истории как науке об ушедшем в небытие “прошлом” неадекватно современному состоянию исторического познания» (З.А. Чеканцева) [5].

Французский социолог Жорж Гурвич, родившийся в России, писал о неизбежном расхождении между исторической действительностью и тем, что спроектировано историками [4. С. 191]. Похоже историки исследуют то, чего не существовало и не существует.

2. Фундаментальные и принципиальные проблемы истории (исторической науки)

В исторической науке можно выделить несколько фундаментальных проблем, решение которых позволяет понять, что понимается под прошлым того или иного народа, в какой степени оно может быть описано и каков инструментарий такого описания, что существенным образом влияет на описание прошлого и чего следует избегать в таких описаниях. Ниже мы затронем только несколько моментов в работе историков, которые, на взгляд автора, заслуживают внимания в первую очередь.

Большинство современных историков неосознанно придерживается причинно-следственной парадигмы развития исторических событий, исторических процессов. Это выражается в распространенных в их среде фразах «следуя логике развития событий», «вскрыть причины, приведшие к этим событиям» и пр.

В рамках данной парадигмы историческая наука вынуждена искать решения следующих классических для истории проблем:

- проблемы начала и конца человеческой истории;
- проблемы смысла человеческой истории;
- проблемы движущихся сил человеческой истории.

Вряд ли это те проблемы, которыми должна заниматься историческая наука, но раз ищешь объяснения того, что было в прошлом посредством принципа «следования логике развития событий», то приходится заниматься тем, что скорее относится к философии и социологии (см. § 2.2). Были предложены три варианта решения данных проблем, три концепции развития мировой истории: христианская, марксистская и цивилизационная (Данилевский, Шпенглер, Тойнби).

Однако первая проблема все-таки должна как-то решаться и в рамках истории. Как возникло человечество, иначе говоря, как началась человеческая история? Более частной является проблема появления в истории обществ государства?

Историк, как правило, на эти проблемы ответа не дает, оставляя их философам, антропологам. Сами они описывают сложившиеся общественные структуры: не как люди объединились, а как они существуют в сложившейся организации и как эта организация трансформируется в другую организацию.

Безусловно, чтобы ответить на вопрос о начале человечества, человеческой истории, надо ответить на вопрос, как появился сам человек. Причинно-следственная парадигма обязывает найти и вопрос о том, как возникла среда обитания человечества, то есть откуда появилась Земля, планетная система, звезды и, наконец, откуда взялась сама Вселенная? А это уже вопросы космогонии. Изложим космогонию, которая отлична от принятой сегодня, но которая, на наш взгляд, уходит от наивного эволюционного взгляда на Вселенную и на появление человечества.

2.1. Новая космогония

(Я говорю важное. Будешь ты, будет небо)

Современная релятивистская космология пришла к тому, что заявляет о рождении Вселенной из *ничего* в результате Большого взрыва. Идея рождения Вселенной из ничего путем квантового туннелирования была впервые предложена Аткинсом и Пагелсом [6; 7] и развита Виленкиным [8].

Что такое *ничто*²? Космологи и физики не дают ответа на этот вопрос. Чтобы сказать что есть ничего, физик должен сделать *ничто чем-то*. Делает он это посредством сопоставления неопisanному *ничему* описанного *нечто*. Это *нечто*, как правило, описано, представлено в форме математических формул, и этому математическому описанию предписывается материальное существование, то есть это математическое описание должно *быть*. Иначе говоря, должно *пребывать*, находиться в состоянии *бытия*.

То, что физик предписывает математической абстракции находиться в материальном бытии, означает, что это бытие достаточно конкретно, то есть обладает вполне определенным набором конкретных свойств. Бытие математической абстракции *налично*, поскольку налична, конкретна сама эта математическая абстракция (она, ее конструкции и структуры наличествуют, то есть являются набором конкретных математических свойств).

Наличное бытие появилось благодаря конкретному математическому описанию, чтобы заменить абсолютно неналичное *ничего*. Иначе говоря, оно появилось вместо *чистого ничего*, или вместо *чистого ничто*.

Ничего, из которого родилась Вселенная, – это *чистое ничего*, *чистое ничто*. А *чистое ничто*, как пояснил Гегель, есть *чистое бытие* [9. С. 139–140]. «Категории чистое бытие и ничто виртуальны. Причём виртуальны не только в том смысле, что воображаемы, но и в том смысле, что они постоянно переходят друг в друга» [9. С. 31].

«Внутреннее беспокойство мысли, перебегающей от чистого бытия к ничто и обратно, есть *становление*. < ... > В ходе становления что-то *возникает* и тут же исчезает, *преходит*» [9. С. 31; 8. С. 166].

Спонтанное сосредоточение мысли, концентрация внимания на нечто, неуловимом по ходу становления, есть *непустое мышление*. Оно определяет устойчивый образ *наличных вещей*. Этой ступени осознания соответствует обнаружение *наличного бытия* (которое представляет собой единство возникновения и прехождения). «Наличное бытие есть *определенное* бытие; его определенность есть *сущая* определенность, *качество*» [9. С. 169]. Качество *изменчиво*, оно означает явление того, что именуется *временем*.

² *Ничто* – это именительный падеж слова *ничего*, а *ничего* – это родительный падеж слова *ничто*.

Используемые слова «родилась», «возникает», «становиться» не означают, что речь идет о процессе, переходах во времени. Нет, они понимаются как логические следствия. Переходы осуществляются логически, в логике, а не во времени.

Логика – это для человека, для сознания, которое ему присуще, а не для окружающих человека вещей, которые возникли как наличное бытие из ничего посредством той же логики сознания. Иначе говоря, все вокруг – результат логических переходов в сознании людей. Или, если хотите, могут пребывать в состоянии ничего, то есть равно в состоянии чистого бытия, либо, что логически допустимо, в состоянии наличного бытия. В современной терминологии смена состояния происходит не во времени, а является мгновенным квантовым переходом, подобно тому, как электрон меняет орбиту в атоме. А поскольку речь идет о сознании, то это «квантовый переход» из ничего к осознанию своего существования по аналогии с тем, как ребенок вдруг себя стал помнить! Каждый человек знает, что в его жизни было два состояния: себя не помнил, и это есть ничего, или чистое бытие, и с этого момента себя уже помню, т.е. оказался в состоянии наличного бытия.

Как возникло само сознание? Человек мыслит, мысль – продукт мышления. Мысль, что я существую, – это осознание собственного наличного бытия. Мышление связано с фактом наличного бытия. Мышление без конкретной мысли есть *пустое мышление*, а пустое мышление есть чистое ничто, т.е. есть чистое бытие. Значит сознание было всегда.

Если я был в состоянии чистого бытия, то есть был ничем, то и всё было ничем; мир был в состоянии ничего. Но если я в состоянии наличного бытия, то мир вокруг не может быть ничем, в нем я различаю нечто, то есть наличное бытие чего-то еще. Чего? А того, что смогу мысленно представить. *Индивидуальное наличное бытие начинает конструировать* из окружающего ничего наличное бытие этого окружающего меня чистого бытия. Скореллированные мысли-представления совокупности индивидуальных наличных бытействующих сознаний дают реальную коллективную материальную среду обитания для носителей этих сознаний [11].

Элементарная частица рождается из вакуума *готовой*, то есть, например, протон, со всей своей внутренней структурой: массой, зарядом, спином, изотопическим спином и т.д. Физика почему-то не смущает то обстоятельство, что Вселенную они собирают из готовых хорошо организованных готовых кирпичей – элементарных частиц.

Частица с момента своего рождения способна выполнять свои функции: перемещаться, вступать во взаимодействия, распадаться или превращаться в другие частицы при определенных условиях.

Аналогично мозг, а точнее, организм его содержащий, возникает из ничего *готовым*, то есть со всей своей структурой. Мозг с момента *появления на свет* способен выполнять свои функции.

Мозг (организм) рождает новый мозг (организм) подобно тому, как частица распадается на другие частицы. Ребенок (новый организм) форми-

руется в организме матери, но точно так же нейрон формируется внутри протона:

$$p \rightarrow n + e^+ + \nu.$$

Правда, в отличие от биологии, физика мало интересуется механизмом зарождения нейтрона внутри протона³.

Процесс однотипного рождения частиц – это сброс энергии, например, в форме распада нуклонного резонанса Δ :

$$\Delta \rightarrow (p \text{ или } n) + \pi.$$

Данный пример всего лишь приведен в качестве образца примера того, как в науке физике вполне допускается рождение готовых структур, а не для того, чтобы во всех подробностях отыскать в физике элементарных частиц аналог рождения матерью ребенка.

Таким образом, Вселенная была всегда – то как чистое бытие, то как наличное бытие. Равно, люди – носители сознания – были всегда. И их наличное бытие осуществляется в форме исторических эпох, разные совокупности которых дают различные, развивающиеся во времени, истории [11].

Люди либо пребывают в небытие, и их дух (сознание), как материя, находится в состоянии «ничего», либо в бытие. Будучи в наличном бытие, они порождают и время и пространство. Историки это чувствуют:

«Берлинский историк географии Г.Д. Шульц высказал легко запоминающуюся формулу “«пространства не существуют сами по себе, пространства создаются»”. Оно является продуктом человеческого сознания, результатом интеллектуальных построений. Это заявление является принципиальным изменением парадигмы в исследовании пространства» [12; 13].

В.О. Ключевский отмечал, что «История слагается из двух великих параллельных движений – из определения отношений между людьми и развития власти мысли над внешним фактом, то есть над природой. < ... > Мир факта есть мир, совершенно чуждый духу...» [14. С. 242].

Вселенная без людей, без сознания, не существует; они одновременны. Посредством мышления порождается не только Вселенная [11], но и физические законы. Механизм изменения физических законов предсказан Станиславом Лемом и может быть описан с помощью структур Кулакова–Владимирова [36]. А теория Большого взрыва – это всего лишь паттерн (образец) наличного бытия Вселенной, картина, выработанная в нашей исторической эпохе. И как картина, характерная только своей эпохе, она со временем окажется в руках историков, и только им будет интересна.

---

³Однако члены ряда возмущений посредством фейнмановских диаграмм демонстрируют, отчасти, что происходит «внутри».

2.2. Существуют ли законы исторического развития?

(Никогда не было сделано подобное с первобытных времен земли [15. С. 91])

Поскольку история, историческая наука должна нам представлять, восстанавливать картину прошлого, она должна под историческим законом понимать утверждение, с помощью которого это прошлое должно восстанавливаться, оговаривая, надо думать, степени погрешности таких реконструкций. Но что интересно, историки под историческим законом или законом истории имеют в виду нечто иное, а именно – законы хода исторического развития.

«Под историческими законами обыкновенно понимаются законы, которые управляют не эволюцией культурных и социальных форм, а самым ходом событий, в котором действует лишь общий закон причинности» [16].

Иначе говоря, интересуются будущим, а не прошлым. При таком понимании исторического закона мы должны уйти из истории и заняться социологией.

Тем не менее сто лет назад ответ историков на вопрос о существовании вышеупомянутого исторического закона был очевидным:

«Некоторые думают, что можно найти общий закон хода всемирной истории, выраженный в простой формуле; но оказывается, что исторический закон в таком смысле есть не что иное, как наследие веры в то, что можно, а priori, открыть общий план всемирно-исторического процесса» [16].

Физики, применительно к предсказанию будущего Вселенной, имея соответствующую формулу, осознавали, что предсказание не случится, поскольку невозможно будет собрать совокупность необходимых начальных данных.

Раз историки пытаются заниматься не своим делом, то есть предсказанием будущего или, ссылаясь на обнаруженный исторический закон, пояснять «логику развития событий», то трудно ожидать, что они сумеют договориться о едином понимании понятия исторического закона:

«Под историческими законами разумеются понятия весьма несходные и притом под очень различными углами зрения, вследствие чего гораздо лучше избегать употребления этого выражения, довольствуясь каузальными и эволюционными законами психологии и социологии, действующими как в ходе исторических событий, так и в развитии культурно-социальных форм, к чему, собственно говоря, и сводится вся историческая жизнь» [16].

Как видим, исторические законы – это «эволюционные законы психологии и социологии». Каждый должен заниматься своим делом. Тема закрыта. Историк всегда стремится вскрыть не столько причинно-следственную связь, сколько логику развития события:

По Ф.Н. Блюхеру: «Правило исторической конструкции гласит: “Если наша конструкция не включает ничего того, что не вытекает с необходимостью из имеющихся данных, – она является законной исторической конструкцией – без которой вообще невозможна история”» [17. С. 3–14].

То есть не «в силу этого», а «вследствие этого».

2.3. Законы реконструкции прошлого

Итак, историк занимается описанием прошлого, и в силу этого имеет смысл поискать законы, которые действуют объективно, сказываются на работе историка при реконструкции прошлого и на которые он должен опираться в своей работе.

Прошлое – это ушедшие времена. Реконструировать его необходимо, опираясь на законы времени.

Как считает Н.М. Смирнова: «Время в качестве специального объекта исторического исследования предполагает активное междисциплинарное взаимодействие историков с философией и всеми без исключения научными дисциплинами в поисках нового исследовательского инструментария и новой постановки вопросов. В условиях теоретического плюрализма работа с таким сложным объектом «требует особой интеллектуальной культуры сопряжения различных методологических подходов, выработанных или заимствованных, в личностно-уникальные дискурсы» [18]. С точки зрения З.А. Чеканцевой: «В историческом сообществе подобная культура только формируется. Между тем проблема времени является ключевой для статуса исторического познания и истории как специальной дисциплины» [5].

Итак, время, его законы являются ключевыми для понимания истории. Каковы же те законы времени, которые следует знать, занимаясь реконструкцией прошлого?

1. Закон о неопределенности описания. Замечено, что при описании события, имевшего место в прошлом, по мере его изучения число деталей начинает увеличиваться. Это радует исследователя, поскольку картина происшедшего становится все более объемной, красочной, насыщенной разнообразными деталями. Однако обнаруживаемые детали и подробности начинают со временем все сильнее различаться и, более того, вступать в противоречие. И это проявляется тем сильнее, чем все более узкий отрезок времени оказывается во внимании исследователя.

Приходится как-то разъяснять разноречивую, несогласованную, разночтенную и заведомые противоречия. При этом, как правило, одну часть документов или фактов историки объявляют ошибками современников, вторую – проявлением субъективности в оценке событий, третью – фальшивками, ну а некоторые из них – как не заслуживающими внимания! Далек не каждый историк при написании статьи или книги приводит или хотя бы упоминает о документах или фактах, противоречащих излагаемому им. Хуже того, очень часто, даже говоря об иной точке зрения своего коллеги, воззрения оппонента комментируются таким образом, что у читателя должно остаться мнение о «слабой научной аргументации» или о «научной несостоятельности».

Торжествует та теория, которая вписывается в действующую в исторической науке парадигму.

Закон о неопределенности описания [19; 20]. *Чем меньше отрезок времени исследуемого исторического события, тем больше подробностей, отнюдь не обязанных быть непротиворечивыми.*

2. Закон о взаимодействии эпох. Если вдуматься в содержание сформулированного выше закона о неопределенности исторического описания, то возникает следующий вопрос. Применение этого закона к ситуации, когда необходимо восстановить подробности совершенного в прошлом преступления, означало бы невозможность проведения такого рода расследования. Ведь в таких делах важно знать все подробности действия, осуществленного часто за ничтожно малый отрезок времени. А сформулированный нами закон вроде бы не надеется на реальность подобного розыскного мероприятия. Так что, не верен закон? Если верен, то мы вынуждены констатировать наличие полной необъективности при нахождении истинного преступника. Другими словами, следствие занимается добыванием фактов, а на их основе вырабатывают версии, которые больше направлены на самообман следователей. Значит, наказывают не того, кто виноват, а того, кто подпадает под более убедительную для следователей и суда версию преступления? Думается, юристы с этим не согласятся, и будут правы. Плоха не формулировка закона, а недоговоренность об условиях его применения.

Закон о неопределенности исторического описания действует лишь при условии, что выполняется другой

Закон о взаимодействии времен [19; 20]. *Историческая неопределенность тем больше, чем дальше во времени отстоит исследуемый отрезок времени от современного.*

Новый закон означает, что для восстановления событий на некотором малом времени необходимо, чтобы интересующий нас отрезок времени был не слишком близким к текущему.

Таким образом, остаются сложности при расследовании преступлений с большим сроком давности; чем более древним является преступление, тем больше разночтений и меньше шансов докопаться до истины. Впрочем, в законодательствах многих стран это учитывается: за давние проступки не наказывают. Из закона о взаимодействии времен следует: надеяться на потомков, что они докопаются когда-нибудь до истины, не приходится.

3. Время рождает источники. Существует парадоксальный факт: исторические источники под воздействием времени, казалось бы, должны разрушаться, и их число с необходимостью должно сокращаться; тем не менее в распоряжение исторической науки постоянно поступают все новые и новые документы, факты, памятники и т.д. Что это? А это время рождает источники!

Данный закон проявляется подчас мистическим образом:

– если академик Янин пообещал найти берестяную книгу, то ее найдут. (И нашли!);

– если тысячи физиков возжелали обнаружить хигсон, убедили государства построить ускоритель за 10 млрд. долларов, то его, хигсон, им на радость и обнаружили;

– если египтолог Ю.Я. Перепелкин захотел узнать, чье имя в картуше было сбито в Древнем Египте, то и нашли соответствующий черновик для каменотеса с этим именем.

***

С точки зрения З.А. Чеканцевой: «Время – важнейший “материал”, с которым работает историк. Однако изучение темпоральности – не прерогатива нашей дисциплины (истории. – А.Г.). Хотя бы потому, что историк не может брать на себя ответственность за явление, которое многие сотни лет пытаются понять в русле всех возможных форм освоения мира, начиная с религии, мифа, философии, искусства и заканчивая научными дисциплинами» [5]. История не является наукой о времени.

«Историки науки показали, что время как объект изучения неизбежно дисциплинарно. Каждая дисциплина выстраивает свои отношения со временем и одновременно конституируется этими отношениями. Однако даже внутри одной дисциплины специалисты по-разному воспринимают время» [5].

2.4. Проблема источника

Историк конструирует прошлое, опираясь на источники. Источник – книги, документы, сооружения, вещи и т.д., которые историк относит к прошлой исторической эпохе, то есть к прошлому.

По мнению Ф.Н. Блюхера: «Наукой историю делает соотношение с источником, то есть источник – единственная действительность исторической науки, то, благодаря чему история может оперировать категорией истинности» [17. С. 9].

Что такое прошлое и каким оно предстает в трудах историков? Историк отбирает, принимает во внимание лишь тот источник, который соответствует той методике, которая принята в данной научной школе и которая разработана основателем школы, опирающимся на свои знания, интуицию и пристрастия. История, прошлое, конструируемое историком, зависит от источника, и обратно, сконструированное прошлое определяет видение историком истории и диктует отбор вновь открытых источников.

Если этот источник был важной частью прошлого, характеристикой ситуации, имевшей место в прошлом, и его принятие кардинально меняет картину прошлого, то, скорее всего, он не соответствовал тем правилам, методике отбора источников, которая принята в научной школе. Но именно этот источник и связан с изменением, происшедшим в реальности. Другими словами, методики отбора источников не пропускают те источники, которые являются индикаторами изменений в реальности. Принятая методика всего лишь работает на закрепление, упрочение выработанной картины прошлого и препятствует пониманию того, как происходят изменения в реальности.

Поскольку реальность, тем не менее, изменчива, то историки находят выход из собственной статичной ловушки, вводя в рассмотрение исторической науки понятие «логики исторического процесса».

Законы реконструкции прошлого, изложенные выше, говорят нам, что постоянно будут обнаруживаться все новые источники, касающиеся интересующего историка исторического события и которые будут все сильнее расходиться друг с другом, будут противоречить друг другу. **Прошлое многовариантно!** [19]. Прошлое существует во множестве параллельных взаимодействующих вариантов, каждый из которых одинаково реален.

Источники – это инструменты, посредством которых реконструируется прошлое. Поэтому оказавшиеся в распоряжении историка источники, которые были признаны им не связанными с реконструируемым прошлым, на самом деле являются объектами реальности, объектами параллельного прошлого, которое, так же как то, что воссоздает историк, можно спроектировать, но которое вместе с прошлым историка составляет единую историческую действительность [19].

2.5. Древнеегипетский язык

Общеизвестно, что историки читают тексты, написанные на древних мертвых языках: древнеегипетском, хетском и др. Мертвыми эти языки считаются по причине отсутствия тех, кто ими пользовался. Мертвые языки не используются на протяжении тысячелетий. Но некоторые из них сумели расшифровать, написали необходимые учебники и внушили нам, обывателям, что соответствующие древние тексты читаемы. В популярных телевизионных программах историки бодрим голосам сообщают нам, что здесь написано то-то, а там вот это.

Поскольку, пожалуй, самой притягательной древней страной является Египет, а тексты Древнего Египта сами по себе очень красочны и загадочны, то уверения, что все читается, способствуют тому, что мы верим историкам, когда они нам рассказывают, что делали фараоны чуть ли каждый день, причем удивляют нас подробностями.

Все это настораживает, трудно разделить восторг профессор-историков, рассказывающих о событиях тысячелетней давности в таких подробностях, будто они стояли рядом, за дверью, или заглядывали из-за плеча. Хотелось бы иметь строгое доказательство, что здесь, в этих рассказах, все абсолютно безупречно.

Древнеегипетская цивилизация характерна своей письменностью. Ее тексты во многом состоят из картинок. Древнеегипетские иероглифы, как принято считать, расшифровал в 1822 году француз Шампольон. Сегодня любой может научиться читать по-древнеегипетски, поскольку существуют учебники и даже компьютерная программа, посредством которой можно писать иероглифами.

Однако древнеегипетские тексты читаются, во-первых, на основе сопоставления древнеегипетским знакам слов более позднего коптского языка

(с III в. н.э.), а во-вторых, коптские слова приходится распознавать по набору согласных, поскольку, как считается, древние египтяне пропускали гласные. Второе обстоятельство приводит к многозначности переводов [21]. И это понятно, поскольку, например, «корней типа bhh с одинаковыми вторым и третьим согласным < ... > – примерно 165, от них образовано около 380 слов» [22. С. 64].

Известный российский египтолог-лингвист А.С. Четверухин пишет в 2000 году:

«Египтология за почти 180 лет своего существования как науки, к своему величайшему позору, не дозрела до того, чтобы раскрыть и системно изложить принципы чтения египетских слов < ... > даже чтение согласных и полугласных продолжает оставаться довольно условным. Все это вместе взятое указывает на то, что наука о египетском языке, несмотря на все ее несомненные достижения в понимании написанного, то ли развивается крайне односторонне, то ли топчется на месте, то ли вообще занимается не тем, чем нужно, акцентируя внимание на содержании в ущерб форме, и то в лучшем случае < ... > если постижение смысла «прогрессирует», а «чтение» остается все тем же, – это свидетельство крайнего неблагополучия в такой науке» [27. С. 331].

Если мы делаем перевод с русского на древнеегипетский, то воспринимаем иероглифическую надпись как код, шифр, который должен быть однозначно декодирован в исходный текст. В случае с древнеегипетским этого трудно достичь, хотя бы потому, что это мертвый язык, и некого спросить о правильности как кодирования или декодирования.

По мнению А.С. Четверухина: «Египтолог не читает тексты, он их интерпретирует» [27. С. 352].

Многие тексты Древнего Египта написаны демотическим письмом (средний текст Розетского камня), которое историки считают лишь упрощенным способом написания иероглифических текстов, а демотический язык – разговорным языком [15, с. 9]⁴, появившимся в 700-е годы до н.э. Однако недавно в 2005 году демотическое письмо было расшифровано македонскими исследователями Босевским и Тентовым в предположение, что это древнемакедонский язык, на котором разговаривала знать эллинского периода правления Египтом [28]. Сам факт такой расшифровки демотического письма является проявлением закона о неопределенности описания и закона о взаимодействии времен.

Если расшифровка, предложенная македонцами Босевским и Тентовым, подтвердится, то поскольку существует мнение, что иероглифическое письмо и демотическое суть один язык, то иероглифика окажется древнемакедонским языком, что неизбежно повлечет кардинальный пересмотр традиционной хронологии⁵.

⁴ Коростовцев считает это ошибочным [22. С. 121].

⁵ Исаак Ньютон, изучив доступные ему источники по Древнему Египту, сократил его историю в 3 раза, и первого фараона Менеса, вместо 4-го тыс. до н.э. поместил в 1125 г. [29]. Историки считают это курьезом, странностью гения.

Древний Египет в традиционной хронологии представляет собой уникальное явление: это единственная цивилизация, которая просуществовала более 3500 лет⁶ практически вне времени, вне прошлого и вне будущего – в одном настоящем. В ней уникально все, она является ключом к пониманию сущности человеческого бытия и его истории. Поэтому следует преодолеть иллюзию, что мы всегда правильно читаем и понимаем ее тексты. Однозначного прочтения быть не может, поскольку рядом с нами нет тех, кто придумал этот «шифр».

2.6. Проблема периодизации истории

С точки зрения М.П. Лаптева: «Периодизацию истории можно называть методом интерпретации и даже понимания исторических событий и процессов» [4. С. 182]. Историю народа историки разбивают на отрезки, периоды или *эпохи*.

Под эпохой имеют в виду определенное качественное состояние общества, фиксируемое исследователями, которые едины в своем мнении относительно данного временного периода существования общества. Как правило, конкретной исторической эпохе предшествуют (и на этом же она заканчивается) реальные поворотные пункты в истории народа или государства. «В понятии “эпоха” учитывается неравномерность, асинхронность, вариантность исторического развития. В нем фокусируется динамический аспект исторического пространства и времени, связанных с деятельностью людей. Эпоха – это уровень целостности и ступень исторического развития». [4. С. 185].

«История далека от приписываемой ей линейности – будь то “линейный прогресс” или “линейный регресс”. Ее можно понимать как волновой процесс со множеством переходов, результат которых заранее не предопределен» (Лаптева) [4. С. 182].

Попробуем формализовать понятие исторической эпохи и собрать формализованных исторических эпох всю историю.

2.6.1. Формализация понятия исторических эпох

(*Видели они небо, видели они землю. Ты увидишь твой дом* [15, с. 84])

В эпитафии древнеегипетская фраза говорит о событиях, предшествующих моменту говорения, и о последующем событии, то есть как бы для прошлого и будущего времени.

⁶ В традиционной хронологии. Вопрос о длительности существования Древнего Китая требует отдельного рассмотрения.

Однако, как считает М.А. Чегодаев, «древний египтянин жил в мире, в котором существующий порядок вещей установился в незапамятные времена творения и с тех пор не меняется, подчиняясь точному и неизменному закону. Его язык отражал такую форму мышления, при которой отношения людей и предметов выражались далеко не так очевидно, как у нас. В этом языке не было глагола в нашем его понимании, а следовательно, не было и грамматического времени. Время египтяне, похоже, воспринимали так же, как, видимо, его воспринимают дети: как единый поток, бесконечную цепь неизменностей» [24].

Следовательно, древние египтяне жили в стационарном обществе, их историческая эпоха тянулась тысячелетиями, практически не изменяясь. В переводе с греческого «эпоха» означает остановку. Древний Египет представлял собой остановленное, лучше сказать, «замороженное» бытие людей.

Как говорилось во введении, то человеческая история – это пространственно-временное образование, совокупность временеподобных мировых линий – мировая трубка, в которой последовательно Античность как область Ω_α сменяется Средневековьем Ω_β , Средневековье сменяется эпохой Возрождения Ω_γ и т.д.

В данном представлении истории отражена доминирующая в современном мире западная культурная традиция видеть реальность в форме эволюционирующей, то есть изменяющейся сущности. Каждая историческая эпоха, такая как Античность, Средневековье, Возрождение и пр., видится как ограниченная во времени форма существования человечества. Конечность исторической эпохи автоматически означает ее сменяемость, а значит, дает возможность все исторические эпохи разместить одну за другой, последовательно в одном пространственно-временном 4-мерном лорнцевом многообразии.

Ну... а вдруг исторические эпохи не конечны во времени? И если не пытаться втолкнуть их в одно пространство-время, полагая, что ее бесконечность во времени проявляется всего лишь в форме редких, но устойчивых «пережитков» прошлого? В таком случае, очевидным становится, что сильно доминирующие нередкие «пережитки» прошлого будут заполнять все будущее, разрушая идею сменяемости исторических эпох, идею эволюционирующей реальности.

Как спасти идею последовательной сменяемости исторических эпох, идею эволюционирующей реальности, не пренебрегая при этом условием бесконечности существования во времени каждой исторической эпохи? Сделать это можно, только помещая каждую отдельную историческую эпоху Ω_α в отдельное 4-мерное пространство-время M_α^4 , где историческая эпоха – это бесконечная во времени, слабо меняющаяся или периодически повторяющаяся совокупность временеподобных мировых линий [25].

Человеческая история, Мир, существует в форме исторических эпох. Каждая историческая эпоха – это совокупность бытующих среди людей пред-

ставлений о внешнем мире; это соответствующие этим представлениям наука, культура и искусство. Это типы вооружения, одежда, мода, транспорт и т.д.

Историческая эпоха – это «замороженное» бытие людей. Изменения в жизни отсутствуют в каждой конкретной исторической эпохе на протяжении всего времени ее существования, точнее, всей длительности эпохи.

Мы имеем дело с проявлением последовательной корреляции разных индивидуальных сознаний с окружением, которую мы называем временем. Само разнообразие различных исторических эпох – это результат ветвления корреляции разных индивидуальных сознаний с окружением [11; 26].

Конечно, нужно внимательно разобраться, что в таком случае понимается под вечной слабо меняющейся бесконечной во времени исторической эпохой. Одно уже ясно, что под такой исторической эпохой следует иметь в виду гештальт в понимании Гёте или в расширенном понимании Шпенглера. Поэтому каждая историческая эпоха – это стабильное мировосприятие, устойчивый тип общественного сознания.

2.6.2. Историческая последовательность

У. Найссер пишет: «Я полагаю, что люди сообщают о единичности сознания главным образом потому, что этого требуют философские постулаты нашей культуры (исторической эпохи. – А.Г.): мы все умеем приводить эти постулаты в соответствие с нашей психической жизнью и опускать всё то, что им не соответствует» [37].

Наука описывает результат взаимодействия множества исторических эпох, представляющий собой линейно упорядоченную (во времени) реальность⁷, состоящую из последовательности (кусков) исторических эпох.

В подобного рода киноленте, в которой мы живём, всё воспринимается во времени и, естественно, описывается как эволюция. Но рядом есть другие киноленты с иной эволюцией, и есть, быть может, не линейно упорядоченные реальности.

2.6.3. Появление эволюционирующего Мира, рождение истории

Однако мы всё-таки наблюдаем эволюционирующую реальность! Как объяснить изменения в реальности? Достаточно просто – как результат взаимодействия множества вечных исторических эпох, которое символически можно представить в виде квантовой интерференции всех мыслимых и немыслимых исторических эпох, входящих в суперпозицию:

$$\sum_{\Omega_{\alpha}} c_{\alpha} \Psi(\Omega_{\alpha}),$$

где $\Psi(\Omega_{\alpha})$ – волновая функция сопоставленная исторической эпохе Ω_{α} . Как точнее описать данную историческую интерференцию? В так называемом квазиклассическом приближении следует принять [11], что

⁷ Линейно упорядоченную реальность можно было бы назвать исторической последовательностью. В таком названии отражается факт смены (последовательность!) фрагментов разных исторических эпох.

$$\Psi(\Omega_\alpha) \equiv \Psi_\alpha({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = A_\alpha \left(\begin{array}{l} \text{медленно меняющаяся} \\ \text{амплитудная функция} \end{array} \right) \exp \left[-\frac{i}{\hbar} S({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) \right], \quad (1)$$

где ${}^{(3)}G$ – геометрия пространства, вмещающего человеческую цивилизацию, пребывающую в конкретной исторической эпохе, μ – ее материально-физическое устройство, B – состояние ее биосферы на «тверди земной», e – этническая организация, σ – государственное устройство и, наконец, ν – учет разумности людей, S_α – действие, удовлетворяющее уравнению Эйнштейна–Гамильтона–Якоби [11].

Тогда всем типам исторических эпох (типам общественного сознания) соответствует волновой пакет:

$$\Psi = c_\alpha u_\alpha + c_\beta u_\beta + \dots$$

Там, где «фазы отдельных исторических эпох-сознаний $\alpha, \beta, \dots$ » совпадают, то есть

$$S_\alpha({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = S_\beta({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = \dots = S$$

происходит (конструктивная) интерференция, приводящая к рождению единой для всех исторических эпох исторической последовательности, представляющей собой пространственно-временную реальность, в котором идут эволюционные процессы.

Заметим, что при интерференции двух исторических эпох Ω_α и Ω_β

$$\Psi(\Omega_\alpha) \equiv \Psi_\alpha({}^{(3)}G, \mu, B, e, \sigma, \nu) = [A_\alpha + A_\beta] e^{-\frac{i}{\hbar} S}.$$

Мы видим, что каждая историческая эпоха вносит свой вклад в историческую последовательность и ее вклад индивидуален. *Так происходят изменения в истории.*

Именно вклад одной исторической эпохи в другую вносит изменчивость в исторических эпохах, а как результат мы имеем эволюционирующую историческую последовательность, то есть эволюционирующую вселенную-реальность.

С точки зрения В.И. Пантина «Прошлая эпоха не исчезает, не уходит полностью в «никуда», она продолжает жить в новой эпохе в виде ее культуры и технологии, в виде сознания людей и сделанного ими выбора» (цит. по [4. С. 182]).

2.6.4. Реальны ли «замороженные» вечные исторические эпохи

Следует, однако, задать еще один вопрос: могут ли на самом деле существовать такие слабо меняющиеся бесконечные во времени исторические эпохи? Данилевский, Шпенглер, Тойнби в свое время достаточно подробно описывали общественные неизменяемые формации, которые мы называем историческими эпохами.

Наше бытие таково, что мы находимся и наблюдаем лишь результат квантовой интерференции – эволюционирующую историческую последова-

тельность. Но известно, что интерференция разрушается, если производится определенное «наблюдение» [30. С. 212–213].

Во всяком случае, если электрону дается возможность лететь через две щели, но не наблюдать за щелями, то имеет место интерференция двух электронов-волн, выходящих сразу из двух щелей. Если наблюдать за щелями, то интерференции нет.

Исторические эпохи – это «электроны-волны» от разных «щелей». Даже если оставить в стороне вопрос о природе этих «щелей» и о том, кто/что выпускает «электроны-волны», и попытаться понять, как за ними наблюдать и каково это наблюдение, то мы обнаружим следы различных исторических эпох.

У каждой исторической эпохи свое мировоззрение, свое представление о строении Мира. Возможно, как раз Павел Флоренский и «видел» Средневековье, упорно пытаясь с помощью теории относительности реабилитировать систему устройства Мира по Птолемею – систему с неподвижной Землей и с вращающимися вокруг нее Солнцем и планетами [31].

2.7. Проблема погружения поселений в землю

Почему древние города засыпаны песком или землей? Археологи придумали красивые рассуждения о «проседании зданий в грунт» или о «нарастании культурного слоя». Рассуждения эти наполнены массой деталей, снабжаются массой подробностей и, надо сказать, способны успокоить пытливые молодые умы начинающих археологов или любителей истории.

Но пока отсутствуют математические модели «ухода» поселений под землю, результаты соответствующих компьютерных экспериментов, такого рода рассуждения не являются в научном плане сколь-нибудь убедительными.

Особенно смешно объяснение о «культурном слое». По определению археологов, в частности Г.Н. Матюшина, «культурный слой – это слой или пласт любой горной породы и почвы со следами деятельности человека, то есть наличия в его толще различных артефактов» [32]. Почему смешно? Да потому, что в качестве аксиомы принимается утверждение о том, что человек является патологическим грязнулей и с утра до вечера загрязняет окружающее пространство. Как результат поселения постепенно засыпаются «культурным слоем».

Нас убеждают, что в городе помосты, асфальт всегда кладут поверх старого, а в деревне с грунтовыми улицами улицы, конечно, не метут; мусор, почву (грязь), золу, навоз, солому, отходы жизнедеятельности и т.д. не убирают столетиями и выкидывают на проезжую часть или просто во двор. И следовательно, если за год слой мусора, грязи, песка составит 0,5 см, то за 100 лет это даст 50 см, а за 200 – 1 м и т.д. Через 1000 лет дом вместе с трубой уже засыпан 5-метровой помойкой.

Кроме того, поселения засыпает песок, образующийся за счет выветривания горных пород. Горы разрушаются, камни перетираются в песок, ве-

тер его разносит по всей Земле и он-то и засыпает улицы. Боюсь, однако, что этот процесс занимает миллионы лет, а вот улицы-то уходят под землю за сотни лет. Не складывается картинка. И вообще просчитывал ли кто-то это самое выветривание как источник засыпания городов и деревень «культурным слоем»?

Другая загадка: как цветущие города Средней Азии оказались под барханами. Как заметила А. Лоренц, реки с гор принести столько песка не могли⁸, да и породы гор Тянь-Шаня, Памира и Алаи совсем иные. Если верить геологам, то, мол, пески там были всегда, то есть за миллионы лет до заселения этих мест людьми. Иначе говоря, люди подались в песчаные пустыни, чтобы построить города на песках, в которых они утонут. Глупые предки.

С «проседанием зданий в грунт» тоже не все удовлетворительно, если использовать этот довод для объяснения того, что город уходит в землю. Как показало исследование, проведенное Александрой Лоренц⁹, даже в Петербурге здания то стремительно в XVIII веке проседали в грунт по второй этаж, то в XX веке никак не желали уходить в землю. Хотя вроде как почва одна и та же.

Удивляет также, что люди за тысячи лет, творя архитектурные чудеса, упорно ошибаются (или не умеют) с расчетом фундамента и с оценкой основания зданий. В силу чего здания тонут в грунте.

Во всяком случае, один закон исторического развития историками открыт: все дома проседают в грунт, поселения засыпаются мусором и песком, образующимся при выветривании горных пород, и космическим веществом. И быть может, причина всего этого состоит в том, что параллельные исторические эпохи, интерферируя, «втискиваются» в одно место в пространстве. Почему при этом откопанные вещи оказываются постаревшими, поврежденными? Постараемся ответить на этот вопрос.

2.8. Почему стареют вещи

Историк и археолог имеют дело, как правило, со старыми вещами. Вещь из прошлого достается им одряхлевшей, с повреждениями, потускневшей, разрушающейся. Но ведь в то время, когда она была создана, она была новенькой, совершенной и яркой. Почему вещь доходит до нас составившейся? Почему в музеях мы видим древние вещи?

Вещь – это информация, числовой код, посредством которого ее можно напечатать на 3D-принтере. Следовательно, вещь как информация, как числовой код, *послана* нам как код из прошлого с искажениями, с ошибками.

В пространстве-времени жизнь вещи представлена как 4-мерное тело Ω , ограниченное двумя 3-мерными телами V_0 и V_1 на двух пространствен-

---

⁸ Скорость течения Амударьи не выше 180 м/мин, что < 360, и это не позволяет далеко нести горный песок.

⁹ Блог Александры Лоренц. Древние цивилизации засыпало песком. URL: <http://alexandrafl.livejournal.com/4402.html>

но-подобных гиперплоскостях S_0 , S_1 , первая из которых отвечает моменту времени t_0 , а вторая – t_1 , $t_0 < t_1$.

Посмотрим на время как на канал передачи информации, который посылает, передает код вещи V_0 из прошлого t_0 в будущее t_1 , где принятый код раскодируется органами чувств историка как вещь V_1 . Поскольку между t_0 и t_1 многое происходит, наш канал связи следует охарактеризовать как канал с шумом. Шум вносит помехи в передачу кода.

Любой канал связи обладает такой характеристикой как пропускная способность C .

По теории времени Козырева [33. С. 292], причина формирует следствие не сразу, а через длительность δt и их разделяет расстояние δx . Они задают универсальную константу

$$c_2 = \frac{\delta x}{\delta t},$$

характеризующую скорость превращения причины в следствие, или скорость течения времени.

Очевидно, $C = c_2$. Козырев оценивал значение величина c_2 как 700 км/с [33. С. 303].

Источником A передаваемой информации по рассматриваемому каналу связи является вещь A , находящаяся в прошлом; мы эту вещь видели в прошлом, ее видим и в настоящем, до нас доходит свет от нее. Поэтому можно сказать, что скорость передачи информации от наших источников, их производительность $H'(A)$ равна скорости света c .

По доказанной Шенноном теореме [34. С. 112], если производительность источника меньше пропускной способности канала связи, то есть $H'(A) < C$, то информация может быть передана со сколь угодно малой ошибкой. Иначе говоря, историк увидит вещь новенькой, несостарившейся. Но если $H'(A) < C$, то передача кода без ошибок невозможна.

В нашем случае $H'(A) = c > c_2 = C$.

Поэтому код вещи A передается из прошлого в настоящее с неконтролируемыми ошибками. По нему трудно воссоздать вещь A в настоящем такой, какой она была в прошлом. Вещь из прошлого доходит до нас потрескавшейся, потускневшей, старой, разрушающейся.

Время как коммуникационный канал связывает одну историческую эпоху, относимую к прошлому, с другой – относимой к настоящему. В силу сказанного при раскопках мы с необходимостью обнаруживаем вещи прошлых эпох постаревшими. С вещами все понятно, а куда исчезают люди прошлого при раскопках? Очевидно, их тела – материальные носители сознания – при передаче их кода по данному каналу разрушаются полностью, то есть их код тонет в шумах. А об их сознании будет написано в другой статье.

В заключение отметим, что, как писал историк Эйдельман, метафизика – это сложное философское введение, постоянное изъяснение причин и следствий. Все это отметалось Карамзиным сознательно [35. С. 75]. Почему? Наверное, великий русский историк Карамзин не хотел подобно многим своим современникам порождать заумные искусственные и пустые по сути конструкции, якобы объясняющие мир, в котором мы живем. И если в данной статье читатель увидел то, от чего отстранялся Карамзин, то автору полезно закончить ее следующим пожеланием:

(Да будет долга ваша жизнь на земле, причем вы будете невредимы!)

[Александр Гуц]

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1977.
2. Гёте И.-В. Избранные философские произведения. – М.: Наука, 1964.
3. Гёте И.-В. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1957.
4. Лаптева М.П. Теория и методология истории: курс лекций / М.П. Лаптева; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2006. – 254 с.
5. Чеканцева З.А. Время историка // Образы времени и исторические представления. Россия–Восток–Запад. Кругъ. – М., 2010. – С. 66–78.
6. Atkatz D., Pagels H. Origin of the universe as a quantum tunneling event // Phys. Rev. – 1982. – V. D 25. – P. 2065–2073.
7. Atkatz D. Quantum cosmology for pedestrians // Am. J. Phys. – 1994. – V. 62. – P. 619–627.
8. Vilenkin A. Creation universes from nothing // Phys. Let. – 1982. – V. 117B. – P. 25–28.
9. Гегель Г.В. Наука логики: в 3 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – 472 с.
10. Труфанов С.Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении. – Самара: Изд-во «Парус», 1999. – 192 с.
11. Гуц А.К. Физика реальности. – Омск: Изд-во КАН, 2012. – 424 Сс.
12. Шульц Г.Д. Пространства существуют не сами по себе, а создаются: к вопросу о происхождении понятия «Центральная Европа» в немецкой историографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ifl-leipzig.com/fileadmm/daten/downloads/НОМЕ/Publikatto11ea1opa1/1997>
13. Властюк О.С. Представления о пространстве русских историков второй половины XIX в.: дис. ... канд. истор. наук: Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2009. – 220 с.
14. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М., 1968.
15. Петровский Н.С. Египетский язык. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1958. – 146 с.
16. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1890–1907. – Т. XIII А (26). – СПб., 1894. – С. 481–482.
17. Блюхер Ф.Н. Философские проблемы исторической науки. – М., 2004. – 197 с.

18. *Смирнова Н. М.* От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). – М., 1997.
19. *Гуц А.К.* Многовариантная история России. – М.: АСТ/СПб.: Полигон, 2000. – 384 с.
20. *Гуц А.К.* Элементы теории времени. – Изд. 2-е, доп. – М.: УРСС, 2011. – 376 с.
21. *Gardiner A.H.* Egyptian Grammar; Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. – 3rd ed. – Oxford: Griffith Institute, 1957. (рус. пер. – URL: <http://www.egyptology.ru/lang.htm#Gardiner>)
22. *Коростовцев М.А.* Введение в египетскую филологию. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 168 с.
23. *Томсинов Е.Г.* Краткая история египтологии. – М.: Изд-во «Зеркало»: Изд. дом «Вече», 2004. – 320 с.
24. *Чегодаев М. А.* Древнеегипетская «Книга Мертвых» // Вопросы истории. – 1994. – № 8. – С. 145–164; – № 9. – С. 141–151.
25. *Гуц А.К.* Мир как интерференция исторических эпох // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Т. XII: Начало Руси. Славяне и варяги. Прошлое и будущее высокого Русского стиля. – СПб.: Издание СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2014. – 520 с. – С. 448–451.
26. *Гуц А. К.* Многовариантная Вселенная и теория исторических последовательностей // Математические структуры и моделирование. – 2012. – Вып. 25. – С. 70–80.
27. *Четверухин А.С.* Публикации, переводы и смысл Текстов пирамид по высказываниям исследователей // Тексты пирамид. – СПб.: Журнал «Нева», 2000. – С. 185–368.
28. *Boevski T., Tentov A.* Tracing the script and the language of the ancient macedonians // Contributions, Sec. Math. Tech. Sci., MANU. – 2005. – V. 26. – No. 2. – P. 7–122.
29. *Ньютон И.* Исправленная хронология древних царств. – М.: Ремис, 2007. – 648 с.
30. *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике. – Вып. 3. – М.: Мир, 1976.
31. *Флоренский П.* Мнимости в геометрии. – М.: Лазурь, 1991. – 96 с.
32. *Матюшин Г.Н.* Археологический словарь. – М.: Просвещение, 1996. – 304 с.
33. *Козырев Н.А.* Избранные труды. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 443 с.
34. *Зюко А.Г., Кловский Д.Д., Назаров М.В., Финк Л.М.* Теория передачи сигналов. – М.: Связь, 1980.
35. *Эйдельман Н.* Последний летописец. – М., 1983. – 176 с.
36. *Гуц А.К.* Формализация новой космогонии Лема // Математические структуры и моделирование. – 2014. – № 3 (31). – С. 48–56.
37. *Найссер У.* Внимание и проблема емкости. 1981 // URL: <http://lib.vkarp.com/2014/03/>

METAPHYSICS OF THEORETICAL HISTORY

A.K. Guts

This article gives an idea of theoretical history and highlights a number of fundamental problems of historical science.

Key words: theoretical history, cosmogony, historical periods, laws of reconstruction of the past, ancient Egyptian language, старение вещей.

МЕТАИСТОРИЯ

В.Д. Захаров

Всероссийский институт научной и технической информации

В этой статье разоблачается понимание истории как научного знания. Показано, что всякая «научная история» подвержена объективации исторического времени, производимой нашим сознанием. Такому пониманию истории противопоставляется метаистория, основанная на метафизике внутреннего опыта. Такая метафизика позволяет преодолеть синдром объективации. В этом аспекте рассмотрена христианская историософия, а также историософия, основанная на философии абсурда А. Камю.

Ключевые слова и фразы: историзм, метаистория, объективация, историческое время, метафизика, историософия, философия абсурда.

Что такое история и нужно ли её изучать? Само слово *historia* (греч.) означает рассказ о событиях прошлого – о том, что ушло и что мы не можем изменить. Нужно ли ворошить прошлое? Это имело бы смысл лишь в том случае, если бы знание о прошлом помогало нам извлекать какие-то уроки в отношении настоящего. Даёт ли нам история такие уроки? Самые выдающиеся философы и историки давали на этот вопрос различные и даже прямо противоположные ответы. Так, например, Ренэ Декарт сказал об истории, что единственный её урок тот, что она не может преподать никаких уроков. Гегель потом повторит эти слова. Неужели слово «история» не содержит никакого смысла? Карл Поппер окончательно добывает всякую нашу надежду на историю, когда утверждает [1. Т. 2]: «история» в том понимании, в каком её привыкли видеть люди во все века, сама по себе, объективно, не имеет никакого смысла. Люди лишь обманываются, когда от себя, по своей жажде смысла, вкладывают свой, желаемый смысл в слово «история».

В то же время можно указать на множество авторов, которые верят в смысл и значение истории, например, Дж. Коллингвуд [2], Люсьен Февр с его «боями за историю» [3], Марк Блок, написавший даже «апологию истории» [4]. Они рассматривают историю как *науку*, а разве кто-нибудь посмеет отрицать практическое значение наук? Так, например, Дж. Тойнби назвал свой основной труд «A study of history» [5] – «*изучение истории*». Изучают же то, что может быть изложено научным образом.

Кто же прав? Скептики во главе с К. Поппером или энтузиасты истории во главе с Дж. Коллингвудом и М. Блоком? Придётся разобраться с аргументами и тех и других.

Позиция скептиков. Поскольку наиболее ярко она выражена у К. Поппера, я дам её краткий эскиз по его книгам [1], [6] и [7].

Можно ли рассматривать историю как научное знание?

Первые попытки построения истории как науки были связаны с естественнонаучными воззрениями XVIII века, которые казалось возможным распространить также на общественных явления. Науки того времени строились исключительно на методологии позитивизма. Согласно этой методологии, естественная наука складывается из двух элементов: 1) из установления данных в чувственных восприятиях фактов, 2) из разработки законов, определяемых путём обобщения фактов посредством индукции. Позитивистская историография рассматривала человека как примитивное, *вычисляемое* природное существо, такое, чьё поведение предсказуемо на основе законов природы.

Ещё Огюст Конт, отец позитивистской историософии, оформил социологию как «науку», которая должна была «*savoir pour prévoir, prévoir pour prévenir*» («знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы предупредить»). Он уверял человечество: «Существуют законы, управляющие развитием человеческого рода, столь же определённые, как те, которые определяют падение камня». Исток этих представлений восходил к его любимому учителю Сен-Симону, который уверял уже, что построил науку Истории как «социальную физику», на едином принципе, подобном закону всемирного тяготения.

Теперь, спустя 150 лет, мы можем оценить, что и насколько эта «наука» умела *prévoir* и *prévenir*. Подчинив человека исключительно законам природы, «научное понимание истории» осталось при разбитом корыте: взявшись объяснить в истории всё, не объяснило ничего. Отвергнув силы сверхъестественные, не нашло взамен никаких естественных сил, движущих народами. Подытожьте исторический опыт последних трёх столетий – вы увидите, что «научная социология» не смогла предсказать ни одного исторического события, например, войну или революцию.

Позитивистская трактовка истории, фактически упразднявшая разницу между историей и природой, удерживалась в умах историков вплоть до конца XIX века. Карл Поппер начал с того, что сначала разоблачил позитивизм в физике. Он ввёл в употребление такой критерий достоверности физической теории, как *фальсифицируемость*. Она означает включённую в саму теорию возможность её опытного опровержения: «В той степени, в которой научное высказывание говорит о реальности, оно должно быть фальсифицируемо» [7]. Позитивизм же даже не говорит о реальности: основанная на нём теория нефальсифицируема и есть не более чем феноменология. Соответствие её опыту не делает её достоверной.

Далее К. Поппер разоблачает позитивистскую философию истории. Он даже делает нечто большее: разоблачает более общую историософскую концепцию, названную им *историцизмом*. Историцизм игнорирует человеческую индивидуальность, считая, что действующими лицами на Сцене истории являются либо Великие нации и их вожди, либо Великие классы, либо Великие идеи. По мнению К. Поппера: «Он (историцизм. – В.З.) пытается понять смысл пьесы, разыгрываемой на Сцене истории, и осмыслить законы

исторического развития. Если это ему удаётся, то он, конечно, может предсказывать будущие события. Поэтому в его силах предоставить политике прочную основу и дать нам практические советы, указывая на то, какие политические действия могут привести к успеху, а какие нет» [1. Т. 1. С. 38]. Законы, которые стремится осмыслить историцизм, могут быть как естественными (пример – марксизм: идея великого класса), так и сверхъестественными, созданными волей Бога (пример – иудейская теория договора с Яхве: идея избранного народа).

К. Поппер разоблачает историцизм в его главной цитадели: в его претензии на пророческие предсказания. Историцизм считает, что история человечества следует некоторому плану, и если нам удастся разгадать этот план, мы получим ключ к будущему. Поппер замечает, что предсказания, которые делает историцист по аналогии с научными предсказаниями, могут относиться только к изолированным, устойчивым и воспроизводимым системам. Даже в природе такие системы встречаются чрезвычайно редко, а общество, безусловно, не относится к их числу. Общество постоянно изменяется, и наиболее интересные аспекты исторического развития не повторяются [6].

В качестве типичного проявления историцизма Поппер анализирует марксизм с его претензией на научное понимание истории. К. Маркс претендовал на открытие законов исторического развития, которые действуют с такой же роковой необходимостью, как и законы природы. Знание этих «законов» позволит осуществлять научное предвидение хода истории. К. Поппер отмечает: «Маркс смотрел на людей как на актёров на сцене истории, включая “больших” актёров, как на простых марионеток, неумолимо подталкиваемых экономическими пружинами – историческими силами, над которыми у них нет никакой власти. Сцена истории, учил он, встроена в социальную систему, которая связывает нас всех и, следовательно, находится в “царстве необходимости”» [1. Т. 2. С. 120]. И что же? Сумел ли Маркс осуществить научное предвидение хода исторических событий? Поппер даёт ответ: «Маркс был пророком, указывавшим направление движения истории, и его пророчества не сбылись... Маркс не состоялся как пророк, причём исключительно по причине нищеты историцизма как такового» [1. Т. 2. С. 98, 222].

Мы должны согласиться с заключением, которое делает К. Поппер [1. Т. 1. С. 305]: «Действительно, не может быть никаких исторических законов». Задача истории – лишь «описание событий прошлого в том виде, в котором они действительно имели место». Единственная же общая идея, используемая историком для интерпретации событий прошлого, слишком тривиальна для того, чтобы называться законом: это неявное предположение, согласно которому здравомыслящие люди, совершавшие те или иные деяния в прошлом, всегда действовали более или менее рационально, иначе их деяния историку невозможно было бы осмыслить.

Чтобы понять дальнейшие рассуждения К. Поппера, относящиеся к *смыслу истории*, целесообразно использовать понятие, которое сам он не употребляет, но которое проходит красной нитью через все его сочинения – понятие *объективация*. Оно введено в употребление Н. Бердяевым, но явление, им обозначаемое, было открыто много ранее И. Кантом, который назвал его «трансцендентальной иллюзией» нашего разума. Иллюзия разума состоит в том, что он собственный продукт – объект познания – отождествляет с реальностью, стоящей за миром феноменов.

В отличие от фактов, с которыми имеет дело наука, факты прошлого, которые должен установить историк, никогда не даны ему в ощущениях, как феномены: прошлое ушло и непосредственно недоступно наблюдениям. Феномены, с которыми имеет дело историк, называются историческими *источниками*. Только они даны ему непосредственно. Тут вступает в игру важнейший фактор – отбор источников. Здесь и проявляет себя объективация.

Из огромного многообразия фактов, которые историк находит в источниках, он отбирает только те, которые согласуются с принятой им точкой зрения. Отбор фактов субъективен. «В конце концов, – пишет К. Поппер, – мы изучаем историю для того, чтобы удовлетворить свои интересы, и, по возможности, понять при этом свои собственные проблемы» [1. Т. 2. С. 309]. Наши собственные интересы и наши проблемы определяют для нас, какой должна быть история. Так называемая «историческая реальность» создаётся как продукт объективации, осуществляемой нашим сознанием (нашим *Dasein*). Проще говоря, история видится нам такой, какой мы захотели её видеть. «Итак, – заключает Поппер, – не может быть истории “прошлого в том виде, как оно действительно имело место”».

Казалось бы, «история», которую на этом пути изобретают историки, должна иметь хотя бы характер прекрасной иллюзии. На самом деле она поражает своим безобразием. По разоблачению К. Поппером блефа историцизма стало ясно, что никакого объективного «плана» у истории нет, а стало быть, нет и никакой «всеобщей», или «мировой», истории. На деле под историей человечества люди понимают то, о чём написаны учебники истории, а это есть история политической власти. «Её обычно возводят в ранг мировой истории, – пишет К. Поппер, – но я утверждаю, что это оскорбительно для любой серьёзной концепции развития человечества» [1. Т. 2. С. 312]. История политической власти – это история воровства, грабежей и отравлений, войн и революций, то есть международных преступлений и массовых убийств.

Историцизм и возник как справедливая реакция на этот ужас политической истории. Он возник как способ бегства от этого ужаса в иллюзию. Это была вера в высший план истории, естественный или божественный. Атеистический историцизм обрекал человека на безвольную пассивность: человек чувствовал, что раз им управляют высшие силы, то он лишён свободы и, стало быть, не несёт ответственности за свою судьбу. Он становился

безвольной игрушкой в руках судьбы и мог надеяться только на благоприятный для себя результат в играх случайностей. С другой стороны, теистический историцизм оставлял человеку только надежду на загробное воздаяние от Бога. У Достоевского от такого божественного воздаяния отказывается Иван Карамазов, заявляющий, что он возвращает Господу Богу билет на вход в мировую гармонию, купленную ценою непрерывных истязаний людей за всю их историю. Никаким будущим блаженством страдания невинных людей искуплены быть не могут.

На примере марксизма видно, что атеистический историцизм не очень принципиально отличается от историцизма теистического: и там и тут – рок, предопределённость, судьба. «Маркс возвёл в своём деизме богиню “исторической необходимости” на место Яхве, пролетариат современного западного мира – на место еврейского народа, а царство Мессии изобразил как диктатуру пролетариата» [1. Т. 2. С. 292].

Несмотря на разоблачение смысла всякого рода гармонии – природной или божественной, – К. Поппер, однако, умеет оставаться оптимистом: «Я утверждаю, что история не имеет смысла. Из этого, конечно, не следует, что мы способны только с ужасом взирать на историю политической власти... Хотя история не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели, и *хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл*» [Там же. С. 320]. Каким образом? К. Поппер объясняет: человек может отказаться от обеих иллюзий историцизма, осознав свою свободу и ответственность за принятие решений. «Мы можем интерпретировать историю политической власти с точки зрения решений борьбы за открытое общество, за власть разума, за справедливость, свободу, равенство и за предотвращение международных преступлений... Человеческие институты – такие, как государство, – не являются рациональными, но мы можем решить бороться за то, чтобы сделать их более рациональными» [Там же].

Здесь я вынужден возразить уже самому К. Попперу, который сам же предупредил нас, что люди обманываются, внося свой «смысл» в историю. Если наше сознание навязывает истории смысл, которого она сама по себе не имеет, то это есть типичное проявление объективации. Любопытно, что, разоблачив историцистскую объективацию (она у него проходит под термином «цикличность»: любая интерпретация фактов циклична в том смысле, что она должна соответствовать интерпретации, которая использовалась при первоначальном отборе этих фактов), Поппер сам попал в плен объективации. Понять его можно: если мы не вносим в историю смысл извне, то в ней невозможен прогресс, то есть мы не можем с оптимизмом смотреть в будущее, не можем надеяться, что оно ожидаемо лучше, чем настоящее.

Задача научной истории. Пришло время выслушать противоположную сторону – точку зрения апологетов истории как науки. Надо отдать им должное: они глубоко проникли в суть вопроса и, прежде всего, поняли, что науку истории нельзя строить на концепциях историцизма, и в частности на концепции позитивизма. Научная история началась, по Коллингвуду [2],

с конца XIX века как восстание против позитивизма. Позитивизм отождествлял всякую научную методологию с методологией естественных наук, поэтому критика позитивизма неизбежно должна была казаться восстанием против науки и, более того, восстанием против самого интеллекта. В действительности эта практика «была не восстанием против естественных наук, а восстанием против философии, утверждавшей, что эти науки являются единственно возможным видом знания. Она была и не восстанием против интеллекта, а восстанием против представлений, ограничивающих интеллект типом мышления, характерным для естественных наук» [2. С. 129].

В позитивном же плане это новое движение мысли имело своей целью на новом уровне создать историю как самостоятельную форму *знания*, отличную от естественных наук. Если историк познаёт факты прошлого, то философ истории интересуется не этими фактами как таковыми, а тем их свойством, которое делает возможным для самого историка их познание. Прошлое для философа истории не серия событий, а система познанных объектов.

Что означает для философии истории познание прошлого и как оно осуществляется? Прошлое дано нам *в настоящем* в форме источников. Мы не впадём в примитивную форму объективации, связанную с нашим субъективным отбором источников, если обратим внимание на то, что факты прошлого отражают *деяния* людей, деяния же – это «события, порождённые волей и выражающие мысли свободного и наделённого разумом деятеля» [2. С. 171]. Историк же открывает эти мысли, воспроизводя их в собственном сознании. «Историк ищет именно эти процессы мысли. Вся история – история мысли» [2. С. 204]. В отличие от естествоиспытателя, историк не занимается поиском причин и законов событий. Событие – это мысль, им выражаемая, и открыть эту мысль значит уже понять её. Если историку достаточно лишь понять событие, а не отыскивать его причину или какие бы то ни было «законы» истории, то это означает, что научная история отказывается от исторических пророчеств. Тем самым она свободна от любой формы историцизма.

В отличие от природного процесса, в котором прошлое умирает, сменяясь настоящим, в историческом процессе прошлое – живое, оно продолжает жить в настоящем. Исторический переход от одного способа мышления к другому не является смертью первого, он означает его сохранение, связанное с включением его в новый контекст, предполагающий его развитие и его *критику*.

Такое *научное* понимание истории Коллингвуд противопоставляет прежним, ненаучным концепциям, которые он называет «теорией исторического знания в рамках здравого смысла». Существенными сторонами таких концепций истории являются память и авторитет. «Память» означает веру в истинность чьих-либо воспоминаний, найденных историком в том или ином источнике. «Авторитет» означает беспрекословное признание истинности того, что сообщено источником. «Историю», создаваемую таким способом,

Коллингвуд называет «историей, сделанной с помощью ножниц и клея», то есть сводящейся к простому, буквальному, некритичному переписыванию источников. И Дж. Коллингвуд, и М. Блок неоднократно указывают на необходимость активного, а не пассивного использования источников. Надо уметь задавать источнику вопросы, чтобы он открыл нам более, чем сам хотел открыть. Для этого историк должен использовать весь арсенал своих знаний о событиях, сопровождающих факты, упомянутые источником. Историю делает наукой сам историк. Подлинно научное знание означает, что единственным авторитетом для историка является он сам, вооружённый критикой всяких источников, вплоть до их полного отвержения, если они не соответствуют его, историка, собственному критерию истины.

Что же является критерием исторической истины? Вопрос напрямую связан с другими двумя вопросами: 1) что такое историческая реальность? 2) что является предметом истории?

Сначала заметим, что историческое «прошлое» вообще не есть прошлое, сохранившее своё существование в настоящем. Факты истории всегда даны нам *только* в настоящем. «Историческое прошлое – мир идей, созданный свидетельствами о прошлом, существующими в настоящем» [2. С. 148]. Если рассматривать прошлое как некую завершённую вещь в себе, оторванную от свидетельств (ибо свидетельство дано только в настоящем), то оно было бы непознаваемым, и ни о какой научной истории не пришлось бы говорить: её место заняли бы наши выдумки и фантазии.

Тут, однако, возникает дилемма, сформулированная английским историком Ф. Брэдли (1846–1924). Если история есть мир идей человека, называющего себя историком, то может ли этот мир идей существовать объективно, независимо от сознания историка? Если же он существует объективно, то он уже не принадлежит историку и не может быть им познан в указанном выше смысле, то есть воспроизведён в сознании историка.

Коллингвуд находит выход из этой дилеммы, хоть и не ссылаясь прямо на Гегеля, но явно применяя к истории гегелевскую идею Мыслящего Духа (*Denkender Geist*). В этом и состоит «идея истории» Коллингвуда, позволившая ему преодолеть и отбросить «историю ножниц и клея».

Философ истории, воспроизводя в своём сознании мысли исторического деятеля, мыслит о мысли. Историческое мышление – мышление особого типа. Оно всегда есть *рефлексия*: так называется мышление об акте мысли. Мысль, являющаяся рефлексией, никогда не является простым непосредственным опытом: она говорит не об объекте мысли, а о самой мысли, а это значит, что она является *самопознанием*, знанием самого себя как существа мыслящего. Такое мышление *субъективно* в том смысле, что оно познаёт самое себя, а не в смысле субъективности нашего непосредственного опыта, то есть чувствования («если бы весь опыт носил такой характер, он никогда не смог бы стать объектом познания вообще» [2. С. 281]).

Как видим, в историческом мышлении субъект – мыслящий дух – сам является объектом. Этот объект не есть нечто, лежащее вне сознания, его

познающего. Этот мыслящий сам себя дух воспроизводит деяния, совершённые им в прошлом, увековечивая эти деяния в настоящем. Это и есть историческое познание – познание прошлого в настоящем. Для историка действия прошлого – «объективны и могут быть познаны им только потому, что они одновременно и субъективны, то есть являются действиями его собственного сознания» [2. С. 208]. «Таким образом, – заключает Коллингвуд, – дилемма Брэдли снимается... Реальное не делится больше на то, что познаёт, но не может быть познанным, и на то, что познаётся, но не может познавать. Право духа познавать самого себя восстановлено» [2. С. 146].

Отсюда следует автономность исторического мышления, его особенность, делающая его независимым от каких-либо иных форм мышления, в том числе употребляемых в естественных науках. Поэтому критерий достоверности историка содержится в нём самом, но не как в естествоиспытателе, а как в историке. «История имеет свой собственный критерий, и его правильность не зависит ни от чего, кроме самой истории. Принципы истории – это законы исторического духа, и не что иное, как исторический дух создаёт самого себя в процессе исторического исследования» [2. С. 134].

Эта автономность истории позволяет ей творить свою собственную *реальность*. Источники сами по себе содержат лишь разрозненные факты. Историческая же реальность предполагает *непрерывность* хода истории. Эту непрерывность создаёт сам историк, привлекая для этого иную сторону активного использования источников, которую Коллингвуд называет *априорным воображением*: «Я определяю конструктивную историю как историю, интерполирующую между высказываниями, извлечёнными из наших источников, другие высказывания, предполагаемые нами» [2. С. 229]. Эта способность к интерполяции и составляет «идею истории», формирующую историческую реальность. Она рассматривается в качестве элемента структуры сознания человека. «Эта идея в картезианской терминологии является врождённой, в кантианской – априорной... Она не имеет точного эквивалента в опыте» [2. С. 237]. Поэтому историк никогда не может быть уверен, что его картина прошлого вполне адекватна его идее о том, каким оно должно быть. Несмотря на это, «идея, направляющая его деятельность, ясна, рациональна и всеобща. Эта идея исторического воображения как формы мысли, зависящей от себя, определяющей и обосновывающей саму себя» [Там же].

Отсюда также видно, что история – творческий процесс, в котором критерий достоверности никогда не бывает завершённым. Только практикуя историческое мышление, историк учится мыслить исторически.

И Дж. Коллингвуд, и М. Блок не сводят историю к догме. Историческое исследование рассматривается ими как непрерывный поиск, а поиск – это практическое средство, используемое любой наукой. Любая наука в качестве своего метода использует упорядочение и организацию информации, только в науке истории этот способ принципиально отличен от метода естественных наук. М. Блок напоминает к тому же, что история как наука ещё слишком молода по сравнению с науками о природе и призывает к снисхо-

дительности по отношению к ней. «История пока еще не такова, какой должна быть, – пишет М. Блок и добавляет: – незавершённое, которое постоянно стремится перерастить себя, обладает для всякого живого ума очарованием не меньшим, чем нечто, успешнейшим образом законченное» [4. С. 14]. Мне кажется, М. Блок даже излишне перестраховывается. Естественные науки также никогда не представляют собой нечто законченное. Они также находятся в непрерывном развитии, поскольку подвержены так называемой смене научных парадигм. Так, например, квантово-релятивистская парадигма рисует нам совершенно иную картину мира, нежели прежняя механистическая парадигма Галилея–Ньютона.

Тем не менее история под руками её апологетов приняла вид науки со своим предметом, который можно называть исторической реальностью или «историческим бытием» [2. С. 135].

Критика исторической апологетики. Мною сделана попытка максимально адекватно, по возможности текстуально точно, отразить «идею истории» как науки, какую она представляется её апологетам. Теперь настало моё время для критики этой «идеи истории».

1. Сначала я остановлюсь на отношении этой «идеи» к такому фактору, как время. Апологеты истории признают, что человеческая история не есть история Космоса, а есть нечто принципиально отличное от неё. Человеческая история ещё в древние времена получила наименование «олам» [9]. История как *олам* предполагает вовлечённость её в поток исторического времени, но это «*время*» не есть то геометризованное время, которым в физике описываются изменения природных объектов. Николай Бердяев пишет об этом так: «События истории происходят в историческом времени, в то время как события природы происходят в космическом времени. Космическое время есть круговорот, историческое же время есть линия, устремлённая вперёд... История выходит из космического круговорота и устремляется к грядущему... Только потому история не есть окончательно отвратительная и бессмысленная комедия» [10. С. 147–148].

В этом же плане говорит об историческом времени М. Блок. Прежде всего, он подчёркивает, что история – это наука о людях: «Настоящий историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждёт добыча» [4. С. 18]. И далее он добавляет, что история – не просто наука о людях, а *о людях во времени*, ибо «исторический феномен никогда не может быть объяснён вне его времени». Блок вводит понятие «историческое время», полностью отделяя его от времени естественных наук, «условно дробящих его на искусственно однородные отрезки» (за этим угадывается геометризованное время физиков).

Однако в позитивном смысле ни он, ни Коллингвуд не объясняли историческое время. Так, согласно идее истории Коллингвуда, историк занимается не событиями прошлого, а мыслями, выражающими эти события. Хотя эти мысли и сами представляют собой события, случившиеся во времени, но специфическая особенность, делающая их историческими, состоит

не в том, что они имели место во времени, а в том, что их воспроизводит «мыслящий дух». Дух, воспроизводящий сам себя, существует вне времени, поэтому вневременны и события, *как их воспринимает историк*. Они столь же не изменяются со временем, как, например, в геометрии не изменяются со временем свойства треугольника.

Иного и нельзя было ожидать от теории, исходящей из гегелевской концепции Мыслящего Духа. У Гегеля не существует временных отношений между событиями: их заменяют отношения логические. Тогда непрерывность хода истории, образующая у Коллингвуда историческую реальность, — не временная, а чисто логическая, заданная в нашем разуме. Однако, как отмечает Л. Толстой в «Войне и мире», «для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения».

2. Дж. Коллингвуд справедливо указывает, что «науку о человеческой природе» невозможно создать на аналогии с принципами и методами естественных наук. Я согласен с ним в том, что человек по своей «природе» сверхприроден, сверхкосмичен. Однако, поскольку его «идея истории» осуществляется как история духа, то он считает, что человек, как существо духовное, полностью описывается методами истории в его разработке. Утверждать подобное — значит бросать серьёзный вызов всей новоевропейской классической философии, которая более чем за 300 лет не только не разрешила вопрос о том, что такое есть человек, но даже не сумела корректно поставить сам этот вопрос.

Не будем пока вникать в сам сложный вопрос о природе и сущности человека, удовлетворимся пока тем, о чём говорит Зигмунд Фрейд и что мы никак не можем отрицать: поведение человека не определяется только одним его разумом. Оно часто обусловлено не осмысляемыми им *подсознательными* импульсами. Я думаю, именно поэтому внешняя канва истории состоит из событий, не поддающихся рациональному объяснению. Такого рода события историк не может признавать *историческими*, и тут вспоминаются слова героя Анатоля Франса [8], который говорит: если причиной исторического события является событие неисторическое, то историк игнорирует эту причину.

Я приведу один пример исторического события, причиной которого являлись поступки исторического деятеля, которые нельзя признать рациональными, то есть историческими по Коллингвуду, но которые были вызваны чуждыми его сознанию эмоциональными импульсами.

Лондон, май 1536 года. Казнь Анны Болейн. Чтобы жениться на ней, король Генрих VIII вышел из-под юрисдикции Римской Церкви, сделав Англию протестантской страной. Это — событие мирового масштаба, в полном смысле историческое, ибо оно изменило ход европейской истории. Можно ли понять это по Коллингвуду? Когда он говорит, что мы можем угадать ход мыслей исторического деятеля, то при этом мы неявно предполагаем, что он руководствуется таким же разумом, как наш собственный: ведь наш разум способен угадывать мысли, а не эмоции. А тут одни только

эмоции – ведь король пошёл на неразумный исторический поступок, навлекший на него вражду Римской Церкви и Испании. Король добился расторжения брака с первой женой Екатериной Арагонской, которая была испанской инфантой и с которой он прожил 24 года, пока его не сразила *страсть* к фрейлине его жены Анне Болейн. Можно ли предугадывать и объяснять разумом *страсть*?

Такой же загадкой предстаёт для историка казнь А. Болейн. По Коллингвуду, историк не отыскивает причины событий: «если он знает, что произошло, то он уже знает, почему это произошло», ибо он нашёл *мысль*, этим событием выражаемую. Разве же *мысль* двигала Генрихом? Современные историки честно признаются, что им до сих пор, спустя 500 лет, неизвестно, что побудило Генриха казнить Анну, которой он так страстно домогался и которой, наконец, добился как осуществления своей мечты. Все версии, предлагаемые историками, связаны с чем-то *неразумным*: либо с доносами придворных на Анну (которым Генрих почему-то стал верить), либо вообще с колдовством (Анна вдруг представилась Генриху ведьмой, которая хотела погубить его).

3. Если история претендует на научность, то по поводу исторической реальности она должна ответить на вопрос, который стоит перед любой наукой: что есть реальность?

Что касается науки о природе, то, например, М. Хайдеггер говорит, что эта наука «не умеет мыслить», если задачей мышления является познание реальности (см. [11]). Причина была объяснена нами в начале статьи: «не умеет мыслить» наука, основанная на позитивизме. Однако ей можно противопоставить другую физику – физику, основанную на метафизических принципах. Такая физика становится фальсифицируемой и, согласно критерию К. Поппера, она в состоянии описывать реальность. Соответствие её опыту, от которого она по своим исходным принципам не зависит, является настоящим доказательным признаком её истинности.

Метафизика, лежащая в основе физических теорий, – это метафизика так называемых *геометрических пространств*, противопоставленных «физическим пространствам», формируемым на основе опыта наших чувственных ощущений [24]. Физические пространства лежат в основе позитивистской научной методологии, геометрические пространства – это метафизика современной физики. На этом основано метафизическое понимание времени в физике.

Даже в физике понятие «время» прояснилось только с созданием в 1905 г. теории относительности, объединившей время с пространством. Теория относительности показала, что физическое время существует только в той области пространства-времени, где события могут причинно влиять друг на друга. Где нет причинно-следственной связи, там нет и времени. Причинная связь приобрела геометрический характер, но тем самым было геометризовано и само время: используя постоянный переводной множитель c , где c – скорость света ($x = ct$), можно было свести время к пространству. Тем

самым оказалось возможным измерять время: его измерение сводилось к измерению пространственных длин. Важным следствием такого определения было то, что оно *обратимо*: физические уравнения не меняются при изменении знака времени. Это означает взаимозаместимость прошлого и будущего. Иначе это выражают, говоря: в физике отсутствует *стрела времени*, то есть отсутствует однонаправленность времени.

Геометризованное время в физике вполне соответствует натуралистическому характеру лежащей в её основе метафизики. Иное дело – время в истории. Мы видели, что «научная история» сама отвергает натуралистическое время, провозглашая, что её «историческое время» принципиально отличается от времени в естественных науках. С этим нельзя не согласиться. Геометрическое время никак не соотносится с внутренним миром человека, с его сознанием (*Dasein*), формирующим целостный взгляд на мир – то, что называют *образом мира*. Так, например, в [25. С. 30–31] показано, что картина мира, описываемого в геометрическом времени, критически зависит от выбранной наблюдателем системы отсчёта. Именно геометрическое время, как фиктивное время математиков, имел в виду А. Эйнштейн, сказав, что «время – это иллюзия».

Подлинное историческое время должно быть основано на метафизике иного порядка – той, о которой говорит А. Бергсон [26]. Эта метафизика с самого начала нацелена на построение образа мира, содержащего как центральный элемент наше познающее Я. В этой метафизике наше Я не исчерпывается одним нашим дискурсивным мышлением: тогда бы это была рационалистическая метафизика природного мира. Эта метафизика строится не от объектного мира, а из субъекта. Время бытия нашего Я не есть геометризованное время физиков – это есть *внутреннее время*, которое А. Бергсон называет *la durée* – длительность (в отличие от *le temps* – времени геометрического, измеряемого нами по часам). Внутреннее время целостно, неделимо на отрезки и поэтому неизмеримо. В этом времени-длительности мы явственно ощущаем его необратимость (стрелу времени).

Откуда берётся метафизика истории? Создаётся ли метафизика разумом? Чтобы утверждать это, надо бы определить, что такое разум. «Где и кем было решено, что такое разум?..» – задаёт вопрос Хайдеггер [12. С. 114].

В своём внутреннем опыте мы имеем только то, что Хайдеггер обозначает как *Dasein* («вот-бытие»). Это все наши психические образы – наши представления и наши мысли. Иногда это *Dasein* заменяют термином «сознание», но это не делает его для нас яснее. Это *Dasein* просто дано нам как налично присутствующее. Это не значит, что оно нами познано, ибо «познавать» мы умеем только то, что дано нам как объект. Мы познаём не само *Dasein*, а только проявления его в форме объектов. Это и есть то его свойство объективации, которое Кант назвал иллюзией нашего разума. Иллюзия состоит в том, что объект, отчуждаемый от себя нашим *Dasein*, мы принимаем за реально существующее («бытие»). Тогда-то и возникает это

ложное понятие «разум», которому ложно приписывается свойство познания бытия (пресловутое «тождество разума и бытия»).

Всё сказанное тем более относится к истории. Чтобы она могла описывать реальность, она должна быть метафизикой внутреннего опыта. Удовлетворяет ли этому требованию «идея истории» Коллингвуда? Нет, конечно. Метафизика создаётся не дискурсивным мышлением, между тем во главе угла концепции Коллингвуда лежит именно «мыслящий дух», создание «разума», мыслящего, по Гегелю, формально-логически. Может ли «разум» сам себя объективировать? По Коллингвуду, в этом и состоит основная функция «мыслящего духа», который мыслит сам себя *как объект*. Следовательно, такая «наука истории» вся есть иллюзия нашего «разума». Построенная как наука, но лишённая метафизического основания, она не может претендовать на проникновение в «историческую реальность». Неслучайно она оторвана от исторического времени, которое она не может даже определить. Историческое время отражало бы смену метафизических парадигм истории, что совершенно исключается «наукой» Коллингвуда, в которой мыслящий дух всегда сам себя воспроизводит и, следовательно, всегда сам себе тождественен. История должна стать метафизикой внутреннего опыта – *метаисторией*.

Выше я привёл лишь один из множества примеров, показывающих, каким клубком бессмыслиц предстают перед нами факты истории при всякой попытке их рациональной интерпретации. Мы должны сделать вывод: не может быть научной истории, поскольку нет науки о её базовом объекте – человеке. Не может быть науки истории, основанной на сознании (разуме) человека, о котором можно лишь высказывать произвольные, ни на чём не основанные суждения. Ибо сознание не первично, а производно: его создаёт человеческая *личность*, использующая его как вспомогательное средство для ориентации в меняющемся мире феноменов. Главнейший вопрос истории, определяющий её сущность и смысл, – это вопрос о человеческом существовании как самоидентификации личности в истории. Этот вопрос не решается чисто интеллектуальным способом: одного дискурсивного разума для его решения недостаточно. Неудача К. Поппера, пытавшегося придать объективированный смысл исторической бессмыслице, происходит из той же причины: этот смысл он искал в чисто логическом, интеллектуальном разуме.

Муза Клио подчиняется богу Аполлону, а не человеческому интеллекту. Да вдохновит она нас на иные, внерациональные пути, ведущие к ней!

Смысл истории. По словам М. Блока, история – это наука о человеке; однако никто ещё не создал науку о человеке как науку о сознании. Э. Гуссерль предпринял огромные усилия, чтобы создать «точную науку о сознании», – эти усилия окончились неудачей. Наука всегда формулирует *предмет*, и это её предметное знание означает, что она изучает нечто внешнее, отличное от субъекта. Чтобы осмыслить историческое время, она вынуждена его объективировать, придавая ему натуралистический смысл, а это вело

к противоречию той «идее истории», в соответствии с которой научная история не может быть сведена к естественным наукам.

В объективированном же времени история лишается смысла. Что мы понимаем под смыслом истории? По человеческому разумению, под ним всегда понимался *прогресс* как упование на будущее, которое должно быть лучше настоящего. В натуралистическом времени существует Космос, а не история, в этом времени нет места для человеческих упований и надежд. В таком времени протекает бессмысленная эволюция, а не прогресс. Прогресс всегда связан с *профетизмом*, или, по-иному выражаясь, с *мессианизмом* – это и есть упование на будущее. «Мессианизм, – пишет Н. Бердяев, – есть основная тема истории... Философия истории была возможна и существовала именно потому, что всегда заключала в себе профетический элемент. Никакой другой философии истории, кроме профетической, быть не может» [10. С. 172].

Смысл истории, как и всякий вообще смысл, существует в человеке и для человека. Смысл всегда означает соизмеримость с судьбой личности. Н. Бердяев подчеркивал: «Смысл, не соизмеримый с судьбой личности, с моей судьбой и ничего для неё не значащий, есть бессмыслица... Я не могу жить в “великом целом”, “великое целое” должно жить во мне, я должен раскрыть его в себе» [10. С. 172]. Таким образом, смысл истории есть смысл бытия человеческой личности, а он не может раскрываться в историческом времени, если это – время внешнего объектного мира. Человеческая личность существует вне природы и её «законов», она выше «сознания» (*Dasein*), и её нельзя объективировать, понять как предмет. Подлинное историческое время есть время собственного человеческого существования. Бердяев называет его «экзистенциальным временем», я же связываю это время с именем А. Бергсона [14] и называю его «бергсоновым временем».

Очевидно, стрела (однонаправленность) времени – это свойство внутреннего, бергсонова времени. Бергсоново время, в отличие от геометрического, не постигается на пути причинно-следственных связей. Время наших внутренних психических процессов невозможно описать причинным образом. Оно внерационально, ибо оно есть время иного пространства – не геометрического, а духовного. Бергсон возрождает представление первого европейского философа-экзистенциалиста блаж. Августина о времени: природа времени – это природа человеческой души. Время живёт в нашей душе и постигается ею: «В тебе, душа моя, измеряю я время...» (Исповедь, [22. С. 176])¹.

¹ Бергсоново время, не совместимое с классической причинностью, в принципе может быть применено и для описания внешних, объектных систем, рождающихся и эволюционирующих беспричинным образом, – так называемых хаотических систем. Можно говорить не только о внутренней, психологической стреле времени, но и о внешней, космологической стреле, если принять во внимание, что Вселенная возникла из квантового хаоса – в процессе *необратимого* фазового перехода из состояния квантового вакуума к состоянию вещества (И. Пригожин) [15; 16]. Необратимость этого квантового перехода рождает стрелу времени, которая говорит о том, что реальная Вселенная живёт в бергсоновом времени. В [17] пока-

История и эсхатология. Поскольку субъект истории – человек, а смысл истории существует лишь для человека и в человеке, то возникает вопрос: каким образом человек может постигнуть смысл истории? Нетривиальность вопроса состоит в том, что человек существует в своём внутреннем (экзистенциальном) времени, тогда как история протекает во внешнем, объективированном времени. Это приводит к неизбежному конфликту между человеческой личностью и историей, не желающей замечать человека как личность. (Этот конфликт отражён в философской части Эпилога к роману Л. Толстого «Война и мир».) Чтобы разрешить конфликт, требуется, чтобы человек сам нашёл смысл в бессмыслице внешнего исторического процесса. Такое понимание смысла истории выразил известнейший учёный-библеист Рудольф Бультман в книге «История и эсхатология» [19]. Его исходная идея проста и понятна: человек может говорить о смысле всего исторического процесса лишь в том случае, если он сможет проследить его от начала и до конца. «Подобный смысл истории был бы распознан только в том случае, если бы мы уже достигли конца или цели истории и обнаруживали бы смысл, глядя назад; либо мы должны находиться вне истории» [19. С. 177]. Иными словами, чтобы найти смысл в истории, нужно, чтобы она кончилась. В этом заключается *эсхатологическое* понимание истории: эсхатология – это представление о конце исторического времени. Такое представление вводит нас в христианскую историософию, поскольку из всех мировых религий только христианство во всей полноте выражает эсхатологическое чаяние. По В. Виндельбанду: «Эсхатологические (связанные с концом мира) ожидания составляют существенную часть древнехристианской метафизики» [27. С. 177].

Христианская историософия впервые открыла сущность мировой истории *в судьбах личностей*, внешняя же природа рассматривалась лишь как арена для взаимоотношения личностей и отношения ограниченного духа этих личностей к Божеству. Сама история мира представлялась христианским мыслителям (в противоположность натуралистическим воззрениям греческой философии и неоплатонизма) как неповторяющаяся последовательность внутренних событий – свободных поступков личностей. *Внутренняя* история мира, согласно посланиям апостола Павла, – это история искупления как предначертанное развитие Откровения. Такова христианская метаистория.

Именно в духе христианской метафизики Бультман требует для понимания смысла истории принимать во внимание особое «измерение человеческого Я, которое можно назвать *Личностью*» [19. С. 185]. «Этот личностный субъект, Я, не есть некая таинственная субстанция, пребывающая за пределами исторической жизни; он является субъектом собственных решений, и каждый момент его жизни есть *сейчас* существующий момент решения и ответственности на пути к себе» [19. С. 186]. Тем самым человек «всегда на-

---

зано, каким образом при описании мира согласуется два времени: эйнштейновское (геометризованное) и бергсоновское (экзистенциальное).

ходится на пути к себе», то есть к самопониманию и самоопределению. Его Я – растущее и становящееся, и на пути этого становления он претерпевает метаморфозу, осмысляемую на основе христианской веры: по слову Иисуса, человек «должен родиться свыше». «Согласно Новому Завету, *Иисус Христос есть эсхатологическое событие*, коим Бог кладёт конец ветхому миру... Ветхий мир пришёл для верующего к своему концу, он стал “новой тварью” во Христе» [19. С. 192].

Как же примиряются бытие человека в истории и эсхатология, то есть конец истории? Бультман объясняет: явление Иисуса не было каким-то установленным фактом прошлого, это есть повторяющееся *настоящее*, воспринимаемое верующим в обращённой к нему проповеди и особенно в таинстве евхаристии. Евхаристия – в полном смысле, по К. Копейкину, «событие эсхатологическое, как воспроизведение реального присутствия Бога на земле и среди людей» [20. С. 63]. «В такой вере, – пишет в этом же духе Р. Бультман, – христианин является современником Христа, время и мировая история тем самым преодолены. Пришествие Христа есть событие в царстве вечности, которое несоизмеримо с историческим временем» [19. С. 194]. Любой момент времени для христианина эсхатологичен, то есть означает конец времени (недаром книга Р. Бульмана имеет подзаголовок «Присутствие вечности»).

В такой интерпретации «вечность» как бы сведена с небес на землю, где она способна уживаться со временем. Это уже трудно для понимания. Что такое «вечность»? В чём и как она существует? Никто из философов и богословов не описал её онтологии. Единственный для нас способ её понимания – апофатический: вечность – это *отсутствие* времени, а применительно к истории – отсутствие исторического времени (как это и признаёт Бультман). Если вечность – отсутствие времени, то каким образом в «царстве вечности» может произойти какое бы то ни было «событие» (пришествие Христа)? Наш ум отказывается понимать события иначе, чем во времени. Без пространства можно обойтись, от него можно отгородиться, но от времени отгородиться нельзя, оно существует внутри нас.

Я согласен с Р. Бульманом в том, что понимать историю следует в личностном измерении человеческого Я. Однако это Я (личность) живёт в своём личностном, экзистенциальном времени, тогда как «всеобщая история» создаётся во времени ином – объективированном. Р. Бультман даже не делает попытки разделить эти два времени. Вернее сказать, для него существует только одно, внешнее, или объективированное, время. Как ни странно, Бультман, рассматривающий смысл истории через измерение Личности, игнорирует Личность, перенося её в план объективированного бытия. Можно задать ему вопрос: в каком времени у него происходит пришествие Христа? Ответ дан: ни в каком, или «в царстве вечности». Это противоречит самому духу христианской историографии, которая впервые создала систему *мировой* истории, поставив явление Христа её центральным историческим событием и создав её универсальную хронологию: от и до рождения Христа.

Эта «священная история» никак не может протекать в объективированном времени официальной, общепризнанной «научной истории». Мы видели на примере Коллингвуда, что «научная» история создаётся путём тщательного критического отбора свидетельств, производимого на основе собственного опыта историка. А как быть с историческими свидетельствами о факте, не имеющем даже аналогии с нашим современным опытом? Приходится отметить этот факт как «неисторический», а именно таким фактом является пришествие Христа. «В точном смысле слова, – пишет Н. Бердяев, – священной истории не существует, существует лишь священная метаистория» [21. С. 82], которая, конечно, никак не может существовать во внешнем объективированном времени.

Единственное в своём роде событие могут не заметить не то что историки, но даже непосредственные его свидетели. Представьте себе вочеловечившегося Сына Божия. Могли ли свидетели этого события убедиться, что Сын человеческий – это Сын Божий? По рассказу Анатоля Франса «Прокуратор Иудеи», Понтий Пилат за множеством хлопотных дел по наведению порядка во вверенной ему римской провинции вообще забыл, что он когда-то распял какого-то Иисуса: «– Иисус? Иисус из Назарета? Нет, не помню». Историк Тацит, правда, упоминает об иудейском мятеже под водительством «какого-то Христа», но только как о некоем событии чрезвычайно мало значащем: мало ли в Иудее тогда объявлялось «пророков», выдававших себя за Мессию и бунтовавших народ против римских властей? «Так Тацит не увидел Распятия, хотя и упомянул его в своей книге», – замечает Х.Л. Борхес [23. С. 108]. Кто же тогда создаёт историю, если столь знаменитый историк не замечает центральное событие истории? Такое положение дел Борхес называет «стыдом истории».

Причина «стыда истории» весьма проста. Стыд истории состоит в том, что событие Пришествия Христа рассматривается историками в их историческом (объективированном) времени, тогда как оно – событие другого времени. Это событие по самому его смыслу есть встреча человека с Богом, и оно-то и выражает внутреннюю метаморфозу человеческой Личности, её преобразование из человека ветхого в «новую тварь» во Христе. Ясно, что эта метаморфоза не может быть событием внешней для человека, объективированной истории. Пришествие Иисуса – это событие не в вечности (в нём «событий» не бывает), а во времени – в экзистенциальном времени.

Чтобы избежать этого стыда истории, следует предположить, что центральное событие истории произошло в человеческом экзистенциальном времени как времени метаистории, и к развитию этой мысли мы ещё вернёмся. Пока же я должен упомянуть о ещё одной попытке эсхатологического понимания истории, предпринятой русским религиозным философом Евгением Трубецким [18]. Пример Е. Трубецкого покажет нам, как может объективироваться и эсхатология, и само представление о Боге.

Е. Трубецкой рассматривает смысл жизни человека в контексте «единого мирового смысла», который противопоставляется бессмысленной

«дурной бесконечности» нашего бытия в историческом времени. На первый взгляд, может показаться, что автор хочет уберечь человека от дурной бесконечности объективированного времени, тем более что он видит «мировой смысл» именно в эсхатологическом плане – в избавлении от исторического времени. Нас постигает разочарование, когда мы читаем у него: «осознать время можно, только поднявшись над временем» [18. С. 124]. А «подняться над временем», чтобы осознать время, можно только в вечности: «самое время может быть осознано не иначе как в *форме вечности*». Нам предлагается нечто непостижимое: осознать время в форме отсутствия времени! Правда, Е. Трубецкой понимает вечность не только в отрицательном смысле: «Я должен подняться над временем – в ту сферу истины и смысла, где всё прошедшее сохраняется, а будущее предвосхищается» [18. С. 126]. Вечное, таким образом, соединяет прошедшее и будущее с настоящим, а само в положительном смысле есть область «всеединого, безусловного сознания». Это абсолютное вселенское сознание означает полноту постигаемой Истины. Кроме того, вечность есть «та полнота жизни, за пределом которой нечего искать, не к чему стремиться: *виден мир в состоянии вечного покоя*» [18. С. 134]. Нам предлагается осмыслить ещё одну бессмыслицу: «вечный покой». Вечный покой по нашему здравому разумению означает отсутствие каких-либо проявлений жизни («ничего искать, не к чему стремиться»), но этот покой преподносится нам как высшая «полнота жизни».

Вся эта бессмыслица, на мой взгляд, порождена тем, что эсхатология истории принимается без всякой привязки к человеческой личности. Только для внутреннего мира человека имеют смысл и полнота истины, и полнота жизни. В эсхатологии же Е. Трубецкого отсутствует метафизика внутреннего опыта, отсутствует внутреннее, экзистенциальное время. И время, и «вечность», и «всеединое сознание» у него – это продукты его объективации, превращающей всю его философию в иллюзию. Не случайно у него время и вечность – факторы равнозначные в своей единой объективации. Это видно из того, что и Боговоплощение у него не более, чем событие в едином (внешнем) времени, причём это время не просто объективированное, но это время – космическое, время натуралистической метафизики. Недаром он говорит о едином *эволюционном* процессе – от звероподобного состояния человека до Богочеловечества. Вот его прямая констатация этой натуралистической историософии: «Непрерывно должно продолжаться то восхождение, которое в процессе эволюции идёт от зверочеловека к Богочеловеку» [18. С. 389]¹.

¹ До сих пор продолжают наукообразные попытки возрождения понятий «вечность» и «абсолютное сознание». Так, в [13] они возрождаются в рамках так называемой «эзотерической метаистории», культивируемой идеологией постмодернизма. «Абсолютное сознание» здесь отождествляется с «тонким миром» – неким полем энергетических вибраций, недоступных человеческому восприятию и происходящих за пределами видимой реальности. Такая воображаемая метафизика, – конечно, чисто натуралистическая. Она не имеет отношения к внутреннему опыту человека и не имеет права называться метаисторией. То же самое можно сказать о «вселенском сознании» (вселенском Разуме), реализуемом у

Чуть ранее в той же книге Е. Трубецкого мы находим «положительную оценку *мировой истории* как процесса, имеющего в Боге своё начало и завершение» [18. С. 191]. Это действительная оценка мировой истории христианством, составляющая одно из отличий его от других религий. Может ли человеческая история, имеющая начало в Боге, начинаться со «зверочеловечества»? В этом пункте вся философия истории Е. Трубецкого, называющего себя христианином, сталкивается с непреодолимым противоречием. Для всякой натуралистической истории человечества зверочеловечество и Богочеловечество – действительно равнозначные события. Но кто сказал, что первоначальное человечество действительно было бескультурным (звероподобным)? Такое представление ещё 200 лет назад опроверг Фр. Шеллинг: «Нет! Не из столь жалкого состояния изошло человечество, ход истории величествен, и начало её – иное...» [35]. Эта его мысль была подтверждена впоследствии открытием палеолитической живописи. Сохранившиеся фрагменты этого искусства признаются сейчас величайшими шедеврами, когда-либо созданными людьми и отражающими богатую и духовно наполненную жизнь их творцов. Между тем созданы они были ещё в период, называемый сейчас *праисторическим*, то есть 30–40 тыс. лет назад. Именно созерцание живописных творений «пещерного человека» привело Г.К. Честертона к мысли: «Неестественно видеть в человеке естественное порождение природы» [38. С. 109].

Метаистория блаж. Августина. Создание метафизики внутреннего опыта восходит к блаж. Августину, провозгласившему самодоверность внутреннего опыта. Само сомнение в его достоверности Августин расценивает (задолго до Декарта) как доказательство существования сомневающейся личности. Душа для Августина – это единая, целостная и живая совокупность *личности*, которая в своём самосознании уверена в собственной реальности. Кто сомневается, тот уже знает о существовании истины, ибо он сомневается лишь ради неё. Главная функция личности – это непосредственное прозрение (*интуиция*) сверхматериальной истины. Она создаёт общую норму суждений, одинаковую для всех мыслящих индивидуальностей. Бытие этих всеобщих истин есть бытие идей в Боге, так что всякое подлинное познание реальности есть богопознание. Вследствие ограниченности человеческих духов вполне достоверной может быть только отрицательная сторона богопознания. Бестелесная, имматериальная сущность истины (*essentia*) далеко оставляет за собой все формы человеческого мышления. Даже категория субстанции мало характеризует полноту истины.

Г. Брейдена в виде «Божественной матрицы» [39]. Его интерпретация Матрицы – чисто физикалистская. Она рассматривается как «поле энергии, соединяющей всё сущее» посредством открытой в физике квантовой нелокальности. Поскольку наше сознание – часть этого вселенского Разума, Брейден развивает утопию о возможности для человека причинно воздействовать на Матрицу и тем самым влиять на «вселенское сознание» для осуществления своих желаний.

С философским понятием Божества неразрывно связывается религиозное представление Божества как абсолютной *Личности*, поэтому вся метафизика Августина построена на самопознании конечной человеческой личности, то есть на материале внутреннего опыта. Только на внутреннем самопознании человеческой личности может быть достигнуто (насколько оно вообще может быть достигнуто) понимание абсолютной Личности – Бога.

Самопознание человеческой личности обусловлено её активным, *волевым* началом. Однако интуитивное познание умопостигаемых истин в конечном итоге достигается не собственной природой человеческого духа, а на основе просветления его актом божественной *благодати*. Тем самым усвоение божественной истины достигается на пути *веры*. Вера является основой самого волевого акта суждения.

Как согласуется свобода индивидуальной воли с божественным предведением? Для ответа на этот вопрос Августин проводит разграничение между временем и вечностью. Тут он проясняет и понятие самой вечности. Никакого *внешнего* времени у Августина нет: время – это способ существования человеческой личности. Оно осуществляет сопоставление функций внутреннего опыта. Стоящее *вне времени* предвидение Божества не имеет для будущих событий причинно-обуславливающей силы, как воспоминание – для минувшего. В вечности существует Бог. Отсутствие времени – это апофатически постигаемый нами способ Его бытия. Волю Бога, как не обусловленную никакой причинностью, невозможно предугадать: пути Господни неисповедимы. Человек не имеет ключа к будущему – к разгадке божественного плана мировой истории.

Царство Божие. По мнению Н. Бердяева, «история, по сокровенному своему смыслу, есть лишь движение к Царству Божьему» [28. С. 262]. Всё, что пишет Н. Бердяев о философии истории, представляет собой развитие метаистории блаж. Августина, но с одной оговоркой. Бердяев подвергает Августина критике в одном принципиальном моменте. Августин пишет о Царстве Божиим как об уже реализованном на земле «Граде Божьем», отождествляемом им с земной Церковью. Бердяев справедливо считает такое представление ошибочным, порождённым объективацией и Царства Божия, и Церкви. Царство Божие не может быть реализовано в истории, потому что оно означает конец истории, выход за её пределы. Царство Божие – не от мира сего (как учил Христос). Явление Христа не было явлением Царства Божия на земле, в материальном мире. Оно было лишь обетованием Царства Божия, ибо «мир сей не может вместить Его Царства, он должен преобразиться, стать иным миром...» [28. С. 264]. Объектный мир, сам по себе лишённый реальности, не уничтожается, а осмысливается и преобразуется: переходя в иной план бытия, он освобождается от объективации и тем самым обретает подлинную реальность. По этой причине «Царство Христово будет не только на небе, но и на земле, оно будет не только духовным, но и телесным царством. Но это будет иная, преображённая земля, иное, преображённое тело» [28. С. 266]. Это преобразование, как переход из времени в веч-

ность, «переход из плана исторического в план апокалиптический», представляет неразрешимую для нашего «разума» антиномию. Апокалиптический план, как наступление конца мира, нельзя мыслить ни совершенно трансцендентно, как исключительно потустороннее, ни совершенно имманентно, как исключительно посюстороннее. «Это и есть антиномическая для нашего рационального сознания проблема отношения времени и вечности» [28. С. 265].

Поскольку история создаётся человеком и имеет смысл лишь для человека, то движение истории к Царству Божию есть не что иное, как акт внутренней жизни человека, как встреча его с Богом. Эта встреча не может происходить во внешнем времени, так как является актом внутреннего экзистенциального времени человека. Для человека в его эмпирической данности, подверженного рабству внешнего объективированного мира, не может быть такого метафизического акта. Если история понимается в духе христианства, как Откровение Бога в мире, то встреча с Богом возможна лишь для преображённого, нового человека, который у Бердяева называется «трансцендентальным человеком»: «Трансцендентальный человек есть внутренний человек, существование которого находится вне объективации» [25. С. 14]. Такой человек скрыт для предметного, объективирующего познания, на него нельзя указать в мире объектов, потому что он существует вне противоположения субъекта и объекта.

Как же можно доказать существование трансцендентального человека? Его существование нельзя объяснить какими-либо причинными связями с эмпирическим человеком, так как причинность существует только в мире объектов. Более того, существование трансцендентального человека нельзя доказать и формально-логически, так как общие понятия, которыми оперирует логика, – тоже результат объективации нашего Dasein. Existenz (существование) не есть вообще субстанция, это не есть категория – это «религиозное a priori», существующее в нашем религиозном опыте, изначально, как считает Бердяев, присущем человеку. «Человек имеет богочеловеческий опыт, вся религиозная и духовная жизнь отсюда проистекает, и это свидетельствует о существовании трансцендентального человека за человеком природным» [21. С. 14–15].

Личность и история. Трансцендентальный человек своей встречей с Богом осуществляет сокровенный смысл истории как её завершение, конец истории, как Царство Божие, уже реализованное на небе и на земле. Тогда спрашивается: а для чего человеку дана сама история? Что такое есть человек в самой истории – в её середине, а не в конце? Ответ даёт Бердяев в своей «экзистенциальной диалектике божеского и человеческого» [29]. Это особая диалектика, которую не следует смешивать с гегелевской диалектикой Мыслящего Духа. У Гегеля Дух сам проявляется как общее понятие и тем самым не выходит из сферы объективации. У Бердяева не существует непроходимой пропасти между трансцендентальным человеком и земным, эмпирическим человеком. Между ними существует связь – не причин-

ная, а экзистенциальная. Эмпирический человек живёт в двух временах: как автономная личность он существует во времени экзистенциальном, а как историческое существо он ввергнут в мир объективации, в котором протекает история.

Человек как историческое существо не может уйти от истории, которая не замечает личности и делает его своей игрушкой, убивая его. Человек как автономная личность – превыше истории, потому что он находится вне объективации. Более того, личность первичнее не только объекта, но и самого бытия. «Бытие не существует, *essentia* не имеет *existentia*» [30. С. 67]. Существованием обладает не сущность как понятие, а существо, личность. Поэтому судьба личности в истории трагична: человек не может освободиться от гнетущего рока истории и также не может отказаться от своей духовной природы, от своего богоподобного достоинства.

На этом трагическом пути, в этой борьбе с историей эмпирический человек формирует свою личность. Его *Dasein* как первичная данность не есть ещё личность. Личность же есть заданность, требующая реализации. Эмпирический человек трансцендирует, преодолевая свою эмпирическую ограниченность, но трансцендирует он не вовне, не к объекту, а к Богу, которого он находит внутри себя же. Трансцендентальный человек и есть полностью реализованная внутри нашего Я личность. На этом пути к реализации личности человек должен преодолеть историческую объективацию, а это значит пережить вешнюю для себя историю как собственный путь и судьбу, вобрав в себя вешнюю объектность. Тогда внешний мир и история станут частью человека как микрокосма и микротеоса. Это возможно потому, что человек, по заключённой в нём божественной природе, сам уже есть разрыв во внешнем природном миропорядке, он сам уже есть *окно* в иной, апокалиптический план бытия. Внешний Космос и внешняя история лишены смысла, пока они не стали частью внутреннего человеческого микрокосма. «Космоса нет в объективном мире феноменов. Бога нет в объективном миропорядке, но Космос есть в человеке, Бог есть в человеке. Через человека есть выход в иной мир» [10. С. 44].

История дана человеку как путь к выходу в иной план бытия, в котором рождаются «новые небо и новая земля», рождается и новый человек. Этот путь – крестный путь. На этом пути человека подстерегают величайшие соблазны, и главный из них – соблазн Царства Божия на Земле. Христос не осуществил правду и блаженство на Земле и не обещал этого. Напротив, Он звал взять крест и идти за Ним, Он сказал, что жизнь на Земле, в этом мире, есть крест и что путь к Царству Божию лежит через Голгофу. На этом страстном пути человеку угрожает подмена образа Христа образом антихриста, который обещает осуществить на Земле без страданий, креста и Голгофы то, что не осуществил Христос Распятый.

Соблазн антихриста – это соблазн объективации, когда Царство Божие обещается в здешнем объектном мире. Этот соблазн основан на отрицании личности, живущей в нездешнем экзистенциальном времени. Борьба против

антихриста есть борьба за формирование личности, за трансцендентального человека. В этой борьбе человека подстерегает и другой соблазн – соблазн *ложного* мессианизма, или ложной идеи прогресса [34]. Мессианизм – это чаяние счастливого будущего. Будущее может мыслиться только в объективированном времени, которое всегда «разорвано» на прошлое, настоящее и будущее. Для экзистенциального времени такой разорванности нет: оно едино и не делимо на отрезки. «Прогресс» может мыслиться только в объективированном историческом времени. Для этого времени нет конца: конец времени не поддаётся объективации и возможен только в экзистенциальном времени. Тогда «прогресс» в бесконечном историческом времени делает настоящее средством для будущего, современное поколение – средством для будущих поколений и так до бесконечности. «Прогресс» становится вампиром, пожирающим всякую живую человеческую личность во имя грядущего «будущего», которое несёт в себе ту же смертоносную сущность. Ясно, что прогресс может быть осмыслен только эсхатологически, в перспективе конца истории, когда в этом конце результатами истории воспользуются все прошлые поколения, о воскрешении которых грезил Н. Фёдоров.

Будущее может быть только в объективированном времени, и это будущее вполне рационально осмысляемо. В нём, однако, человек становится рабом дурной бесконечности исторического времени, которое несёт ему смерть. Выразить же конец объективированного времени, возможный только во времени экзистенциальном, рационально невозможно. Смысл истории не осмысляем разумом. Как уже отмечалось, это есть антиномия для нашего разума, антиномия отношения времени и вечности. Вечность непостижима разумом, эсхатология противоразумна. «Невозможно выразить конец времени, переход от времени к вечности» [31. С. 337].

Если смысл истории – это движение к Царству Божию, тот этот смысл не откроется в том плане нашего бытия, в котором мы ведём историческую хронологию, осуществляем отсчёт исторического времени. Такой хронологии не существует для экзистенциального времени – того времени, которое непостижимым для нас образом прорывается к вечности. Потому и сказано: Царство Божие не придёт приметным образом. Как говорил блаж. Августин, человек не имеет ключа к будущему, потому что для Царства Божия никакого «будущего» нет. Есть только вечное, а оно находится вне нашего понимания.

И всё же Н. Бердяев верит, что смысл истории осуществится и человек войдёт в Царство Божие: на своём крестном пути в истории он преодолеет соблазны и сам приуготовит наступление Царства Божия. Став трансцендентальным человеком, он уготовит свою встречу со Христом. «Раньше или позже должна произойти революция сознания, которая освободит от власти объективированного мира, от гипноза так называемых объективных реальностей» [21. С. 76]. Залог этого – божественное в самом человеке, извечно пребывающее в нём: «трансцендентальный человек творится в вечности, или, лучше сказать, он извечно пребывает в Боге» [21. С. 143].

Устами бы Бердяева да мёд пить! Однако к сладости его упований примешивается некоторая горечь. Ожидаемая революция сознания никак не осмыслиема самим сознанием, нашим бедным «разумом», которому недоступна сама метафизика внутреннего опыта. В этой метафизике для него всё представляется как непостижимая антиномия. Непостижим конец истории как переход времени в вечность или «вторжение вечности во время», непостижима сама «вечность», непостижим Бог, который присутствует в нашем религиозном опыте. Так, по словам С. Булгакова, Бог, как нечто нам трансцендентное и одновременно нам имманентное, есть «основная антиномия религиозного сознания» [32]. Наконец, непостижим и сам человек: он сам для себя есть антиномия, ибо он «трансцендентен и имманентен и миру, и самому себе» [32. С. 243].

Что же остаётся делать человеку? Он знает, что именно он, человек, есть субъект истории. Если его человеческому пониманию недоступны «Бог» и «Царство Божие», то он имеет право отвергнуть основанную на них историософию. Такой «бунт» против «Царства Божия» заявил Альбер Камю [36] (см. также [37]). Иван Карамазов в своём бунте отвергает «мир Божий». А. Камю скажет, что он принимает мир, но отвергает Бога.

История как абсурд. Альбер Камю замечает: когда человеческая мысль упирается в неразрешимые для неё антиномии, вступает в свои права *миф*. Нет науки истории, а есть исторические мифы. Нет абсолютного («всеединого») сознания, а есть *историческое сознание*, мифологичное по определению и измышляющее мифы об истории. Не в силах найти смысл собственного существования перед лицом грядущей неотвратимой смерти, человек хочет получить его от какой-то высшей силы. Миф предоставляет ему эту возможность. Он включает человека в мир высших предначертаний и этим придаёт смысл исходно бессмысленному существованию.

Разве не является мифом «движение истории к Царству Божью», преподносимое Бердяевым в качестве «сокровенного смысла истории»? «Сокровенное» – значит недоказуемое и невысказанное, ибо мысль здесь имеет дело с антиномиями. По этой же причине «трансцендентальный человек» – существо мифологическое. Единственное основание для веры в него – тоже вера: вера в божественное в самом человеке (Вл. Соловьёв: «Есть Бог во мне – значит Бог есть»). А что если человек уже не находит более в себе Бога?

Альбер Камю никогда не был атеистом. Он живёт напряжённой религиозной жизнью. Его, как героев Достоевского, «Бог мучит». Однако он убедился, что Бог сам может оставить человека. Об этом свидетельствуют слова в раннем эссе 20-летнего Камю: «Ведь нельзя удалиться от Бога, если только Он сам не захочет нас отстранить от себя».

Сопоставьте эти слова со словами, обращёнными 15 веков назад блаж. Августином к Богу: «Ты всегда был у меня; только я сам не был у себя». Августин не допускает, что Бог может оставить человека. Только человек, в своём греховном заблуждении, может отпасть от Бога. У человека не отнимается надежда возвратиться внутрь себя, чтобы вновь обрести Бога.

В XX веке рассуждения переменились. Вот как выразил их русский религиозный философ С. Франк: «Когда мы от этого холодного и враждебного к нам мира пытаемся спрятаться внутрь самого себя, то мы наталкиваемся на самый жуткий и трагический факт нашего существования – на то, что враждебные нашему подлинному интимному существу или равнодушные к нему слепые силы одолевают нас и там» [33].

Человек пришёл внутрь себя, как в свой дом, и не нашёл там Бога. Это означает *богооставленность* – Бог покинул человека. Что должен ощущать человек, убедившись в своей богооставленности? Тоску? Отчаяние? Именно такое душевное состояние богооставленного человека мы видим в описании М. Хайдеггера. У него человек, покинутый Богом, лишается собственного существования, превращается в ничто, в *Nichts*. Он способен испытывать лишь страх (*Angst*) перед гнетущими его тёмными силами. Страх (*Angst*) уничтожает личность, превращая человека в некое усреднённо-безличное существо, называемое *das Man*.

У Альбера Камю человек, ощутивший богооставленность, не испытывает страха. Вместо мрака тёмных сил он ощущает возникший в нём свет (*lumière*), проистекающий от обрётённой им ясности сознания, которую Камю обозначает термином *lucidité*. Бог как тайна (антиномия) исключает какую-либо ясность. Символический герой А. Камю, называемый *человеком абсурда* (*l'homme absurde*), говорит: я не знаю, что означают слова «Бог есть», но я хорошо знаю, в свете моего *lucidité*, что *Я есть*. *Lucidité* – это дар богооставленности, и я спешу воспользоваться этим даром, чтобы возвести между мною и Богом непроницаемые стены, *стены абсурда* (*les murs absurdes*). Внутри этих стен меня не будут преследовать мучившие меня демоны антиномий – Дух, бессмертие, вечность. Только избавившись от этих демонов, я могу определить моё отношение к миру, в который я брошен. Сам по себе мир не абсурден, абсурд рождается не в мире, а в моём *lucidité*, от моего отчаянного желания ясности, которое сталкивается с ледяным молчанием мира.

Может ли человек доказать существование своего *lucidité*? Нет, конечно, и Камю не собирается этого делать. Он не даёт ни рационального, ни метафизического определения *lucidité*. У него вообще нет систематической метафизики. *Lucidité* – факт внутреннего опыта и, как факт, не требует доказательства. Для Камю, как и для блаж. Августина, самосознание есть единая совокупность *личности*, которая в своём самосознании уверена в собственной реальности («я есмь») как в достовернейшей истине. С точки зрения Августина, как мы видели, эта реальность есть реальность Бога как духовного первоисточника нашего самосознания, как критерия и масштаба самой истины. Для Августина нет стен абсурда, которые отгораживали бы его от Бога. Для него истина – только в духе (Боге). Для Камю, внутри его стен абсурда, «умирает дух» (Бог). Для Августина *lucidité* означает богопознание, но Камю имеет все основания обвинить его в измене своему *lucidité*. Эту измену он называет *élision* (букв. – уклонение) или, более жёстко, *tricherie* (об-

ман). У Августина получается порочный круг: достоверность духовного содержания личности обусловлена Богом, а достоверность существования Бога может следовать лишь из духовного содержания личности. Первое из этих двух утверждений есть произвольно вымышленная гипотеза. Она не может быть получена из нашего ограниченного внутреннего опыта. Второе утверждение представляет собой хорошо знакомое нам перенесение человеческих качеств на Бога, то есть человеческую объективацию Бога. Первое означает, что мы *выдумываем* Бога, второе – что выдумываем *по своему образу и подобию*. И то и другое – человеческий произвол, обман, *tricherie*.

В таком заключении Камю ещё вовсе не расходится с Бердяевым, который тоже говорит о человеческой объективации Бога, приводящей к «рабству человека у Бога»: «Объективированный Бог был предметом рабского поклонения человека» [30. С. 70]. Выражалось это в том, что человек переносил на Бога собственные социоморфные отношения подчинения и господства: Бог есть господин, а человек – раб Его. В отношении истории это означало, что человеческая история развивается по предначертанному Господом-Промыслителем плану, который завершается Страшным Судом, подобным суду в социальной жизни людей. Далее Бердяев разоблачает космоморфическую объективацию Бога, в которой Бог рассматривается как Творец и высшая причина мира. На самом деле Бог ничего не детерминирует и не определяет ни в Космосе, ни в истории: к нему не применима естественная причинность. «Бог совсем не есть устроитель мирового порядка и администратор мирового целого... Бог есть борьба против объективированного миропорядка» [30. С. 75–76]. В применении к истории это означает отрицание теистического историцизма.

Таким образом, Бердяев восстаёт против всякой объективации Бога. Для него любой объективированный Бог, проявляющий себя вовне, в объектном мире, – это Бог ложный, измышляемый человеком для ложного самоутешения перед лицом неминуемой смерти или самоубийства. Тут пока тоже пути Бердяева и Камю не расходятся. Камю тоже знает, что человеческая история строится на выдумывании ложных богов. Он напоминает нам слова Кириллова, героя романа «Бесы»: «Человек только и делал, что выдумывал Бога, чтобы жить, не убивая себя. В этом вся всемирная история до сих пор». Такой вывод из всемирной истории означает, что человек не может найти в ней действительного смысла: сам «смысл» такой истории есть самообман человека. Такой вывод есть унижительная характеристика для самого человека.

Можно ли спасти человека от этого унижения? Может ли человек обрести смысл своего существования, действительный, а не придуманный, – как угодно: в истории или вне её? Положительный ответ на этот вопрос дают Бердяев и Камю. Ответ Бердяева мы уже знаем: это конец истории, бегство от неё в иное время – экзистенциальное, в котором человек может обрести своё Царство Божие и своего Спасителя, поэтому для него смысл существования человека только в Боге: «Бог есть смысл человеческого суще-

ствования» [30. С. 75]. Ответ Камю диаметрально противоположный. Он не хочет бежать от истории, для него нет Спасителя, которого он мог бы встретить в своём экзистенциальном времени, он хочет оставаться в объективированном времени истории. Как же человек может найти смысл в истории, которая сама его принижает и раздавливает, которая не хочет замечать в человеке его личность?

Чтобы понять А. Камю, следует до конца проследить, где же начинается его расхождение с Бердяевым по поводу объективированного Бога. Есть ли для Бердяева Бог вне всякой объективации? Он должен быть, иначе Бердяев не говорил бы о Царстве Божием, не определяемом никакой детерминацией Бога. Наконец мы находим у него положительную характеристику Бога: «Бог как субъект, как существующий вне всякой объективации, есть любовь и свобода» [30. С. 72]. Они и составляют смысл человеческого существования. Однако эти качества Бога как субъекта, как Личности, – любовь и свобода – не могут быть проявлены в мире объективированном и поняти рассудочным сознанием. Они могут быть поняти только апофатически, а не катафатически: «О Боге можно мыслить лишь символически... Бог есть Тайна, но Тайна, к которой трансцендирует человек и к которой он приобщается» [30. С. 72].

Тут следует дать слово Альберу Камю. Он скажет: «Бог и спасение души? Кто их придумал? Не человек ли, который создал себе миф о Царстве Божием? Любой миф есть форма человеческой объективации, я же не нашёл в себе истинного, необъективированного Бога. Раз мне не удалось уверовать, то я должен прямо и честно принять мою богооставленность. Я не хочу создавать мифы, я не хочу лгать и не хочу, чтобы мне лгали. Мне лгали про Бога, который “внутри нас есть”. Избавившись от всякой объективации, я не нашёл Бога. В свете ясности сознания, в моём *lucidité* я нашёл внутри себя только экзистенциальный вакуум, пустоту, ничто. Мне говорят про свободу, которую человек обретает в Боге. Внутри стен моего абсурда я действительно нашёл свободу, только это есть свобода от самого Бога, от любых представлений о Боге, от любой от него зависимости. Я знаю, что все эти представления – миф, плод объективации. Внутри моих стен абсурда умирает Дух, умирают призраки вечности и бессмертия, а мне говорят про любовь. Какое может быть счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, если я знаю, что я смертен весь, без воскресения?» Впрочем, об этом уже высказался герой очерка Достоевского «Приговор, рассуждения одного самоубийцы от скуки», сказавший: «Могу ли я быть счастлив любовью человечества, если я знаю, что завтра всё это будет уничтожено: и я, и всё счастье это, и вся любовь, и всё человечество?».

Герой Альбера Камю, человек абсурда, несёт в себе *бремя ясности*, и это бремя, избавляющее его от иллюзий, в то же время не оставляет ему надежд или утешений. Для него путь к Богу навсегда закрыт. В чём же он обретёт смысл своего существования?

Лишённый иллюзии бессмертия, человек абсурда принимает внешний мир как свою судьбу: «Я хочу до конца нести бремя ясности и смотреть с ужасом и ревностью на неотвратимое». «*Mon champ c'est le temps*», – приводит Камю слова Гёте. Они означают: поле моей деятельности – внешнее, объективированное время. Он говорит *le temps*, а не *la durée*, он уходит от внутреннего бергсонова времени, в котором он не нашёл ничего, кроме пустоты. Во внешнем мире, в объективированном времени всё тленно, всё обречено умиранию, но именно поэтому его можно и должно безнадежно и сильно любить. Камю выбирает *мир*, который ему дороже бессмертия. Он хочет «возлюбить то, что обречено гибели», и именно в этом он видит смысл жизни: «я не нахожу смысла в счастье ангелов». Счастье бессмертных ангелов – это великая иллюзия, тогда как на своей родине в Алжире Камю увидел людей реальных – простой люд, задавленный историей под лучами вечного средиземноморского Солнца.

Камю познал Историю как «изнанку», «нищету» человеческого бытия. Он ставит вопрос: как можно выжить, не убивая себя, в абсурдном мире истории? Искать прибежище в религии, в «мирах иных»? Нет, это великая ложь и измена своей *lucidité*! Абсурд – это выбор ясности. Очень часто человек из страха выбора своей судьбы вместо ясности выбирал Тайну, искал прибежище в объективации Бога. Это делало человека рабом создаваемой им Тайны. Это рабство у человека у Тайны означало униженное состояние человека. «Человек стал смешон и унижен, поэтому я на стороне поверженных» (А. Камю). Выбор Тайны означает смирение перед неведомыми человеку силами, поэтому теологи говорят человеку: «Смирись!» Камю говорит человеку: «Восстань!» Абсурд всегда предполагает борьбу – борьбу с ложными кумирами.

Характерно, что Камю научился этой науке жизни не у философов и тем более не у теологов: у них можно было научиться только измене ясности (*élision*). Жить без *élision* научили его простые люди алжирского местечка Белькур, которые, как он видел, не строят надежд на будущее, а просто и прямо смотрят в лицо настоящему, не имеют «морали лавочника» и не ждут залогов от небес. Они не рядят «в одежды мифа глубокий ужас смерти» и потому не совершают измены (*élision*) и не поддаются обману (*tricherie*), ибо грех против жизни – это не отчаяние в ней, а надежда на бегство из неё в иллюзию. Всякая такая надежда предполагает смирение, но «*жить – значит не смиряться*».

Заключение

Я постарался представить на суд читателя самые различные точки зрения на смысл истории и на её значение для человека, рассмотрел два противоположных взгляда на смысл истории. Это апологеты истории (М. Блок, Дж. Коллингвуд) и скептики (Поппер). Апологеты находят безусловный смысл в истории, рассматривая её как науку, но и скептики *примысливают* истории «смысл», которого она, по их же утверждениям, сама по себе не

имеет. Я показал, что у тех и у других этот «смысл» истории – иллюзия, поскольку их понимание истории основано на объективации исторического времени, производимой нашим сознанием. Такую же объективацию я обнаруживаю в эсхатологической трактовке истории, представленной религиозными философами Р. Бульманом и Е. Трубецким.

В поисках истинного (необъективированного) смысла в истории я обратился к христианской философии истории блаж. Августина и Н. Бердяева. В ней смысл истории очевиден: это Царство Божие, обетование которого человечество получило от Иисуса Христа – воплотившегося Логоса (Смысла). Такое понимание истории требует веры в Бога. А каждый ли может уверовать? Нет каких-либо «правил веры», есть только церковный Канон, но и Церковь, в долгом ожидании парусии (второго Пришествия Христа) сама подверглась социоморфной объективации.

В противовес всякой объективации Бога, я обращаю внимание читателя на философию абсурда Альбера Камю. Его «человек абсурда» принимает богооставленность как свою судьбу. Он принимает оставленный Богом мир и оставленных Богом людей. Однако в абсурдном мире истории он находит смысл своего существования в борьбе против порабащающих человека мифов.

Читатель, возможно, заинтересуется моим собственным мнением о смысле истории. Я скажу, что не хочу никому навязывать своего мнения. Человек в себе самом своим свободным выбором обнаруживает смысл или бессмыслицу истории и сам находит смысл своего существования в истории. Моя же цель состояла в том, чтобы подсказать читателю пути к этим смыслам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. – Т. 1–2. – М.: Феникс, 1992.
2. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. – М.: Наука, 1980.
3. *Февр Л.* Бои за историю. – М.: Наука, 1991.
4. *Блок М.* Апология истории. – М.: Наука, 1986.
5. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991.
6. *Поппер К.* Предположения и опровержения. – М.: Ермак, 2004.
7. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983.
8. *Франс А.* Суждения господина Жерома Куаньяра // Франс А. Соч.: в 8 т. – Т. 2. – М.: Изд-во художественной литературы, 1958.
9. *Копейкин К. (протоиерей).* Время: путь в вечность // Христианство и наука (сборник докладов конференции). – М., 2005.
10. *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики (творчество и объективация). – Париж: YMCA – PRESS, 1947.
11. *Хайдеггер М.* Что значит мыслить? // Разговор на просёлочной дороге: сборник. – М.: Выс. шк., 1991.
12. *Хайдеггер М.* Что такое философия? // Вопросы философии. – 1993. – № 8.
13. *Пигалёв А.И.* Эзотерическая метаистория между секретностью и разоблачением иллюзорной реальности // Вопросы философии. – 2013. – № 9.
14. *Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания. – М.: Московский клуб, 1992.

15. *Пригожин И.* Конец определённости. – Москва – Ижевск: РХД, 2001.
16. *Пригожин И.* От существующего к возникающему. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
17. *Захаров В.Д.* Физика как философия природы. – М.: URSS, 2010.
18. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. – М.: Астрель, 2011.
19. *Бультман Р.* История и эсхатология. Присутствие вечности. – М.: Канон+, 2012.
20. *Копейкин К. (протоиерей).* Что есть реальность? Размышляя над произведениями Эрвина Шрёдингера. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014.
21. *Бердяев Н.А.* Истина и Откровение (творчество и объективация). – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996.
22. *Августин Аврелий.* Исповедь. – М.: Республика, 1992.
23. *Борхес Х.Л.* Письмена Бога. – М.: Республика, 1994.
24. *Захаров В.Д.* Метафизика и физика геометрических пространств // *Метафизика.* – 2011. – № 2 (2).
25. *Захаров В.Д.* Метафизический образ мира. // *Метафизика.* – 2012. – № 1 (3).
26. *Бергсон А.* Мысль и движущееся // *Вопросы философии.* – 2007. – № 8.
27. *Виндельбанд В.* История философии. СПб.: Общество «Издатель», 1898.
28. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. – М.: ИМА – ПРЕСС, 1990.
29. *Бердяев Н.А.* Диалектика божественного и человеческого. – М.: Фолио, 2005.
30. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека (опыт персоналистической философии). – Париж, 1939.
31. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. Я и мир объектов. – М.: Хранитель, 2007.
32. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. – М.: Республика, 1994.
33. *Франк С.Л.* Реальность и человек. – Париж: YMCA – PRESS, 1956.
34. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
35. *Шеллинг Фр.* Философия Откровения. – СПб.: Наука, 2000.
36. *Камю А.* Бунтующий человек. – М.: Изд-во политической литературы, 1990.
37. *Захаров В.Д.* Герой абсурда и его бунт (Альбер Камю: трагедия счастья) // *Unio mystica. Современная русская метафизика и мистика: Московский эзотерический сборник.* – М.: Терра, 1997.
38. *Честертон Г.К.* Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991.
39. *Брейден Г.* Божественная матрица. – М.: София, 2008.

METAHISTORY

V.D. Zakharov

In this paper, we disprove the comprehension of the history as a scientific knowledge. It is shown that any “scientific history” is undergone to the objectification of the historical time which is engendered by our consciousness. We oppose to this conception the another one, which is the metahistory based upon the metaphysics of the internal experience. Such a metaphysics allows to overcome the objectification syndrome. In this aspect we consider the Christian historiosophy and the historiosophy based on the absurdity philosophy of A. Camus.

Key words: historical method, metahistory, objectification, historical time, metaphysics, historiosophy, the absurdity philosophy.

КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В АСПЕКТЕ МЕТАИСТОРИИ

Л.П. Волкова

Московский горный институт НИТУ МИСиС

Исследуются и сопоставляются истоки понятий «коллективное бессознательное» и «метаистория». Анализируется связь этих понятий в трактовке других исследователей: философов, историков, поэтов. Отмечается вклад ученых в развитие этих понятий. Рассматривается интуитивная связь этих понятий с другими понятиями, такими, как «имманентная трансценденция», «пассионарность», «ноосфера» и др. Обсуждаются в контексте темы, поднимаемой в данной статье, известные произведения, отмечается их влияние на формирование различных течений в обществе.

Ключевые слова и фразы: коллективное бессознательное, метаистория, архетип, имманентная трансценденция, пассионарность, ноосфера, дао.

Тема «коллективного бессознательного» была затронута автором данной статьи впервые при подготовке к докладу и презентации на тему «Социальная Память и Коллективное Бессознательное» на секции «Институты социальной памяти (библиотеки, архивы, музеи) в изменяющемся мире» XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», которая проводилась 18–19 декабря 2014 г. в Москве в ИНИОН РАН. Позже, в другой статье, исследовалась связь «коллективного бессознательного» с психологией, и в частности, с формированием религиозного чувства и его влиянием на будущее всех людей. Однако, как представляется, понятие «коллективного бессознательного» не ограничивается связью только с социальной памятью человечества и религиозными чувствами людей разных конфессий. Истоки многих понятий и явлений можно найти в том, что усилиями многих мыслителей обозначилось как «коллективное бессознательное». В рамках данной статьи исследуется связь понятий «коллективное бессознательное» и «метаистория».

Говоря, прежде всего, о понятии «коллективное бессознательное», можно взять следующее определение: «Коллективное бессознательное – понятие аналитической психологии Юнга, обозначающее совокупность наследуемых людьми универсальных неосознаваемых психических структур, механизмов, архетипов, инстинктов, импульсов, образов и т.д., передаваемых от поколения к поколению как субстрат психического бытия, включающий в себя психический опыт предшествующих поколений. Согласно Юнгу, основное содержание К.Б. составляют инстинкты и архетипы» [1]. Большая психологическая энциклопедия подчеркивает в определении Юнга то, что бессознательное коллективное – это «особая форма общественного существ-

вования бессознательного как накопителя, хранителя и носителя генетически наследуемого опыта филогенетического развития человечества. Особый класс явлений психических, кои в отличие от бессознательного индивидуального (личного) являются носителями опыта филогенетического¹ развития человечества» [2].

Что касается понятия «метаистория», то, например, в [2] можно найти такую информацию: «Метаистория – от лат. meta (над, сверх) + история. Впервые термин введён в употребление С. Н. Булгаковым и получил распространение как в русской эзотерике, так и в русской христианской философии». Здесь же, со ссылкой на Большую энциклопедию Русского Народа, метаистория трактуется как «грядущая жизнь в Царстве Божиим». Причем отмечается, что многие русские христианские философы применяли это определение для обозначения совершенного общественного строя, единственно возможного в условиях земного существования, а «весь исторический процесс сводится лишь к подготовке человечества к переходу от истории к метаистории». Кроме того, в частности, отмечается, что метаистория «одна из двух основных (наряду с мета-культурой) составляющих культурологической концепции Д. Андреева». Если обратиться за расшифровкой понятия «метаистория» еще к одному электронному ресурсу [3], то здесь также подчеркивается следующее: «Андреевская теория М. развивает идеи С.Н. Булгакова о М. как «ноуменальной стороне того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история» (*«Два града»*). Под метаисторией М.Д. Андреев понимает совокупность процессов нематериальной природы, которая отчасти находит свое проявление в истории и имеет по отношению к ней, в конечном счете, определяющее значение».

Однако обратимся к самому Даниилу Андрееву. Предсказывая возможность и обосновывая необходимость возникновения некоей межрегиональной организации, он так говорит о цели ее создания:

«Мне представляется международная организация, политическая и культурная, ставящая своей целью преобразование сущности государства путем последовательного осуществления всеохватывающих реформ. Решающая ступень к этой цели – создание Всемирной федерации государств как независимых членов, но с тем, чтобы над Федерацией была установлена особая инстанция, о которой я уже упоминал: инстанция, осуществляющая контроль над деятельностью государств и руководящая их бескровным и безболезненным преобразованием изнутри. Именно бескровным и безболезненным: в этом все дело, в этом ее отличие от революционных доктрин прошлого...» [4].

Сам Даниил Андреев в книге «Роза Мира» так определяет «задачу своей жизни»: «Поделиться своим опытом с другими, приоткрыть картину ис-

¹ Филогенез рассматривает эволюцию в качестве процесса, в котором генетическая линия – организмы от предка к потомкам – разветвляется во времени, и её отдельные ветви могут приобретать те или иные изменения или исчезать в результате вымирания.

торических и метаисторических перспектив, ветвящуюся цепь дилемм, встающих перед нами или долженствующих возникнуть, панораму разноматериальных миров, тесно взаимосвязанных с нами в добре и зле». И здесь же, определяя цель написания этой главной книги своей жизни, пишет:

«Развернуть эту концепцию именно так, дать понять, каким образом в ней, трактующей об иноприродном, в то же время таится ключ и от текущих процессов истории, и от судьбы каждого из нас, – вот задача настоящей книги. Книги, которая, если Господь предохранит ее от гибели, должна вдвигаться, как один из многих кирпичей, в фундамент Розы Мира, в основу всечеловеческого Братства».

Можно было бы воспринять эту концепцию как очередную утопию, если сосредоточить внимание только на следующем заключении:

«Таким образом, опыт истории подводит человечество к пониманию того очевидного факта, что опасности будут предотвращены и социальная гармония достигнута не развитием науки и техники самих по себе, не переразвитием государственного начала, не диктатурой «сильного человека»... но признанием насущной необходимости одного-единственного пути: установления над Всемирной федерацией государств некоей незапятнанной, неподкупной высокоавторитетной инстанции, инстанции этической, внесударственной и надгосударственной, ибо природа государства внеэтична по своему существу».

Однако сам метод метаисторического познания, который состоит из трёх последовательных стадий и раскрывается особенно ярко уже на первой стадии метаисторического озарения, приводит к мысли о реальности описания переживаемого мгновенного внутреннего акта, который совершается без участия воли человека: «Содержанием этого акта является молниеносное, но охватывающее огромные полосы исторического времени переживание нерасчленимой ни на какие понятия и невыразимой ни в каких словах сути больших исторических феноменов».

Обращаясь еще к двум видам духовного познания, которые являются основными по Даниилу Андрееву вместе с метаисторическим, а именно трансфизическому и вселенскому, приходишь к мысли о некоторых параллелях среди понятий, с которыми приходилось соприкасаться в предыдущих исследованиях.

Одним из таких понятий является «имманентная трансценденция», связанная с именем Альфреда Вебера: «С одной стороны, имманентная трансцендентность не отделена непроходимыми границами от мира явлений, неразрывно “сплетена” с ним, с другой – представляет собой нечто абсолютное и не зависящее от пространства и времени» [5]. Сам Альфред Вебер говорит о трансцендентном так: «Воплощающиеся силы находятся по ту сторону мира явлений, они приходят из сферы, которой неведомы условия этого мира, они абсолютны. Так как изменения нам известны только в геологической, биологической и в человеческой промежуточной сфере совокупности условий и так как только для неё значимы пространство и время,

эти силы, будучи надпространственными и надвременными, должны быть неизменными, как и все трансцендентные глубинные слои, следовательно, в человеческом смысле, вечными» [6].

Даниил Андреев определяет метаисторию как «совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история». А вот что пишет об этом Хейден Уайт:

«На мой взгляд нет такой *теории* истории, которая была бы убедительной и неопровержимой для некоей аудитории только по причине адекватности её как “объяснения данных”, содержащихся в повествовании, поскольку в истории, как и в социальных науках в целом, не существует способа предварительного установления [pre-establishing] того, что будет считаться “данными” и что будет считаться “теорией”, “объясняющей” то, что эти данные “означают”. В свою очередь, не существует никакого соглашения по поводу того, что будет считаться собственно “историческими” данными. Решение этой проблемы требует метатеории, которая установит на метаисторическом уровне различие между просто “природными” явлениями и явлениями собственно “историческими”» [7].

Анализируя «главные формы исторического сознания XIX века» и «структуры исторического произведения», Уайт также пришел к понятию «архетипа» по отношению к историческому процессу. В заключение к своей книге он пишет: «...я обнаружил четыре архетипические сюжетные структуры, посредством которых историки могут изображать исторические процессы в их повествованиях как истории [stories] особого вида: Роман, Трагедия, Комедия и Сатира» [7].

Эти выводы вновь возвращают нас к Юнгу, к его теории архетипов: «Бессознательное содержит источник сил, приводящий душу в движение. Движение души, то есть содержание психической жизни, регулируется архетипами: «Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам». Это касается не только религиозных представлений, но и центральных научных, философских и моральных понятий, которые можно рассматривать как варианты древних представлений, принявших свою современную форму в результате использования сознания» [8].

Бессознательное коллективное как понятие, которое сформировалось к настоящему времени благодаря исследованиям уже многих ученых, запечатлевает опыт человечества. Каждый человек является его носителем в силу принадлежности к человеческому роду и культуре, и «именно этот пласт бессознательного есть то глубинное, сокровенное, что определяет особенности поведения, мышления и чувствования». Как отмечается в [9], «согласно Юнгу, коллективное бессознательное существует как таковое изначально, прежде всего, в образно-чувственной форме; поэтому оно открывается индивиду непосредственно и даже чаще всего произвольно...». Но Юнг об-

ращается и к понятию «трансцендентного», связанному, по его мнению, с религиозным чувством, с так называемой «трансцендентальной силой»:

«Личность, корни которой не уходят в Бога, не может самостоятельно сопротивляться физическим и нравственным соблазнам этого мира. Для этого ей нужно внутреннее, трансцендентальное ощущение, которое только и может защитить ее от неизбежного растворения в массе... Чтобы иметь прочную почву под ногами, индивид должен полагаться исключительно на свою связь с силой, не принадлежащей к этому миру. Здесь критерием являются не заявления о наличии убеждений, а психологический факт того, что жизнь индивида определяется не только его и его мнением, или социальными факторами, но в равной, если не большей степени и трансцендентальной силой. В основе свободы и автономности индивида лежат не этические принципы (какими бы возвышенными они не были) и не убеждения (пусть даже самые твердые), а всего лишь простое эмпирическое осознание, непередаваемое ощущение очень личной, взаимной связи между человеком и внеземной силой, которая действует, как противовес “миру” и его “разуму”» [10].

Как же могут взаимодействовать эти три ипостаси в человеке: коллективное бессознательное, сознание и чувство «трансцендентного»? Юнг в некотором роде дает ответ на такой вопрос следующим образом:

«Сопротивление организованной массе может оказать только человек, который так же хорошо организован в своей индивидуальности, как и сама масса. Я прекрасно понимаю, что это положение может показаться сегодняшнему человеку почти бессмысленным. Он уже давно позабыл весьма полезную средневековую теорию, что человек является микрокосмом, миниатюрной копией огромного космоса, хотя само существование его всеобъемлющей и миропреобразующей психе могло бы напомнить ему о ней. Мало того, что образ макрокосма запечатлен в его психической природе, но он еще и сам создает этот образ для себя во все большем масштабе. Он носит в себе это космическое “соответствие”, с одной стороны, в силу своего склонного к размышлениям сознания, а с другой, благодаря наследственной, архетипической природе своих инстинктов, которые привязывают его к окружающей его среде. Но его инстинкты не только привязывают его к макрокосму, они также, в определенном смысле, разрывают его на части, потому что его желания влекут его в разных направлениях...» [11].

А вот как пытается вникнуть в эту проблему Альфред Вебер (цит. по [5]): «По действию, которое силы имманентной трансцендентности оказывают на человека, их можно разделить на позитивные и негативные. К позитивным относятся универсализирующие и тем самым освобождающие силы... к негативным – сковывающие и изолирующие силы... Благодаря контакту с этими силами осуществляется преобразование нас самих: посредством взаимодействия с ними и их постижения мы “можем быть трансформированы в нечто им родственное”, стать частью объективной сферы сил, ко-

торая предстаёт нам в них. Эти силы объективно расположены вне нас, но в то же время существуют как возможность быть воплощёнными в нас».

Что касается самого термина «метаистория», то здесь он не встречается в явном виде. Однако интуитивно ощущается близкая связь рассматриваемых понятий. Но вот, наконец, в процессе уже данного исследования неожиданно найдено определение, которое напрямую связывает понятия «метаистория» и «коллективное бессознательное»:

«Психология бессознательного, с одной стороны, и религиозная философия, с другой, приоткрывают туманную завесу. Но шагнуть на ту сторону завесы может или тот, кто обладает собственным опытом соприкосновения с иными мирами, или тот, кто научился чувствовать реальность мифа и жить в ней. Так что, вполне возможно, пройдет несколько лет, и появится наука, которая будет определена примерно так:

Метаистория – это наука, изучающая влияния коллективного бессознательного человечества на исторические процессы земной реальности» [12].

Автор этого определения, которое вновь возвращает нас к Даниилу Андрееву, в своей статье пишет: «Популярное изложение “Розы мира” и параллели между нею и наукой – две волнующие темы, актуальные для всех, кому близко и дорого творчество Даниила Андреева» [12]. И, говоря о «важности психологии в истории», он отмечает также заслуги Льва Гумилева, который «подошел к бессознательному вплотную», и приводит его цитату из книги «Этногенез и биосфера земли»:

«Пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения... Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания...».

Следуем далее в нашем исследовании за автором статьи [12], который отмечает, что Гумилеву оставалась неясной «природа потока психической энергии, вызывающей пассионарные толчки». Попытка «объяснить наличие пассионарных толчков» заставила Гумилева обратиться к учению Вернадского о биосфере: «...ведь люди – тоже часть биосферы. Следовательно, энергия живого вещества пронизывает тела наши, наших предков и будет пронизывать тела наших потомков, стимулируя разнообразные этногенезы». Однако, комментируя это заключение Гумилева, автор статьи [12] Иван Чудотворцев возвращает нас опять к Даниилу Андрееву, к его «Розе мира»:

«Образ силы, пронизывающей наши тела, уловлен достаточно точно. Но саму энергию, о которой идет речь, мы, следуя Даниилу Андрееву, назвали бы арунгвильтой-праной. Однако, конечно, не арунгвильта-прана осуществляет пассионарные толчки. Это делают силы, существующие в коллективном бессознательном человечества».

В нашей презентации на тему «Социальная Память и Коллективное Бессознательное», о которой упоминалось в начале данной статьи, мы обра-

щались к учению Вернадского о ноосфере. Так, например, в статье «Автотрофность человечества» В. И. Вернадский писал:

«В биосфере существует великая геологическая, быть может космическая, сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе, представлениях научных или имеющих научную основу... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного. Проявление этой силы в окружающей среде явилось после мириад веков выражением единства совокупности организмов – монолита жизни – “живого вещества”, одной лишь частью которого является человечество» [13].

В другой своей известной работе о ноосфере «Научная мысль как планетное явление» Вернадский пишет: «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в *ноосферу*... История научной мысли, научного знания, его исторического хода проявляется с новой стороны, которая до сих пор не была достаточно осознана. Ее нельзя рассматривать только как историю одной из гуманитарных наук. Эта история есть одновременно *история создания в биосфере новой геологической силы – научной мысли*, раньше в биосфере отсутствовавшей» [14].

Как отмечается в [15]: «В России три мыслителя использовали понятие “метаистория”. Это С. Булгаков, Н. Бердяев и Д. Андреев. Для Булгакова и Бердяева метаистория – это реальность, возвышающаяся над историей. Даниил Андреев понимал метаисторию иначе. Его опыт мистика и визионера является совершенно новым образом переживания и восприятия исторической драмы. Для Андреева метаистория пребывает за историей и включает в себя не только восходящий, но и нисходящий мир. Эта иномерная и нематериальная реальность неразрывно связана с плотью земной истории и с ее смыслом, постичь который и пытался Андреев».

Возвращает нас к Даниилу Андрееву и еще одна замечательная книга [16], в которой автор свой рассказ о Данииле Андрееве и «Розе Мира» начинает с Серафима Саровского. И объясняет он это так: «...дело не только в том, что Даниил Андреев был православным... Еще важнее то, что будущее возрождение России он связывал именно с православием».

И дальше, автор сравнивает: «преподобный Серафим в его пустыньке» и «Даниил Андреев в тюрьме, суровой и безблагодатной» – и делает вывод о том, что «тюрьма для него тоже пустынька». А затем приводит слова самого Даниила Андреева:

«Как могу я не преклониться с благодарностью перед судьбой, приведшей меня на целое десятилетие в те условия, которые проклинаются почти всеми, их испытавшими, и которые были не вполне легки и для меня, но которые вместе с тем послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа? Именно в тюрьме, с ее изоляцией от внешнего мира, с ее неограниченным досугом, с ее полутора тысячами ночей, проведенных мною в бодрствовании, лежа на койке, среди спящих товарищей,

именно в тюрьме начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического познания» [16. С. 28].

Возвращаясь к теме данной статьи, нельзя не упомянуть о результатах исследований, которые Фритьоф Капра, американский физик австрийского происхождения, изложил в своей книге «Дао физики» [17] с подзаголовком «Исследование параллелей между современной физикой и восточным мистицизмом»: «Физика и метафизика – обе неумолимо приводят к одному и тому же знанию». Все его работы имеют общий подтекст: «Между всем существуют скрытые связи». Исследуя параллели в физике, индийской и китайской философии в книге «Дао физики», Фритьоф Капра пишет [17]:

«Китайцы, подобно индийцам, считали, что существует высшая реальность, лежащая в основе многообразия вещей и явлений, наблюдаемых нами, которая объединяет их. Есть три термина: “полное”, “всеохватывающее”, “целостное”. Они отличаются друг от друга, однако та реальность, которую они стремятся описать, одна и та же – “Единственное”. Они называли эту реальность Дао, что первоначально означало “Путь”. Этот Путь всей Вселенной, порядок мироустройства. Позже конфуцианцы дали этому понятию другое истолкование. Они говорили о Дао человека или Дао человеческого общества, понимая его как правильный в моральном отношении образ жизни». И далее Капра делает заключение: «Самая важная характерная черта восточного мировоззрения, можно сказать, его сущность – осознание единства и взаимосвязанности всех вещей и явлений, восприятие всех явлений природы в качестве проявлений лежащего в основе единства. Все вещи рассматриваются как взаимозависимые и нераздельно связанные части этого космического целого, как различные проявления одной и той же высшей реальности. Восточные традиции неоднократно упоминают о высшей, неделимой реальности, воплощениями которой служат все вещи, являясь, таким образом, ее составными частями».

В заключение же данного, возможно пока не такого полного, как хотелось бы, исследования нельзя не упомянуть имя: Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950) – индийский философ, поэт, революционер и организатор национально-освободительного движения Индии, йогин, гуру и основоположник Интегральной йоги. Он так излагает свои мысли, описывая свой опыт [18]: «...Принципиальное назначение нашего ума – реагировать на эти волны мысли (так же как и на витальные волны, волны тонкой физической энергии), принимая или отвергая их, или придавать личную ментальную форму веществу мысли... С этого момента, в принципе, ментальное существо во мне стало свободным Интеллектом, всеобщим Разумом, но не работником на фабрике мыслей, ограниченным узким кругом своих личных мыслей, а тем, кто получает знание изо всех сотен и сотен царств бытия и свободен выбирать то, что ему хочется в этой огромной империи видения и империи мысли».

Шри Ауробиндо в своей работе «Западная метафизика и йога» отмечает: «На Востоке, особенно в Индии, метафизики {metaphysical thinkers} пытались, как и на Западе, установить природу высшей Истины посредством интеллекта. Но, во-первых, они не возводили интеллектуальное мышление в ранг наилучшего орудия в открытии Истины, но ставили его на второе место. Первое место всегда отводилось духовной интуиции и озарению, духовному опыту; интеллектуальное заключение, которое противоречило этому Высшему авторитету, считалось недействительным. Во-вторых, каждая философия была вооружена практическим путем достижения высшего состояния сознания, таким образом, даже когда начинали с Мысли, цель состояла в том, чтобы прийти к состоянию за пределами ментального мышления».

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший философский словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/602
2. Большая психологическая энциклопедия. URL: <http://psychology.academic.ru>
3. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/515/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%AF
4. Даниил Андреев. Роза Мира. (Книги 1–12). Метафилософия истории. Книга 1: Роза Мира и ее место в истории. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=4140>
5. Партон Т.А., Черный Ю.Ю. Человек в потоке истории: введение в социологию культуры Альфреда Вебера. – М.: Наука, 2006.
6. Вебер А. Третий или четвертый человек. Цит. по [5]. С. 147–163.
7. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
8. URL: <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/bessoznatelnoe.html>
9. Психоанализ К. Юнга. Учение о «коллективном бессознательном». URL: <http://philocult.ru/443-psihoanaliz-k-yunga-uchenie-o-kollektivnom-bessoznatelnom.html>
10. Юнг К.Г. Сборник книг 1. Трансцендентальная функция. Религия, как противовес массовому сознанию.
11. Юнг К.Г. Сборник книг 1. Трансцендентальная функция. Понимание индивидом самого себя.
12. Чудотворцев Иван. Введение в метаисторию – предварения и параллели. Данная статья была прочитана в виде устного доклада на Всероссийской Конференции, посвященной 100-летию Даниила Андреева 20 октября 2006 года. URL: http://vseedinstvo.narod.ru/metaist/vved_v_metaist.htm
13. Вернадский В.И. Статья «Автотрофность человечества». URL: <http://www.pobeda.ru/mbnff/biblio/knigi/antrukos/vern1.html>
14. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. URL: <http://vernadsky.lib.ru>
15. Механизмы империсферы / Дмитрий Ахтырский, Фёдор Синельников. URL: <http://exitum.org/book/mekhanizmy-imperiosfery/>
16. Андреев Даниил. – Рыцарь Розы: [заметки странствующего энтузиаста] / Авт.: Бежин Леонид Евгеньевич. – М.: Энигма, 2006. – 320 с.
17. Электронный ресурс: [fritof_kapra_-dao_fiziki.doc](http://modernlib.ru/books/kapra_fritof/dao_fiziki/) http://modernlib.ru/books/kapra_fritof/dao_fiziki/
18. Сатпрем (Бернар Анженже). Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания». – Л.: Изд-во Ленинградского университета. – 1989. – 334 с.

THE COLLECTIVE UNCONSCIOUS IN TERMS OF METAHISTORY

L.P. Volkova

Investigated and compared the origins of the concepts of “collective unconscious” and “metahistory”. The relationship of these concepts in the treatment of other researchers: philosophers, historians, poets. Celebrated the contribution of scientists to the development of these concepts. We consider the intuitive connection between these concepts with other concepts, such as “immanent transcendence”, “passionarnost”, “noosphere” and others. Are discussed in the context of the topics raised in this article, famous works, there is the impact on the formation of the various currents in society.

Key words: collective unconscious, metahistory, the archetype, immanent transcendence, passionarnost, the noosphere, the dao.

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ ЗЕМНОГО БЫТИЯ: «ЗНАНИЕ» И «СО-ЗНАНИЕ»

А.И. Неклесса

Институт Африки РАН

Стрекозой навсегда ль обернется личинка?

Эпос о Гильгамеше

История может быть осознана как совокупный опыт человечества по осознанию бытия. В процессе истории происходило становление, усложнение сознания, меняется типология мышления, прежде всего – базовая концепция хронотопа. В статье рассматриваются шесть типов мышления: рефлекторное, синхронистичное, векторное, синергичное, эклектичное, антургенное, каждое из которых предполагает свою формулу обустройства бытия, мировоззрение, культурную, правовую, политическую, экономическую регуляцию практики. Подчеркивается роль «великого перелома».

Ключевые слова и фразы: сознание, мышление, хронотоп, время, будущее, античность, христианство, история, цивилизация,

Опознание настоящего

Роберту Музилю принадлежит сентенция: *«Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей»*. Трансформация существующего в возможное, а возможного в действительное нередко ограничена оценкой пределов вероятного. Прочтение реальности неадекватно реальности, но для человека, обитающего в пространствах житейского опыта, то есть прошлого, первое доминирует над вторым. Ситуацию можно сравнить с наблюдаемым звездным небом, отражающим уже несуществующее положение вещей.

Проблема адекватного прочтения реальности в том, чтобы в *текущем* увидеть *настоящее*, которое есть *будущее* в коросте *прошлого* – удерживаемого «омозоленным» сознанием – то есть *нынешнего*. Иначе говоря, востребованным оказывается умение видеть неочевидный, неописанный, неосвоенный ландшафт. Это напоминает уникальную компетенцию Вия, способного видеть в мире живых то, что недоступно обычным духам. Также и живым важно обладать качеством «видения и различения духов», а в сфере практики – опознания социогенов будущего, присутствующих в калейдоскопе текущей реальности.

Сложность ситуации, однако, не исчерпывается данной проблемой. Речь шла о способности выделять из обыденного перспективное. И производить на этой основе *ангрейд* настоящего, то есть проектировать и реализовывать желательный образ *будущего*. Однако зазор между способностью воспринимать реальность и реальностью *perse* скрывает потенциал девиаций

социокосмоса, включенного в сложные взаимоотношения с космосом физическим и метафизическим. То есть возможность вторжения в обыденность *иного*, причем подчас катастрофическим образом, ломая последовательность стратегии и линейную логику перемен. Не случайно присутствие в лексиконе определения реальности, обретаемой с потоком времени, с несколько иными коннотациями: *грядущее*.

Таким образом, мы существуем в расщелине между двумя прочтениями настоящего настоящего: как будущего и как грядущего.

Из разбора ситуации можно сделать несколько существенных выводов: проблема стратегического планирования связана не только с определением наиболее *эффективного пути* к намеченной цели, но также с *динамическим статусом самой цели*, подвижностью целеполагания при планировании действий на долгосрочную перспективу. Другими словами, мы все сильнее втягиваемся в необходимость познавать, действовать, управлять в ситуации серьезной неопределенности. В этой связи приходит на ум весьма неординарное высказывание Андрея Колмогорова про гидродинамическую турбулентность: «*Не ищите там теорем. Их нет. Я ничего не умею выводить из исходных для этой теории уравнений Навье-Стокса. Мои результаты об их решениях не доказаны, а верны – что гораздо важнее всех доказательств*», – хотя на сегодняшний день это звучит, скажем так, чересчур экзотично...

Данный конфликт (а это именно конфликт двух версий понимания будущего, его двойственной природы) предполагает комплексный подход, так сказать индуктивно-дедуктивный, к постановке и решению сложных практических задач, а в более общей форме – принципиально диалоговый характер стратегического планирования. Или, проще говоря, позитивное отношение к перманентно-конфликтной его природе, желательна не переходящая в деструктивную фазу и тем более в неурядицы между субъектами стратегического планирования (межличностные отношения в ситуации нарастающей неопределенности – это другой интересный аспект проблемы). Выбор же доминантной позиции: *усовершенствование имеющегося* или *освоение иного* – определяется в конечном счете персональной установкой: соотношением между градусом амбиции и допустимым уровнем риска. В каждом же конкретном случае существует количественный и качественный предел, который позволяет констатировать, чему отдано предпочтение: *агррейду* или *преадаптации*.

При обустройстве внутри сложившегося эона с устоявшимся сочетанием политических, экономических, культурных практик предпочтение, как правило, отдается усовершенствованию существующего, то есть оптимизации имеющегося. В период транзита между эпохами, то есть кризиса будущего – преадаптации.

Дорожная карта цивилизации

Будущее – особое пространство: существует исключительно в потенции, меряется разной мерой, обладает оригинальными атрибутами. Даже время – субстанция, казалось бы, органичная для данной категории – проявляется и понимается несхожим образом, да и течет для разных субъектов с разной скоростью. Перемены – синкопы живой тектоники в засушливых землях практики, чья телесность предопределена конъюнктурой цен на кровь, сырье, урожай; творчество – не слишком предсказуемая, но улавливающая помехи нить осциллографа; наследуемое прошлое – истрепавшийся каталог проб и ошибок.

Стандарты тактичного (тактического) поведения предписывают признание прав на занятые территории, закрепляя иллюзию единоверия в стилистике «чья область, того и вера». История, однако, не есть искусство чтения меню, ее добродетели подобно пифии воркуют на языке нематериальных обязательств, творимых ежеутрене и ежевечерне, в горе и радости, в дерзновении и суете. Геополитические композиции рождаются, дряхлеют, порой деградируя в инвалидов; формулы же, доказавшие жизнеспособность, кодифицируются в соответствии с весом и влиянием, будучи отмыты от грязи, набело переписаны и увенчаны овацями в чертогах практики. Трансграничная сумма сообществ склонна конституировать организмы любой этиологии, сообразуясь с градусом успеха, оттесняя на обочину старый порядок, поменяв заодно по ходу матча правила игры.

Характерная для анналов и хроник территориальная экспансия, непременная фиксация результатов сменяются дисперсией инициативных пылинок, празднующих в стиле торнадо проницаемость административных границ. Обретаемый в облачных чертогах *magisterium* сродни цветению зари – сиянию искр, полыхнувших на кромке высотной границы: это огонь запечатанного Великого океана – субстанции, освобождающейся от предметных или иных ограничений.

Дорожная карта обрывается на кромке карты географической. Прежнее общество оказалось исторгнутым из истории, чтобы бытие имело смысл, а на пунктирной траектории цивилизации обозначилась точка сингулярности, чреватая Большим социальным взрывом.

* * *

Координаты практики, коллективное прочтение реальности – среда обитания знания: *со-знание*, его доминантная форма. В ней также обретается критический фермент, своего рода соглядатай, диверсант – тяга к обретению более полного или же иного бытия.

Миропознание и производимые трансформации – это не только стремление к выживанию, перемены по пути к свободе и совершенству, скорее «крутой маршрут» экзистенции, на этапах которого возникают прогрессирующие и регрессирующие формы сознания: рефлекторное, синхронистич-

ное (аналоговое), диахронное (линейное), синергийное, эклектичное, деструктивное (антургенейное).

Мировидение опирается на процесс постижения/интерпретации жизни и образующиеся при этом формы, входящие в пространство коллективной коммуникации и памяти, эксплицируемые, фиксируемые в разного рода объектах, транслируемые тем или иным образом окружению и поколениям. Житейские скрепы соединяют мировидение с формулами домостроительства, то есть инициируют процесс, который мы называем историей.

Сегодня, конвертируя современность в транзит, мы входим в виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому – подлинный (*virtus*) мир, где настоящее сожительство с представляемым, сущее с должным, возможное с запретным, а траектория жизни в заметно большей степени зависит от усилий человека и выбранной позиции. Подобное бытие на разломе предполагает иную модель рефлексии, нежели прежнее понимание ситуаций и методов практики.

Кризис мировидения – источник стремительно накапливающихся неурядиц. Когнитивная растерянность, умножение недостатков катафатической стилистики отчасти амортизируются усложнением методологического аппарата, переосмыслением контракта с экзистенцией, но все это – в предродовом буйстве прорывающихся контртезисов негативной диалектики.

Шанс на исход из сценарных тупиков, однако, не в сумме рефлексивных практик, верифицирующих регуляции сверхсложных, высокоадаптивных систем и рассчитывающих на обретение второго дыхания. И не в форсаже парадоксов/апорий как средств («ноозиаков»), пробуждающих ментальную витальность вплоть до семантической эйфории.

Кардинальное переосмысление исторической и антропологической сценографии, ее перепрочтение и постижение финала возможно лишь при непосредственном вовлечении самого естества деятельного субъекта. Речь, таким образом, заходит о ревизии предельных оснований: переменах в аксиоматике знания и действия. Или, иначе говоря, о радикальной коррекции кодов сознания и смене ориентиров цивилизации.

Обменяв личную судьбу на коллективную историю, люди уже многое знают, но далеко не всё научились понимать.

Дискретный мир

Наиболее архаичная форма сознания, которую можно отчасти реконструировать, изучая под определенным углом археологический материал либо патологические/предельные состояния психики, – это *рефлекторное* мышление.

Некоторое время назад в кинопрокате шел фильм «*Memento*». Популярным он не стал, в том числе поскольку сложен для восприятия, ибо продемонстрировал особую форму мышления: у героя серьезно повреждена память. Он владел общечеловеческими навыками, но текущие события помнил в течение краткого времени. Его существование было *дискретным*.

У архаичного человека был, по-видимому, сходный тип мышления. Будучи не в силах удерживать в мерцающем сознании пространственно-временную карту мира, он вынужденно прибегал к своеобразной автокоммуникации, пересылая себе же обретенные знания посредством знаков, зарубок, меток, оставляемых в окружающей среде и на собственном теле.

Деятельный символизм – род усложненной и отчужденной от создателя коммуникации – превращался в разветвленный, опрокинутый во внешнюю среду знаковый аппарат. Семиотика предшествовала семантике, представляя узорчатую канву «узелков на память» (ср. соответствующую систему письма), сплетенных разными руками: искусную, искусственную стихию, переполнявшую мир. Совокупность собственных и чужих знаков, аккумулирующих знание, перепосылаемое человеком самому себе, прочитывалась как обращение/сообщения иных сил. Сумма автопосланий смешивалась с различного рода прозрениями, обрывками сновидений, их нарастающей интенсивностью, случайной, асимметричной интегральностью (идиоматической молекулярностью), сложным символизмом, иными формами психической активности.

Рефлекторное сознание отражало/выражало экзистенциальное восприятие, сопровождаясь провалами памяти, дефицитом больших смыслов, то есть рефлексивным вакуумом, заполняемым фантазмами и характерной для подобного состояния ума загроможденной бессвязностью бытия. Все это свидетельствовало о полуживотном статусе человека, – мы, наверное, расценили бы сейчас такое состояние как особый вид психической патологии.

На древнейших, хтонических божествах видна роковая тень этого алогизма, хаоса, безумия; не творческая личность, но именно разъятый хаос, родовые воды, океанические пучины прямо или косвенно признаются создателями мифов изначальной субстанцией, дном космогонии, первичным бульоном жизни.

Древнейшая память скорее осязательна, нежели зряча, проявляется в ощущении либо озарении, но не в рефлексии. Она скорее ритуальна, чем мифологична. Здесь источник многозначности знаков, примет, признаков, их полифоничной рациональности – подсознательно накапливаемой суммы однотипных, реплицирующихся столкновений с миром.

По мере удержания, увязывания обрывков пробуждений и ритуальной рефлексии дискретный символизм слипается, сплетается в многоцветный венок сведенной воедино карты бытия.

Сакральная геометрия жизни

Следующая генерация мышления и «упаковка» со-знания заметно устойчивее предыдущей. Она широко представлена в истории, проникает и в современность, но, кажется, недооценена в своей оригинальности и многообразии.

Особенно как специфическая рациональность: средство опознания и удержания целостной картины мира, механизм фиксации причинно-

следственных связей, язык повседневной коммуникации, усеченно используемый/прочитываемый и в наши дни, получив статус «художественного» либо «мифологического» мышления. Этот тип сознания определим как *синхронное* или *аналоговое*, а чтобы избежать упрощения и aberrаций, назовем **синхронистичным**.

Появление подобной формы рефлексии означало преодоление дискретной рефлекторности мыслительного аппарата, обретение устойчивых связей с окружающей средой, то есть долгосрочное удержание целостной композиции. Сознание обращало интуицию в мысль.

Возможно, свою роль в организации сознания, привязке ситуаций/решений к месту и времени (то есть формировании когнитивных координат) сыграли относительная неизменность звездного неба («зодиак»¹), суточного и годового круга («календарь»), физиологических циклов. Кодификация обретаемой картографии проявляется в артефактах, инвариантом является мандала, а также ее ипостаси: знак, символ, ранголи, альпона, мудра, лабиринт. Достигнутая связность фрагментов обозначила шаг от ритуала к мифологии, затем возможность фиксации в символических и архитектурных комплексах, образных системах, сводах толкований полузабытого, мистифицированного опыта, отчасти опознаваемого как значимые перекрестки и семафоры жизни.

Исцеление от рефлекторности, прерывистости бытия одновременно порождало и страх катастрофы: утраты хрупкой целостности (обретенного исцеления), регрессии, возвращения хтонического кошмара. В этом подчас паническом чувстве видится источник избыточной ритуализации аспектов быта, детальной регламентации функций, запечатанности кастовых ковчегов. История культуры, археология сохранили множество манифестаций закрытого мышления: версий топографии не физического (географического), но метафизического ландшафта.

Подобное сознание обладало собственной геометрией жизни, заметно отличной от привычного хронотопа.

Становление замкнутого, цикличного мировидения происходило естественным образом: люди, дабы избежать возврата беспамятства и безумия, избавиться от призраков расколотого мира, подавляющего сознание потопа стихий, стремились всеми доступными средствами удержать связь времен, каталогизируя прошлое, ища скрепы существования в некой изначальной точке.

Человека той поры навязчиво привлекал к себе центр мироздания, лонно происхождения – источник бытия, древо жизни, гора спасения. При этом люди намеренно поворачивались спиной к будущему, чреватому разрушением обретенной устойчивости и воспринимаемому как опасное пограничье: кромешная окраина, зыбкая периферия, край рассеяния, ужас затмения.

¹ В древнейшей, «вавилонской», системе счета структура числового ряда не абстрактно умозрительна, а непосредственно связана с круговращением небесной сферы (прецессией).

К примеру, в аккадском языке категория «прошлое» – *um pani* дословно означает «дни лица/переда». Для человека того времени прошлое – это доминантный маршрут мысли, основное направление взора. От будущего же отворачивались, оно *отвращало*: аккадское «будущее» *ahcratu* – образовано от корня *hr* со значением «*быть позади*», «*замещать*»² [1].

Иначе говоря, будущее воспринималось как отвергаемая, маргинальная – *кромешная* территория, основанием же бытия полагалось прошлое.

В зазеркалье все еще порывавшегося ускользнуть, но уже прочно удерживаемого прошлого отражалось спонтанно прозреваемое, по крупицам (отблескам, осколкам) выстраиваемое псевдобудущее: мифологический, эскапистский и героический пейзаж событий, изъятых из земного круговорота. Населяли пророческое и оргиастическое пространство сверхлюди: хранители прошлого – могучие прародители. В дневном же, внешнем мире будущее не имело образа, ведь облик (имя) давали события. Будущее воспринималось как несовершенное деяние, незавершенная субстанция, необработанный камень, нечто дикое, пугающее, варварское. Его заклинали и огораживали. Человек не стремился в эти призрачные, заполярные земли, несуществующие времена: его там ждали потери, увечье, смерть... Одно из характерных обозначений будущего на аккадском языке – «*дни, что опаздывают*».

Будущее мыслилось как пространство, неподконтрольное людям, полностью находящееся во власти иных, неведомых, однако значительных сил. Оно представлялось «далеким Западом», страной захода и угасания светил, являло не простор для действия, но сумерки бытия, его предел, последнюю границу, непересекаемый рубеж – бескрайний, поглощающий дерзость океан.

Быть может, здесь истоки странного безволия в критических обстоятельствах, порой охватывавшего тех, кому приоткрывались гипотетические обстоятельства смертного часа («*чему быть, того не миновать*»).

При этом карта времени подобно сакральной топографии была тщательно расчерчена и приписана к поименным хранителям: не только каждый сезон или день замкнутого, «круглого» календаря, но даже часы имели поручителей-стражей. Вне русла больших смыслов это подсобное хозяйство загромождало циклический хронотоп, оставаясь бессодержательным, механистичным складом событий: неспешно перемалывая зерна жизни, исчисляя, регистрируя происходящее, оно в сущности не вело никуда³.

² Удивительным образом этот обращенный в прошлое хронологический вектор по-своему присутствует и в современной системе летосчисления для древних (до Рождества Христова) времен.

³ Один из возможных источников ретроспективной психологической/культурной аберрации – наш пристальный интерес именно к религиозным и нарративным текстам «седой» древности. Сталкиваясь по преимуществу с переводами и публикациями данных произведений, мы не замечаем их эксклюзивности в общей массе письменных свидетельств той поры, в ничтожном процентном соотношении документов первой группы к основному корпусу находок: хозяйственных регистраций, разнообразных регламентов, калькуляций, ре-

В рассеянной пассивности время определялось не новизной или предприятими (проектами), а утомительной дурью: бесконечностью повседневности, множественностью реплицированных «дней сурка», его символический образ, сохранившийся в привычной атрибутике вплоть до нынешних дней, определен замкнутостью круга; мера часов и минут – градус. Время обременяло человека и профанировало жизнь. Постоянно переписываемый каталог: инвентаризация бывшего и небывшего – являлся преградой, стеной на пути перемен, каменным небом горизонтальной экспансии. Времени, в сущности, не было, был *срок*⁴.

Генетика древнего хронотопа отчасти присутствует в сознании и сегодня, в чем-то совпадая с архитектоникой сновидений, переходя из путаницы яркого и важного в композицию сложной (ложной) карты космоса как лабиринта. Удивительная пластичность топологии бытия (e.g. плавность соединения сакральной, мифической и опытной, физической версий географии) объяснялась единством, континуальностью «спящей» ментальности и «дневных» ситуаций: жизнь была версией сна, и наоборот.

Конструкция лабиринта, порожденная синкопами практики, вносимыми жизнью в плавный поток видений, имеет между тем существенное отличие от безвременья мандалы: разрыв кольца – намек на возможность исхода из преисподней («табакерки») некрополиса в попытке следовать за скрытым в клубке личин ликом. Или отраженным стенами, умноженным эхом голосом [2].

Совмещение сакральной географии с подвижностью человеческого естества, чреватого кризисами и прорывами, проявилось, к примеру, в архитектуре городов-доменов, их пространственной организации, символических и физических сложностях пересечения городской черты (вспомним проблему, возникшую у ахеев с проникновением в лабиринтообразную Троя) и параллельно с этим – пристройке прагматичного, разноголосого *portus*'a⁵.

Но главная особенность синхронистичного сознания: его причинно-следственная логика была аналоговой, «горизонтальной». Весьма разные и на первый взгляд не имевшие ничего общего *со-бытия* были так или иначе – сейчас сказали бы «голографически» – связаны. И связь эта осознавалась подчас как нечто более важное, нежели само событие, воспринимаемое отстранённо, как знак. Представлялось, что о переменах и грядущем надежнее судить по косвенным признакам: приметам либо аналогиям; нам знакомо это состояние ума, мы называем его суеверием.

стров дел и событий. Пропорция добытых на археологических площадках Месопотамии табличек из обеих групп впечатляет. Да и в самой первой группе первенствуют все же скорее магические рецептуры, а не метафизические творения.

⁴ «Слово *adannu*, которое иногда переводят как “время”, означает “срок”, и в смысле какого-то периода времени, и в смысле момента в конце определенного периода» [1. С. 15].

⁵ Следы связи лабиринта с городом сохранились в европейской культуре: лабиринты здесь именовали «Троя» (Западная Европа), «Вавилон», «руины Иерусалима», «стены Иерихона» (Северная Европа) и т.п. (См.: [3. С. 256]).

Страх перед возвращением в мир разрывов predetermined практику жертвоприношений силам, удерживавшим мир от распада (политика «малых бед»). Он же порождал специфичное отношение к новациям, любой версии расширенного производства, существенным изменениям наличных условий, интенсификации жизни, развитию *perse*, проявлениям инакости, чужим, «чуждым» системам ценностей. И соответственно к новаторам, диссидентам, трикстерам, положение которых в обществе фактически было сродни статусу *пре-ступников*, то есть людей, переступающих некую запретную черту.

Основой благоденствия полагались стабильность и равновесие. Строительство грандиозных мегалитических сооружений, зиккуратов, пирамид, ирригационных комплексов, водохранилищ, зернохранилищ было действием, служившим – помимо побуждения к физическому воплощению сакрального конструкта – данной цели. В период «семи тучных коров» избыточная энергия аккумулировалась, ограничивая потенциал демографического либо социального взрыва. Наоборот, когда приходило время «семи тощих коров», в наличии были средства для поддержания численности населения и одновременно для купирования социальных турбулентностей. Однако люди – существа, по своему естеству порождающие перемены, время от времени – радикальные; человеческая природа плохо укладывалась в прокрустово ложе.

В лоне истории, таким образом, соприсутствуют и состязаются два социальных ритма:

1) синусоидальный – сопряженный с перманентным воспроизводством баланса, поддержанием неизменности традиций;

2) векторная динамика, усложненная нелинейностью, синкопами, фазовыми переходами – трансценденцией миропорядка, трансформацией норм и регуляций, имеющая следствием взрывной рост населения, расширенное воспроизводство, разнообразные, неоднозначные воплощения творческой новизны.

Смутный горизонт истории

Следующая форма сознания – мышление *диахронное* или линейное, «векторное» (*стрела времени*). Это распутанная нить Ариадны, выводящая людей из сновидческих объятий мандалы, проведя через многоугольные, спиралеобразные закоулки лабиринта. Метастазы идиосинкразии к будущему (прежняя аксиология времени) все же сохранялась в виде нисходящей траектории истории: от золотого века к железному и далее – к «гибели богов».

Данный тип мышления внятен и привычен, он одна из основ цивилизации. С генезисом хронологического вектора связано также понятие «осевого времени»: некой поворотной точки истории, после которой происходят многочисленные, серьезные перемены. Начиная приблизительно с VIII века до н.э. в средиземноморской ойкумене утверждается и развивается отлич-

ный от прежнего взгляд на мир: экзотерический и категориальный, рождаются формы устойчивой рефлексии – философия и наука (натурфилософия). Речь идет, прежде всего, о совершившей ментальный прорыв Древней Греции. Люди дерзновенно и критически (хотя до поры как бы «искоса») взглянули на угнетавший фатум, и, не отрицая неумолимость рока, противопоставили ему собственное деятельное промышление.

Продвижение от мифологического мышления к логическому, от целостного («драгоценной целостности») к формализованному, аналитическому («расплетенному»), то есть рассеченному философским скальпелем, было реализовано в Элладе. От мифопоэтического восприятия и непосредственности суждений человек совершил транзит к опосредованному знанию и рациональности отложенных целей (перемен). Был преодолен критический перекресток: развилка версий мировидения – и сделан далеко идущий выбор: предпочтение отдано дороге, уводящей от мистериального откровения и апофатического осмысления как универсального источника закона. (Отринутый путь был пройден, однако в другой части Средиземноморья, альтернативный историософский сдвиг и иной подвиг реализован другим народом – еврейским...)

Наряду с попыткой вскрыть анатомию рока эллинами отчуждались, инкапсулировались архаичные форматы собеседования с промыслом. Арбитром же и мерой вещей утверждался человек – земной очаг прометеяева огня. София обреталась мастерством (если не ремеслом) внутреннего либо коллективного диалога представителей особой породы, способной к необычному способу жизни: *bios theoretikos*, ставшему уделом дважды свободных людей. Философия, ее категориальный язык, ясная, внятная речь, ущемляла дельфийскую многозначность, обезличивала, деперсонализовала звездный атлас, а рациональная мистичность числовых экзерсисов подавляла энигматичную магию календаря, отмыкала глухие двери скрипичным ключом и выводила из ментального лабиринта предписанный алогичным, неумолимым фатумом круговорот событий.

Эпистемология становилась самостоятельной реальностью: топографией рассуждений, девальвирующей сакральность мандалической карты бытия.

Был создан когнитивный аппарат, обративший мир и его предметность в нечто иное: операциональное отражение – блестящий щит категорий и понятий, отделивший человека от гипнотического воздействия среды. Пространства рефлексии обрели картографию, которая в отличие от сакральной географии была практической аппликацией: инструментарием сборки ситуаций и проектирования замыслов (процесс сродни переходу от иероглифической формы письма к алфавитной). Осмысление бытия отстранялось от сновидений разума, где смешивались боги и люди, равноучаствуя в событиях. Через индивидуацию Одиссея и мучительные эксцессы релятивизма человечество переходило к формулированию законов – темперированных гармоник, октав взаимоотношения личности и рока. А затем – космологическо-

му деизму, рациональной онтологии, порождая «философию» как системную, диверсифицированную рефлексию о мире и населяющих его людях.

Невыразимая сложность бытия

Следующая формула сознания оказалась сложной для усвоения и освоения из-за антиномийной специфики. Это мышление *синергийное*.

Существует порог, некогда преодоленный человечеством, он связан с началом христианской эры – радикальной новацией по отношению к миру прежнему, традиционному, *античному*. Люди новой эпохи осознавали смену ситуаций, называя себя *moderni*, чтобы отличить от обитателей прошлого, ветхого мира – *antiqui*⁶. Позднее понятие Модерна приобрело иные акценты, фиксируя отличие Нового времени от Средневековья, а в истории культуры получило дополнительный смысл.

Общество, возникшее на миростроительной площадке, называлось по-разному: христианская, европейская, современная цивилизация или наша эра. Откуда же взялись поразительные творческие силы, позволившие за недолгий исторический срок преодолеть ограниченность прежней ойкумены, скудные времена, радикально преобразовать стиль жизни и облик планеты? Разница в конечном счете заключалась в появлении личности, осознающей себя образом и подобием Творца, творящего из ничего нечто. Личности, освобожденной от калейдоскопа дурной бесконечности и ярма предопределения. Личности, претендующей в пределе дерзновения стать по причастности к нетварным энергиям тем, чем Творец является по сущности. Степень страдания (порой отчаяния) обуславливается теперь не нарушением, искажением либо распадом порядка, но жаждой полноты бытия, взысканием абсолютного спасения, поиском пути для кардинальной, надвременной перемены участи. Иными словами, время обретает подвижный, разнонаправленный, персональный характер.

Христианская рациональность основана не на логике Аристотеля и предполагает отличный от античного маршрут постижения истины. Новое мышление, отточенное в ходе вселенских соборов, проявляется, прежде всего, в *тринитарном богословии* и *христологии*, развивается катафатическим и апофатическим богопознанием, продуцируя множество школ (включая еретические) и культурных течений: от *leysd'amors* (миннэ) Прованса до византийского исихазма. Специфика рефлексии – удержание в сознании, самом естестве антиномийной, пульсирующей природы миропорядка: живого

---

⁶ «Согласно Гарнаку, обобщившему верования этих ранних христиан, они были убеждены, что – “1) наш народ старше мира; 2) мир был сотворен ради нас; 3) жизнь мира была продолжена ради нас: мы отсрочили суд над миром; 4) все в мире подвластно и должно служить нам; 5) нам открыто все в мире: и начало, и течение, и конец всей истории, для наших глаз нет ничего сокровытого; 6) мы примем участие в суде над миром, а сами вкусим вечное блаженство”. Но главное убеждение ранних христиан состояло в том, что это новое общество, раса или народ были учреждены Иисусом Христом, который является его законодателем и Царем» [4. С. 48–49].

статуса знания, и приложение обретенной комплексности к опознанию Промысла в недрах существования.

Прежние форматы, впрочем, уживаются с обновленной, но сложной для освоения и обладания ментальностью: житейски обременительной перманентной трансценденцией бытия. Стрела времени, то есть линейная ориентация хронотопа, сохраняется как социальная доминанта, однако энтузиазм новой веры меняет ее смысл – история из процесса деградации превращается в код спасения: ресурс для восстановления и восхождения личности, что со временем находит отражение в концепции прогресса. Осваивая новый образ реальности, сочетая соборные решения с феноменологией городской революции, комплексное сознание мутирует, порождая ритмы современности.

* * *

Мы усталое солнце потушим,
Свет иной во вселенной зажжем. <...>
Молот разгневанный небо пробьет,
В неведомый край нам открыты ворота...

Андрей Платонов

К сожалению, за границами рассуждения осталась не только достаточно внятная синтетическая формула эклектичного мышления, сопряженная с рассеянной дискретностью клипового сознания, но также сознание, познавшее вкус плодов древа смерти – антургенейное: деструктивное, способное к беспредельному, неудержимому разрушению, обладающее историческим опытом [5], культурной потенцией, собственным мировидением – образом квазицивилизации смерти, «пира из мяса богов».

Данное мировосприятие, своего рода пессимистический энтузиазм, подобно тлеющему жару соприсутствуя «подлым слоем» в субстанции практики, способно в минуту социальной растерянности произвести стремительную реконфигурацию человеческой вселенной, что означало бы крах истории и *déjà vu* примордиальной регрессии: бегство от непереносимости бытия в бешенство и беспамятство экзистенции [6]. Взрастив, таким образом, зубы дракона, некогда посеянные в людском естестве...

Будущему еще предстоит столкнуться с иными, подчас обескураживающими, сжимающими и раздвигающими горизонт экзистенции прочтениями бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время: Очерки. – М., 1983.
2. Неклесса А. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. – М.: Восточная литература, 2002.
3. Стародубцева Л.В. Метафизика лабиринта // Альтернативные миры знания. – СПб., 2000.

4. Христос и культура // Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. – М.: Юрист, 1996.
5. Некlessа А. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация: восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М.: Наука, 2003.
6. Некlessа А. Цивилизация смерти // Эсхатологический сборник. – СПб.: Алетейа, 2006.

CHAPTERS FROM THE BOOK OF EARTHLY LIFE. KNOWLEDGE AND CONSCIOUSNESS

A.I. Neklessa

History can be perceived as the cumulative experience of humanity in comprehending being. The process of history has seen the formation and sophistication of consciousness and changes in the typology of thinking – above all, in the basic concept of chronotope. The article examines six types of thinking – reflex, synchronistic, vector, synergic, eclectic, and anturgenic thinking, each of which presupposes its own formula for improving life, its own world view and its own cultural, legal, political and economic regulation of practice. The role of the Great Turn is emphasized.

Key words: consciousness, thinking, chronotope, time, future, antiquity, Christianity, history, civilization.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ

МЕТАИСТОРИЯ КАК МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Кравчук

Институт математики НАНУ (Киев)

В части I изложены главные моменты нового метаисторического подхода, основанного на понятии (локальной) цивилизации, которая к тому же оснащена набором n -Суперсистем разных уровней n (и такой комплекс назван «О-цивилизацией»). Эта конструкция позволяет включить в себя основные достижения таких известных метаисторических подходов, как формационный, цивилизационный и «этнологический», в качестве частных случаев. Каждая «О-цивилизация» имеет собственную историю, свое «историческое время», а потому и свои периоды древней, средней и новой истории, что предсказывал еще Н. Я. Данилевский. А мировая история описывается не просто «суммой» этих историй, но требует существенного учета и взаимодействий (столкновений) между ними.

В части II показана применимость этого метода к анализу древней истории Руси, увидеть ее как «цивилизацию россов», что позволило по-новому взглянуть на известные исторические проблемы. Кроме того, дана новая периодизация древней истории – соответственно изменениям социально-экономических укладов и связанных с ними типов собственности и форм политического устройства.

Ключевые слова и фразы: метаистория, исторический процесс, культурно-исторический тип (КИТ), цивилизация, n -ЦЭСЭС-система (или n -Суперсистема уровня n), предыстория, длинный VI век, славянский КИТ, азиатский (соотв. античный) способ производства.

I. Очерк метода

Одна из задач науки – это получение наибольшей информации из наименьшего количества фактов, дабы сделать возможным выделение точных закономерностей, позволяющих с единой точки зрения понять самые разные явления,

а в дальнейшем научиться ориентироваться в них. Эти закономерности невидимы, но и не придуманы: они открыты путем обобщения.

Л.Н. Гумилев

Лев Николаевич, известный русский мыслитель («историк, географ и этнолог», как его иногда определяют), этими словами очень точно определил не только задачи современной науки, но одновременно и ее метод. Однако нам не следует забывать и того, что потребность человека в познании окружающего мира проявилась достаточно рано – в младенческом возрасте человечества, ибо диктовалось это уже простым *стремлением его к выживанию* в сложном мире (и в том же теперь нуждаемся и мы). И естественно, что с появлением «*людских союзов*» (В. О. Ключевский [1]) таких, как союзы племен, этносы, а затем и государства, вызревало и желание понять их происхождение. А реализовалось оно сначала в мифологических преданиях, но затем, со времен Геродота (V век до н. э), появилась и история как отдельная наука – сперва чисто описательная, занимающаяся накоплением разнообразных фактов и сведений. И только в Новое время начали разбираться в накопленном материале, систематизации его; затем появились попытки определить, что же такое «*людские союзы*», и как понять общие закономерности развития таковых, что со временем привело к появлению и Метаистории (приставка «мета» на греческом языке означает «после, за», но в данной ситуации можно понимать ее и как «взгляд сверху» на историю – сперва как на «кучу» исторического материала).

Сразу следует отметить: недавно один товарищ сообщил мне, что некоторые под метаисторией понимают некое мистическое учение (подробности которого мне неизвестны), и в этой связи необходимо подчеркнуть, что первоначально мною был использован термин *Метаистория* просто по аналогии с термином *Метаматематика*, который авторы его (польские ученые Е. Расева и Р. Сикорский) вводили так: «*Метаматематика – это наука, изучающая формализованные математические теории*» (в книге [2]). Стоит отметить, что в последующем и саму метаматематику (уже с маленькой буквы!) стали рассматривать как некий раздел математики.

Таким вот образом я и пришел к следующему определению: «*Метаистория – это наука, изучающая точно сформулированные теории исторического развития*» ([3]), или «*исторического процесса*» (в смысле Ключевского [1] – см. ниже), так что никакого мистического смысла в нем не было и нет. А теперь поясню, какие теории имелись в виду: во-первых, это теория «*формаций*», сформулированная в середине XIX века К. Марксом. Действительно, она была первым метаисторическим подходом, сформулированным точно, и базировалась на предположении, что базисным объектом является все человечество, рассматриваемое как единое целое; неявно же предполагалось, что «*возглавляет*» его Европа.

А (глобальный) исторический процесс классики делили на *три* большие *стадии*: *доклассовое* общество, затем *классовое* и, наконец, снова *бесклассовое* – коммунизм; кроме того, между каждой парой имеются *переходные периоды*, притом достаточно длительные. Но затем и *вторая стадия* делится опять-таки на *три этапа*, или *уровня*: первый – *рабовладельческий*, за ним следует *феодалный*, и наконец, третий – *капиталистический*; с этими уровнями и ассоциируются, по Марксу, соответствующие «*формации*», между которыми тоже имеются *переходные периоды*, но уже более короткие.

И представляли они исторический процесс как вполне упорядоченную последовательность основных объектов (то есть «*формаций*»), сменяющих друг друга «по порядку», определяющих степень развития, что и является выражением «*линейного прогресса*». Но тогда как деление исторического процесса на стадии не вызывает вопросов, относительно этапов таковые возникают, и мы должны с ними разобраться. Кроме того, достаточно очевидным недостатком марксистского подхода было объяснение прогресса исключительно *саморазвитием* базисного объекта, в данном случае всего человечества как единственного объекта истории, используя гегелевскую теорию развития. Но последующее развитие естественных наук, и в первую очередь – физики, показало, что всякая эволюция является результатом *взаимодействий* между разными объектами. А поскольку в обсуждаемом подходе базисный объект единствен, то и взаимодействовать ему не с чем.

С другой же стороны, давно была известна реальная *неоднородность* человечества, но вот четкое представление, что состоит оно из *кластеров* с определенной структурой, называемых *КИТами* (то есть *культурно-историческими типами*), соответствующими «*великим племенам*», либо же «*локальными цивилизациями*» (о различиях см. в [10]), впервые было сформулировано в последней трети XIX века русским ученым Н. Я. Данилевским (в [4]), причем он прямо перечислил все таковые! И хотя нигде в своей книге он не упоминает Маркса, подход последнего к истории он определенно знал, как можно увидеть, к примеру, из следующего высказывания Данилевского: «*Вообще деление по степеням развития не исчерпывает всего богатого содержания истории*!» По мнению Николая Яковлевича, для этого нужно учитывать существование вышеупомянутых объектов, где каждый имеет *свою историю* [4], но все они связаны друг с другом, хотя и достаточно слабо, по его представлению.

После Данилевского подходы этого типа развивали и другие мыслители, и одним из наиболее известных был подход О. Шпенглера, изложенный им в книге «*Закат Европы*» [5] (появившейся полвека спустя после [4]), упомянем также А. Вебера [6], и британца Дж. Тойнби [7]; сюда же следует отнести и подход П. Сорокина (детальнее обо всех упомянутых подходах, как и о других, см. в книгах [3; 10]). Такие «*цивилизационные*» подходы принято называть *циклическими*, как продолжающими, по сути своей, известное изречение Экклезиаста.

Но Данилевский-то, по сути, вышел за рамки таких представлений, когда утверждал, что имеет смысл «деление истории на древнюю, среднюю и новую» (таким образом, и тут видим марксовы три этапа) – но *только внутри* отдельной цивилизации! Так что тут все ж имеется прогресс, хотя и локальный... Кроме того, он же чувствовал и существенную *роль взаимодействий* отдельных объектов с так называемыми «Бичами божьими» (то есть для частных случаев), о чем еще будет речь, хотя у него не было представления о глобальной эволюции, то есть не было ответа на вопрос: как же эволюционирует человечество в целом?

Потому не случайно даже в начале XX века профессор В.О. Ключевский начинал свой «Курс русской истории», читаемый в Московском университете, следующим определением задач исторической науки: «*Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит исторический процесс, то есть ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах... Человеческое общежитие выражается в разнообразных людских союзах, которые могут быть названы **историческими телами** и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, – словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы. Возникновение, рост и смена этих союзов со всеми условиями и последствиями их жизни и есть то, что мы называем **историческим процессом***» [1] (выделено нами. – Н.К.).

Из этого видно, что мысль знаменитого историка относится, по сути, уже к Метаистории, а также ясно показывает, что к началу XX века проблема выяснения *структуры истории* стояла-таки на повестке дня. А поскольку мысль эта высказана была тогда, когда уже были известны подходы и Маркса (впрочем, *формации* не могут рассматриваться в качестве «людских союзов»...), и Данилевского, который в качестве *исторических тел* предлагал КИТы, то, видимо, Василий Осипович усматривал ограниченность обоих подходов, почему и посчитал задачу выделения *исторических тел* открытой.

Любопытно отметить, что примерно в то же время русский философ С. Булгаков конкретизировал потребные «людские союзы» очень просто: «*между индивидом и человечеством стоит только нация, и мы участвуем в общекультурной работе человечества как члены нации*». Но позже другой мыслитель – П. Сорокин – ответил ему так: «*Национальности, как единого социального элемента, нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела*!» И предложил рассматривать в качестве исторических тел «*культурные Суперсистемы, которые функционируют как реальное единство*», охарактеризовав их в ряде постулатов, давая, таким образом, еще один вариант подхода второго типа...

Как уже отмечалось, в XX веке появились и другие подходы, в которых вводятся различные базисные объекты, равно как и разные представления об их эволюции, а кроме того, имеются и различные модификации тако-

вых (о чем см. [3; 10]). Но все же ни в одном из них не проявилось достаточно заметно того, что Ключевский понимал под *историческим процессом*. Правда, надо признать, что и его собственные воззрения не отличались особой конкретностью, ибо не включали представлений о *динамической картине* истории, содержащих что-либо новое, так что задача Ключевского о выделении *исторических тел*, как существенных объектов истории, оставалась нерешенной.

Следует особо отметить и последний из самобытных подходов, в общем-то, того же типа (хотя и несколько выходящий за его рамки) – «этнологический» (или «этногенетический»), который в последней трети XX века ввел советский историк Л. Н. Гумилев [8; 9].

Но ко второй половине XX века отчетливо проявились проблемы, на которые ни один из вышеупомянутых подходов не давал ответа; среди критиков отметим К. Ясперса (см. его книгу [11]), а в середине 90-х годов XX века особенно четко высказался академик Н. Н. Моисеев. С одной стороны, он отметил: «*Общей картины развития цивилизаций, как и истинных пружин, выделяющих те или иные их свойства, до сих пор нет! Этот процесс сложен, ибо является становым хребтом общего процесса самоорганизации общества, как слагаемого биосферы*» [12. С. 13], а с другой же, «не пожаловал» и формационный подход. Точнее, он заявил: «*Цивилизационный подход к истории иногда рассматривается в качестве противопоставления формационному. Но четкого и общепринятого определения формации, а тем более – цивилизации – как мне представляется, не существует*» [Там же. С. 12].

Под влиянием этих замечаний я и стал более внимательно перечитывать труды Маркса, как и других авторов, и скоро стал ощущать неполноту вышеупомянутых подходов – сперва в том плане, что нет у них учета *роли взаимодействий* в процессе эволюции, необходимость чего представляется вполне естественной для физика. Потому и выход показался мне достаточно простым – нужно перенести рассуждения Маркса на локальные цивилизации, однако с существенным дополнением, а именно: с учетом *взаимодействий между ними*, которые и определяют в основном эволюцию – как внутри их, так и глобальную таковую!

После того как я проделал соответствующую работу и опубликовал некоторые статьи по ней, случайно встречаюсь в Москве (на семинаре в ФИАНе) с проф. Г.Г. Пироговым, который, как выяснилось в разговоре, продолжил в определенном направлении рассуждения академика Н. Моисеева (и опубликовал свои соображения в [13]). Для меня весьма существенными показались следующие утверждения Пирогова: «*Долгое время цивилизационный подход отвергался сторонниками подхода формационного. Однако в этом подходе просматривается ряд новых возможностей объяснения мирового развития. Более того, можно предположить, что он при определенных допущениях не противоречит формационному подходу, а на-*

против, существенно его дополняет» [13. С. 90], и это оказалось совершенно верным!

А далее он уточняет: «Похоже, однако, что между социально-экономическим строем (формацией) и культурно-историческим типом есть определенная, может быть, недостаточно еще изученная, но чрезвычайно сильная связь» [Там же. С. 117]. Затем же Пирогов, анализируя подход Данилевского и сравнивая его с другими, заявляет: «Чтобы суметь оценить и осознать важность сегодняшних событий, недостаточно ни формационного, ни цивилизационного подходов в отдельности. Нужен их синтез» [Там же. С. 123].

Таким образом, он тоже приблизился к тому порогу, что и я в начале своей работы, и поставил соответствующую задачу, а потому мои результаты воспринял с большим энтузиазмом и, более того, предложил испытать возможности моего метода на конкретных примерах. Признаюсь, что до того метаистория виделась мне лишь как *теория крупномасштабной структуры истории*, но проф. Пирогов предложил исследовать китайскую либо японскую цивилизацию (он сам изучал обе), причем подарил и свои книги о них. В конце концов выбор пал на то, что мне было лучше знакомо, – нашу (русскую) цивилизацию: такова предыстория моих работ [3; 10], в частности.

Важно, что все упомянутые выше подходы не давали *естественного* описания процессов рождения, роста и смены соответствующих базисных объектов, поскольку последние *не были органическими телами* в смысле Гегеля (о которых речь будет ниже). Не описывали они и взаимодействий различных объектов друг с другом, как и результатов таких взаимодействий, при которых-то и появляются *новые* исторические тела!

Поэтому стояла задача: в качестве *исторического тела* Ключевского выделить именно такой объект мировой истории, из которого можно было бы получить и остальные, упомянутые выше как частные случаи (в действительности же они оказались некими *гранями* такого объекта!). А касательно *мировой истории*, то было очевидно, что исходить следует *ab ovo*, то есть из начала начал, когда не было никакого единого человечества. А были лишь разрозненные (хотя и целостные в себе) органические образования в виде первобытных общин, которые только в этом качестве и могли противостоять воздействиям внешнего окружения, в том числе и другим подобным образованиям.

В дальнейшем общины эти «разрастались» в племена (весьма упрощенно выражаясь!), затем родственные таковые соединялись в союзы и этносы. И оказывается, что лишь на таком фундаменте, на *этнографическом этапе* (по Данилевскому – определение см. ниже) появляются КИТы, включающие в себя уже целый ряд этносов, характеризующихся общностью происхождения, близостью языка, схожестью обычаев и верований [3; 10].

Но КИТ-то еще не Суперэтнос, в общем, и тем более – не цивилизация, и следует говорить точнее: он тоже формируется именно в *период перехода*

от общинно-родового уклада к родоплеменному, параллельно с образованием союзов племен, и вот в этом плане представляет собой глубинный, *архетипический* феномен (см. детали в [10]).

Для нас же таковым явилось *славянство*, которое и стало нашим «родительским» КИТом, хотя в течение примерно полутысячи лет оно расщепилось на *три ветви* – западное, южное и восточное славянство (подробнее об этом см. во второй части работы, а также в [10]). Затем в каждой из этих ветвей (в некоторых ситуациях и независимо от других) появлялись свои Суперэтносы, когда малые союзы племен переходили в большие, то есть в *союзы союзов*. Причем эти последние могли становиться Суперэтносами *только* в тех случаях, когда в группе родственных племен появляется племя, «непохожее» на них (Гумилев), то есть этнически отличное, которое затем так или иначе подчиняет себе остальные. Вот при этом-то и появлялась уже та *социальная дифференциация*, которая приводила затем (хотя, конечно, не всегда!) к образованию *предгосударств*, вплоть до кочевых «империй» и разного рода каганатов – примеры этих процессов рассмотрим в следующей части (подробнее см. в [10]).

Таким образом, концепция Суперэтноса, как вообще «этногенетический» подход Гумилева, работает *в полную силу* именно в *переходном периоде*. В то же время Суперэтнос далеко не всегда является *органической* системой, имеющей историческое «продолжение».

Затем, *в конце того же переходного периода, рождаются и цивилизации* – объекты, нередко базирующиеся на Суперэтносах, но являющиеся уже *органическими* системами, привязанными к определенной территории. Так что цивилизация, в отличие от предыдущих концепций, оказывается *социальным организмом*, то есть она рождается, растет, проходя через последовательность этапов, переживает болезни роста и т. п., а нередко и умирает!

Тут подходим к введению (хотя и очень кратко!) основных объектов – в сугубо авторской формулировке метаисторического подхода, главным отличием которой от предыдущих (носящих «*естественноисторический*» характер, начиная от Марксова такового), есть ее *естественнонаучный* характер – в том смысле, что она существенно базируется на приемах и методах естественных наук. И в первую очередь – из физики, так что не зря коллегифизики в объявлении о моем докладе в МГУ на обсуждаемую тут тему дали ему название: «*Метаистория как история глазами физика*»! И действительно, Метаистория в предложенной трактовке является *естественнонаучной дисциплиной*, в отличие от просто истории.

Замечание 1. Основным приемом, предложенным автором, есть следующий: с упомянутыми выше *этапами развития цивилизации* ассоциируются *n-ЦЭСЭС-системы* (это сокращение от словосочетания *цивилизационно-этнические социоэкономические Суперсистемы n-го уровня*, где число *n* изменяется в интервале (0, 5)), короче – *n-Суперсистемы* – как вырастающие на базе цивилизации. Иначе можно мыслить эти суперсистемы как *представления* цивилизации (по аналогии с представлениями физических

систем, зависящих от состояний этих систем, см. [14]). Кстати сказать, тут получаются и прямые *обобщения концепции формаций* – как *социально-экономических граней* цивилизации на разных этапах ее развития, так что *формации* мы понимаем не как застывшие, четко разграниченные объекты, но как *пучок укладов* определенного типа – рабовладельческого, феодального и т. д., группирующихся по признаку преобладающего типа *отношений собственности* в них.

При этом сразу уточним, что укладам у нас соответствуют *n-Суперсистемы* с дробными в общем-то значениями показателей *n*. И если таковые группируются около целых значений этого показателя (то есть в окрестностях $n = 1, 2, 3, 4$), тогда получаются формации соответственно – рабовладельческие, феодальные и т.д. Причем оказывается, что в различных цивилизациях число укладов в таких группах тоже может быть разным, а некоторые из формаций могут «выпадать» из ряда (см. [3; 10]).

Далее, что касается концепции *Суперэтноса* Л. Гумилева, то такие объекты могут проявляться в *n-Суперсистемах*, только когда *n* лежит в интервале $1/2 \leq n < 2$, по крайней мере (более подробно см. [10]).

А здесь лишь суммируем: **основной объект** нашего подхода есть цивилизация, оснащенная набором *n-Суперсистем* (которые следует мыслить как своего рода *представления* цивилизации – в смысле [14]), и весь этот комплекс будем называть *обобщенной цивилизацией*, а здесь – просто *цивилизацией*.

И это уже не совсем «*вещь в себе*» (как представлял Б. Межуев, см. ниже), поскольку тут наличествует и большее – с каждой такой цивилизацией ассоциируется свое «*социальное*» или *историческое время*, включая и *начало отсчета*, и *темпы* хода его. Впрочем, уже Данилевский отмечал (в [4]), что «*деление истории на древнюю, среднюю и новую*» имеет смысл *только внутри* отдельной цивилизации, и эти наблюдения оказываются очень важными при исследовании хода истории, а особенно – при взаимодействиях между цивилизациями (см. ниже).

В книге [10] достаточно подробно изложен путь, приводящий к выделенному выше объекту посредством обобщения предложенных ранее концепций и соответствующих подходов – этому посвящена целая глава 1 в ней, притом написана она на языке, более понятном историкам и философам. Однако автор-то на самом деле пришел ко всему этому, пользуясь *физическими аналогиями* (и не только ими), о чем в [10] не упомянуто. Как оказалось, эти аналогии не исчерпали себя и ныне, когда мы пытаемся расширить данный метод на иные ситуации, почему и считаем нужным сделать несколько замечаний в этой связи.

Для начала отметим, что для трактовки выделенных выше объектов можно было бы использовать и методы *общей теории систем* (как это предлагал Н. Моисеев). В ней исследуются большие и сложные *иерархические системы*, образованные из подсистем – компонентов, а те, в свою очередь, состоят из элементов (ради простоты, ибо эти последние тоже могут иметь

структуру, и т. д.). Но поскольку теория систем в действительности унаследовала от философии не только язык, но и проблемы, например проблему *отношения части и целого* (восходящую еще к Платону), то и в ней заметное место играет поиск *критериев целостности* иерархических систем.

Не останавливаясь здесь на больших деталях, отметим: выделенный нами объект отвечает такому критерию, равно как и упоминавшемуся выше свойству быть *органическим телом*, то есть таким, в котором, по Г. Гегелю, «...различные части и члены сохраняются только в их соединении, и, отделенные друг от друга, они перестают существовать, как таковые» [26. Т. I. С. 217].

Замечание 2. Но физик-то – по крайней мере, теоретик – сразу заметит, что подобные вещи сплошь и рядом встречаются в *квантовой теории*, где рассматриваются процессы образования больших систем из исходных подсистем – при взаимодействиях определенного типа между ними, имеющих *принципиальное* значение в квантовой теории. И в результате получается *суперсистема*, включающая в себя исходные, так что они становятся не только взаимосвязанными, но и *взаимозависимыми* [14], что как раз и соответствует упомянутому свойству *целостности* ее.

Причем полученная после такого «запутывания» (как называют это явление) суперсистема определяет свойства всех своих подсистем, в том числе и исходных, и, более того, в ней содержится больше информации, нежели простая сумма информации об исходных подсистемах. При этом происходит и «перемешивание» элементов суперсистемы, так что в ней затем можно выделять и *новые подсистемы*, к примеру, посредством проектирования.

А если вспомнить, что цивилизации как раз и являются большими *иерархическими* системами, родившимися при специфических взаимодействиях этносов и племен, то «запутанность» и «перемешивание» объясняют и «переформатирование» их впоследствии на другие подсистемы (хотя и состоящие из тех же индивидов). А последние могут иметь уже довольно-таки отличные свойства; примеры этого даются в [10] (глава II). Однако и всякая такая новая подсистема наиболее точно описывается не сама по себе, но лишь с уровня большой суперсистемы!

И тут хочется отметить, что философское чутье не подвело Б. Межуева – он совершенно прав в том, что цивилизация, как «более фундаментальный объект... в своих глубинных основаниях выходит за пределы теоретического рассмотрения» сугубо историческими методами, что он, видимо, и имел в виду. А вот предлагаемая здесь *профизическая* формулировка, являясь более общей, дает обоснование существования требуемого «более фундаментального объекта», да и влечет за собой другие далеко идущие последствия.

Не останавливаясь на них подробно, а только обозначая их, снова «отклонимся в сторону», но окажется, что не столь уж и далеко. Известно, что еще в XIX веке началось интенсивное обсуждение психологами, прежде все-

го, проблемы *человеческого сознания*, и выяснилось, что следует различать *несколько уровней* его. Кроме обычного, или «*поверхностного*», сознания имеется и более глубоко «запрятанное», но все же проявляющееся на опыте «краевое сознание», или *подсознание*, о котором говорят ныне многие. Но есть и третий уровень, наиболее глубокий, открытый, по-видимому, австрийским психологом З. Фрейдом – уровень «*бессознательного*». При этом наиболее плодотворными в исследовании *проблемы творчества* оказались два последних уровня, а именно – творческая работа человека происходит именно на них, и как бы без (прямого) участия самого человека!

Мне представляется, что наиболее впечатляющие примеры этого дают описания математического творчества, приведенные знаменитыми французскими математиками А. Пуанкаре и Ж. Адамаром (последний посвятил этому целую книгу [15]), и проходящего, как они предполагали, на третьем уровне сознания (то есть на уровне «*бессознательного*»). Я занимался этими вопросами именно в таком контексте, и еще в начале 1981 года пришел к выводу, что *процесс человеческого мышления*, а точнее – *процесс изобретения*, как описанный Адамаром в [15], получает естественное объяснение, *только* если предположить, что это «*бессознательное*» подчиняется законам квантовой теории – так в психологии появляется физика!

Эти результаты тогда же были доложены мною на нескольких научных семинарах, в том числе и на общеинститутском собрании в Институте теоретической физики АН УССР (Киев), затем опубликованы и две работы [16; 17] по этой теме. Причем обе шли к публикации с трудом и с большой задержкой – по причине «идеалистического уклона», якобы наличного в них, хотя и были восприняты с интересом академиком АН СССР С. Севериным, однако мне представляется, что прошли они незамеченными в то время.

С другой стороны, немецкий же ученый К. Юнг в XX веке, развивая идеи Фрейда, утверждал наличие у целых народов и «*коллективного бессознательного*»! Именно оно и объясняет наличие «специфических» особенностей у различных народов, и думается, что подобными соображениями пользовался О. Шпенглер, когда говорил о «*прасимволе культуры*» (см. в [3]). Хотя, по нашему мнению, следует говорить о цивилизации и ее «*цивилизационном коде*» (или об *архетипе*) как позволяющем идентифицировать цивилизацию и при этом сохраняющемся при определенных условиях – и при ее дальнейшей эволюции.

Но ведь тогда естественно полагать, что и «*коллективное бессознательное*» подчиняется тем же *квантовым* закономерностям, и что именно на его уровне происходит коллективное «запутывание», как и рождение «*цивилизационного кода*»! Впрочем, уже в [15] обсуждался вопрос о множественности подуровней, или *слоев* «*бессознательного*», так что и *коллективное бессознательное* может различаться по их «глубине».

К этому кроме прочего напрашивается еще одно.

Замечание 3. В книгах [3; 9] (глава I) мы останавливались, главным образом, на проблемах *подобия, сходства* структуры и эволюции *разных* ци-

визаций; однако это не означает, что между ними нет существенных различий – они есть, и немалые! Сам автор осознал это при изучении нашей цивилизации, как раз и имеющей черты, выделяющие ее из других, притом появляющиеся на ранних этапах эволюции и зависящие в основном от базисного КИТа. Это подсказывает нам, что имеется и более тонкая *классификация цивилизаций*; в частности, есть два типа, названные нами в [10] «*естественными аттракторами*» и «*странными*» таковыми, соответственно, различающимися как спецификой зарождения, в том числе и свойствами сердцевины, и по-разному ведущими себя с течением исторического процесса.

Так что кроме моментов сходства у объектов исторического процесса обнаруживаются также и различия между ними, связанные не только с обстоятельствами зарождения, но и с последующими взаимодействиями их с окружением. Но выяснение этих и подобных им деталей – дело других исследований, а сейчас коснемся *мировой истории*, как было обещано выше.

Хотя она (то есть история человечества) и является «коллективной биографией» локальных цивилизаций, но это не означает, что она есть *простой суммой историй* всех их (в совокупности как раз и составляющих человечество) – она должна включать также и историю всех их *взаимодействий* и взаимовлияний (так что С. Хантингтон оказался прав, говоря о «столкновениях»).

Более того, в нашем представлении именно таковые и *обеспечивают прогресс*, то есть поступательную составляющую мировой истории. На деле же оказалось, что *прогресс* (как качественные изменения) в истории проявляется только тогда, когда «сталкиваются» Суперсистемы *разных уровней*. Но при этом далеко *не всякие* столкновения ведут к прогрессу – чаще всего они приводили к нулевому результату (в смысле прогресса), но если таковой проявляется, то в результате появляется и новая Суперсистема, притом высшего уровня, нежели уровни сталкивающихся сторон (подробности см. в [10])!

II. Применения

Необходимо не переписывать, а переосмысливать историю России.

А.Н. Сахаров

Фактически правоту этого утверждения известного историка, члена-корреспондента РАН, как раз и демонстрирует предложенный нами подход, когда наша история рассматривается как эволюция вполне определенного социального организма – цивилизации, что и заявлено в первой части. А затем естественно возникает первый вопрос: о ее рождении и сопутствующих этому обстоятельствах. Но ведь наша цивилизация, как и всякая другая, возникла не на пустом месте, почему и требуется рассмотрение ее предыстории. Напомним, что понятие это появилось еще в трудах классиков и пони-

малось как все происходившее до «писаной истории», то есть до письменных свидетельств, хотя кое-что можно узнать из археологии (которой в их времена практически не было). Однако классики и не подозревали, что столь широкое и неопределенное понимание может стать источником произвольных трактовок истории, а часто и фальсификаций ее. В качестве примера упомянем о современных украинских «национал-историках», которые прослеживают истоки «украинской нации» чуть ли не во времена Адама.

Ограничить же подобный произвол помогает Н. Данилевский, который ввел понятие этнографического периода для «великих племен» следующим образом: «Древний, или этнографический, период, начинающийся с самого момента выделения культурно-исторического племени от сродственных с ним племен, – бывает чрезвычайно длинным. В этот-то длинный подготовительный период, измеряемый тысячелетиями, собирается запас сил для будущей сознательной деятельности, закладываются те особенности в складе ума, чувства и воли, которые составляют всю оригинальность племени, налагают на него печать особого типа общечеловеческого развития и дают ему способность к самобытной деятельности... Эти племенные особенности, какова бы ни была их первоначальная причина, выражаются в языке (вырабатывающемся в этот длинный период времени), в мифическом мировоззрении, в эпических преданиях, в основных формах быта, то есть в отношениях – как ко внешней природе, источнику материального существования, так и к себе подобным». После чего Николай Яковлевич показывает, что именно в этом периоде рождаются «самобытные культурно-исторические типы, соответствующие великим племенам», а для нас таким КИТом и явилось славянство, как мы знаем.

Замечание 4. Поэтому, дабы ограничить отмеченный выше произвол, мы предложили относить к нашей предыстории именно начальную, древнюю историю славянского КИТа, причем тут не понадобятся тысячелетия, о коих говорил Данилевский, а достаточно начать отсчет ее от начала новой эры, когда и появляются первые сведения о славянах. Но эти сведения столь скудны и неопределенны, что не дают возможности выявить, к примеру, обстоятельства появления трех различных ветвей славянства – западной, южной и восточной, которые уже явно проявили себя к концу первого тысячелетия н. э., когда заканчивается и наша предыстория. В современных учебниках же этот период обычно упоминается лишь мельком, походя, да и то приводятся в основном данные археологии, не касаясь его исторической структуры. Показательной для меня в этой связи явилась реакция проф. Ю.С. Владимирова: после моего доклада на его семинаре (на физфаке МГУ) он заметил, что для большинства «упомянутый период представлялся неким вакуумом, который нужно было заполнить, что и проделал докладчик»...

И действительно, история славянства казалась многим «слишком темной и покрытой мраком неизвестности», хотя место, в котором оно впервые проявилось как выделенный феномен, было определено А. А. Шахматовым достаточно точно еще в начале прошлого века. Это – южная часть Польши

вдоль Вислы и примыкающий к нему район Карпат – в нынешней Словакии. Правда, некоторые современные историки полагают, что к началу новой эры область обитания славян включала, кроме вышеупомянутой, еще и полосы от нее к западу – до Одера, и к востоку – в бассейн Припяти (согласно П. Толочко).

Сказанное выше уже позволяет сделать важный вывод: история так называемых «трипольцев», киммерийцев, скифов и других обитателей причерноморских степей отношения к истории нашей цивилизации практически не имеет – и в этом наше принципиальное отличие от позиции украинских «национал-историков», в частности. Но непосредственное отношение к ней имеет известное *Великое переселение народов*, начавшееся в первых веках новой эры и затронувшее нашу территорию, что позволяет выявить наша (естественнонаучная) методология, в чем убедимся ниже.

Впрочем, Великое переселение оказало огромное влияние и на *историю Европы в целом*, как известно, а особенно – ее центральной и юго-восточной частей, что тесно связано и с нашей историей, начиная с определенного времени. По этой причине нам пришлось остановиться в [10] и на цивилизационных аспектах этого региона, главным образом – касательно истории Византийской империи в период с VI по X век, поскольку это затрагивает начало и нашей истории. Рамки настоящей статьи не позволяют детально изложить результаты, полученные в [3; 10], поэтому ограничимся перечислением самых значительных, на наш взгляд.

Известно, что Великое переселение народов в первом тысячелетии н. э. происходило некими *волнами*, и первой из них оказалось переселение, начавшееся с первых веков н. э., союзов германских племен *готов, гепидов и вандалов*, которые с конца I века н. э. начали движение на юг с побережья Балтики, вдоль Вислы, причем последние – несколько западнее. Затем готы и гепиды перешли через Карпаты, то есть через территорию славян, как бы «раздвинув» их в обе стороны – на запад, и на восток, и продолжили движение вдоль Южного Буга и Днестра – к побережью Черного моря, где и обосновались к концу II – началу III века. Причины же этого переселения остаются неясными, тем более что продвижение готов было достаточно медленным, но в результате привело к тому, что разделение славян на *западных и восточных* стало приобретать постоянный характер. А затем наступившее с конца IV века похолодание, согласно академику Седову [18], к VII веку уже *закрепило это разделение*, ибо тогда уже наблюдается заселение славянскими племенами словен, полочан и кривичей, наших восточных и северо-восточных территорий, на которых мы их видим и позже.

А вот следующая *волна переселений* оказалась *самой крупной* в первом тысячелетии и проявила себя в полной мере в V веке, хотя начало ее следовало бы относить к 375 году, когда массы кочевников, возглавляемые *гуннами*, переправившись через Волгу и Дон, наголову разгромили войска готов, до тех пор считавшихся непобедимыми! После этого поражения готы устремились на запад – частью в Византийскую империю, а частью в Цен-

тральную Европу, образуя там разные «королевства». А гунны же сперва воевали с Византией, но та предпочитала откупаться от них, и к 420 г. предоставила им Паннонию – в качестве центра «Гуннской империи», откуда они и стали совершать походы уже на запад. Причем к середине V века, когда у них появился талантливый вождь Аттила, гунны дошли почти до Атлантического океана, что оказалось самым глубоким (за всю историю) проникновением Азии в Европу!

Однако к этому моменту почти все обитатели Западной Европы – от римлян до готов и других германских племен, осознав опасность, объединились для отпора гуннам, и в 453 г. в «битве народов» на Каталаунских полях разгромили войска Аттилы и отбросили гуннов на восток. А после смерти Аттилы в 454 г. гунны были разбиты гепидами, затем в 463 г. – булгарами, а в 469 г. – византийскими легионами, а их место в Западном Причерноморье почти на сто лет заняли булгары.

Хотя о нашествии гуннов, как существенном элементе Великого переселения народов, за прошедшие полторы с лишним тысячи лет говорилось и писалось многими и многое, но вот о каком-либо влиянии гуннов на славян практически ничего не известно. Как неизвестными остаются и причины, побудившие гуннов к движению на запад; более того, тут наблюдается разнбой – одни историки полагают причиной наступление засухи в степях Азии, другие же, наоборот, – чрезмерное увлажнение их, последующее похолодание и т.д.

Но вот следующее нашествие кочевников – *авар* практически не привлекало внимания историков как в XIX веке, так и позже, хотя в действительности именно оно имело весьма важные последствия – настолько, что в последней книге мы отвели ему *центральное место в длинном VI веке*. Так мы предложили называть период от раскола Римской империи в 395 г. на две части – Западную и Восточную, затем – нашествие гуннов и последующее через 90 лет, в 476 г. *падение Западной Римской империи*. Включает он и V и VI века, а заканчивается лишь в начале VII века (конкретная дата не установлена) и выделяет *пик Великого переселения народов*. Об этом периоде еще будет речь, но сейчас вернемся к аварам.

Происхождение их достаточно смутно, хотя известно, что в начале VI века находились они в предгорьях Алтая, откуда и тронулись в путь на запад – ближе к середине того же века. И это передвижение аваров – **первое**, для которого мы можем точно указать и *причины*, и *обстоятельства* его появления, носящие объективный и весьма материальный характер. А именно они обусловлены рядом глобальных катаклизмов, которые пережила наша планета с 534 по 539 год; главными из них явились два извержения вулканов в экваториальной области плюс падение крупного метеорита у северного побережья Австралии, точнее – в заливе Карпентария. Их следы и последствия были выявлены геофизиками совсем недавно, и доказано, что именно эти события привели к резкому ухудшению климата, к похолоданию, что

было, в общем-то, известно византийским хронографам того времени, которые интерпретировали это, как «божий промысел» – в духе своего времени.

Дело в том, что этот период пришелся на правление Юстиниана (527–565) – выдающегося византийского императора, попытавшегося возродить большую Римскую империю, и начало было весьма многообещающим, но обстоятельства были против него. К тому же за упомянутыми катаклизмами последовала глобальная пандемия «черной смерти» – чумы, начавшейся во второй половине 530-х годов в Северо-Восточном Китае (которая, наверняка, была их последствием), быстро достигшей Европы. Да так, что уже в 541 году она началась в Византии, получив в истории название «чумы Юстиниана» (возможно, потому, что ею переболел и сам император). Эта пандемия погубила половину населения Европы, и в первую очередь – ее Средиземноморского побережья, включая Балканы.

Но все эти причины проявились и в Азии, побудив к движению на запад (прото)тюрков, обитавших тогда восточнее авар, которых они таким образом «подталкивали», и в результате во второй половине VI века видим в Восточной Европе Аварский каганат – с центром в той же Паннонии. А потом появились в Восточной Европе и тюрки – лишь пару десятилетиями позже авар, и заняли они степные территории к востоку от Дона, где образовали свой каганат – Западно-Тюркский, просуществовавший почти сто лет.

Все это с большими подробностями было описано автором в [10], где к тому же указаны и последствия этих событий, привязанных к данному нашествию, на историческое развитие как Византии, так и Европы, которые мы не можем приводить здесь – ведь нас интересует судьба славянства. Мы показали в [9], что именно вышеприведенные обстоятельства привели к появлению феномена **южных славян** на Балканах как раз в то время. Так, с середины VI века они впервые появились там – с аварами, а затем уже сами массами пошли на Балканы (напомним, что в прежних местах их обитания тогда наступило похолодание [18]). Да так, что «в 578 г. около 100 тысяч славян переправились через Дунай и наводнили Фракию и Элладу, а в 581 г. – Фракию, Македонию и Фессалию». А «к середине VII века славяне... заселили Фракию, Македонию, значительную часть Греции, заняли Далмацию, Истрию и проникли в Пеллопонес... Немало славян переселились и в Малую Азию» (цитаты из «Всемирной истории» [19. Т. III]).

Но ведь это означает, что славяне тоже были участниками Великого переселения народов и занимали они на Балканах пустующие (из-за чумы) земли – без какого-либо сопротивления! А сто лет спустя там появляются и первые славянские государства, начиная с Болгарии (подробности см. в [9; 19]).

В своей же новой книге мы установили *еще одну причину* успеха авар, хотя их нашествие было значительно менее массивным, нежели предыдущее гуннское – их войско насчитывало всего двадцать тысяч всадников, согласно данным византийского историографа Менандра. Их успех объясняется тем, что авары сумели воспользоваться «мини-революцией» в военном

деле, состоявшей в изобретении *металлических стремян*, прикрепленных к седлам, что значительно улучшило взаимодействие всадника с конем, резко повысив тем самым и его боевые возможности! Российский археолог Н.Н. Серегин установил недавно (в 2015 г.), что такие стремяна впервые появились на Алтае как раз к середине VI века, и пока это изобретение было только у авар, они превосходили в ударной мощи остальных кочевников, а тем более – европейскую конницу.

Кстати, когда мне стало известно мнение известного современного, нетривиально мыслящего историка А.Н. Сахарова (недавнего директора Института российской истории) о причинах Великого переселения народов: «Вполне вероятно, что среди этих причин были и космогонические, нетрадиционные и пока еще не объяснимые для историков но, видимо, имеющие право на жизнь, потому что порой перемещения огромных масс людей на гигантские расстояния не могут быть объяснены какими-либо «земными» причинами» [20, С. 86], я убедился, что мне все-таки удалось найти естественнонаучную методологию. Методологию, которая смогла выявить причины и обстоятельства исторических событий, притом более простые (в частности геофизические), нежели полагал Андрей Николаевич. Что касается больших деталей описанного выше, часть их можно найти в [9], а полное изложение содержится в выходящей вскоре книге...

Но, как только изобретение стремян стало доступным остальным, закончились и фантастические успехи авар, что способствовало в конечном счете (как это ни парадоксально звучит) завершению формирования еще и *восточного славянства!* – Ведь после того как авары стали терпеть неудачи в войнах как с Византией на юге, так и с германскими племенами на западе, все чаще их активность стала направляться на восток – на тех славян, которые тогда находились в Северном Придунавье.

Отметим сразу, что восточнее Днепра, на основной территории бывшего Западно-Тюркского каганата, после его распада образовались сперва два номадических объединения – Великая Булгария и Хазарский каганат, и оба они сыграли роль в последующей истории, хотя несколько позже остался там лишь один последний. Чтобы завершить тему переселений (а вместе с нею и очерк нашей отдаленной предыстории), приведем одно замечание.

Замечание 5. Стоит остановиться и на том, что общего было у народов, участвующих в великом переселении. Конечно, каждое из вышеупомянутых переселений имело свои конкретные причины и сопутствующие обстоятельства, причем достаточно точно мы выявили таковые только для случая авар. А объединяет их все следующее обстоятельство – все они находились в первом *переходном* периоде. Из чего сразу следует: нельзя соглашаться с теми историками прошлого, которые описывали социальные образования, ассоциированные с этими феноменами, как «империи», «королевства» и т.п., подразумевая тем самым, что они уже были государствами. Впервые на это обращали внимание классики марксизма, хотя, по сути, только в XX веке историки осознали в полной мере нетривиальность про-

блемы и стали использовать для таких образований названия «потестарное государство», «протогосударство» или «предгосударство».

Позже Л. Гумилев подметил существенную особенность таковых, используя для них термин Суперэтнос (см. о нем выше), хотя в действительности образования отличались друг от друга не только этническим наполнением, но и уровнем *социального развития*, что более существенно. Поэтому мы предложили использовать для их характеристики термин *n-Суперсистема*, где показатель уровня *n* является *дробным* числом из интервала (0, 1). Стоит отметить, что ни одно из рассмотренных выше образований не приближалось по уровню к 1 (кроме Хазарии на последнем этапе ее существования), а концентрировались они в окрестности значения $n = 1/2$. И только «империя Чингисхана» в XIII веке приблизилась к уровню 1 (хотя в дальнейшем уровень стал понижаться). И почти все такие *n-Суперсистемы* в истории играли роль «бичей божьих», «помогающих» своими разрушительными действиями цивилизациям первого уровня, как-то Римская и Византийская, перейти на следующий уровень. Но нередко они просто уничтожали таковые как цивилизации, оставляя после себя лишь «этнографический материал» [4].

Однако если подобные кочевые образования обладали достаточной «комплиментарностью» [8] к покоренным этносам (типа славянских) и сумели перейти к оседлому образу жизни, образовав руководящий слой в получившемся объединении, тогда могло получиться и государство – очевидный пример тут дает Болгария (подробности см. в [10]).

Перейдем теперь уже к непосредственно нашей истории как истории *восточного* славянства. Как отмечено выше, в результате возросшего давления авар (да и булгар из орды хана Аспаруха, которая в 670-х годах пришла в Придунавье) славянские племенные союзы полян, северян, радимичей и др. в конце VII–VIII веков (когда как раз и началось существенное *потепление* климата) двинулись на северо-восток и остановились в среднем Приднепровье, ну а северяне подальше – в Придесенье. За ними двинулись и тиверцы и уличи, но эти оседали ближе – в нижнем Приднестровье и Побужье, что стало возможным из-за падения к тому времени и Западно-Тюркского каганата; были и другие подвижки.

С этим согласен и академик Седов (см. [18]), да и «Повесть временных лет» (ПВЛ) подтверждает эту версию в следующей цитате: «Сели суть словене по Дунаеву, где есть ныне Угорска земля и Болгарска. И от тех словен разыдошася по земле и прозваша имена своими, где седше на котором месте». Правда, о жизни восточных славян на их, теперь постоянном, месте жительства, прямых свидетельств очень мало (хотя и имеются археологические данные). Но ясно – те из них, что ранее ушли оттуда, будучи затронуты предыдущими нашествиями, а затем вернулись в родные места, имели уже более развитую социальную структуру по сравнению с соседями, где сыграл свою роль опыт, приобретенный в походах.

Но у *всех* восточных славян были общими, или близкими: *язык, обычаи и верования*, хотя пантеон языческих богов имел племенные особенности. У них уже существовал институт *старейшин* (а в больших союзах племен – *совет старейшин*) или мудрейших, обладавших авторитетом и влиянием в племени, а кроме того, они же осуществляли и сакральные функции. Но *главную роль* в общественной жизни, как отмечалось многими наблюдателями, играло *вече* – общее собрание всех взрослых мужчин, притом вооруженных, которое и решало все жизненно важные вопросы, в первую очередь – вопросы войны и мира. И в случае необходимости вече назначало *военного вождя*, получавшего значительные полномочия, так что каждый член племени подчинялся ему в военном отношении, хотя в мирной обстановке все решало вече. Но собирал вече и готовил решения его не вождь, а совет старейшин, так что видим: тогда у славян и наличествовал известный строй *военной демократии* – аналогичный тому, который Тацит наблюдал у германских племен еще в начале новой эры.

А вот у тех из них, которые побывали в походах, подобная структура была более резко выраженной. Во-первых, они уже объединялись в большие *союзы племен*, и даже *союзы союзов* (см. перечисление выше), в которых вече тоже играло определяющую роль, но избранный военный вождь имел уже свою *дружину*, состоящую из наиболее опытных и преданных ему воинов. Позже он становится уже постоянным вождем, в IX веке называемым *племенным князем*, хотя параллельно, и рядом с ним, находились и *старейшины*. Теперь у славян появляются укрепленные поселения, особенно у границ со степью – так называемые «*грады*», которые и стали *центрами власти*, то есть местом пребывания как князя, так и «старцев градских» – то есть тех же старейшин, там же находились религиозные святыни, да и союзное вече собиралось именно там.

Кроме того, у этих племен имелись и *рабы* – из пленных, захваченных в походах – называемые *челядью*, причем они были *собственностью всего племени*, выделявшего их отдельным семьям, где они жили и работали наравне с членами семьи. Племя же могло отдать раба за *выкуп* его соплеменникам, но в остальном положение его в те времена было не слишком обременительным, и по прошествии определенного срока его могли принять в состав племени – при желании, а иначе отпускали – этот институт получил название *патриархального рабства*. При этом славяне не торговали рабами.

Особое положение занимали те женщины, которых приводили из походов – обычно они становились *наложницами*, поскольку у славян в то время процветало многоженство, но их дети были уже членами племени. Это последнее обстоятельство и объясняет тот *демографический взрыв*, который восточное славянство переживало в конце VII–VIII веках, который-то и привел к «*колонизации*» значительных территорий на востоке и северо-востоке, куда славяне переходили целыми родами, а то и племенами.

Замечание 6. Тут самое время отметить и географические особенности тех территорий Великой русской равнины, которые осваивали славяне в

процессе этой «первой колонизации» (первой – потому, что были и последующие). Тут стоит привести описание тех регионов ее, которое дал академик Б. Рыбаков для позднейшего времени: «...*важнейшие древнерусские княжества сформировались именно здесь, в плодородной, мягкой по климату, лесостепной зоне; Киевское, Черниговское, Переяславское, Волынское, Северское, Курское*». А затем он очерчивает границы этой зоны, характеризует также и более северную «*обширную зону лиственных лесов, ...которая в почвенном отношении менее благоприятна, чем лесостепная. Среди суглинистых и супесчаных почв лесной зоны выгодно выделялось Суздальское «ополье», черноземный остров в Северо-Восточной Руси*» [18].

Именно эти зоны и осваивались ранними колонистами – еще до появления государства, и именно на них родилась Древняя Русь, тем более что «*на X–XIII вв. – самые важные века древнерусской истории, пришелся так называемый (географами) «Малый Климатический оптимум» – период сравнительно теплой и ровной погоды, мягких зим и отсутствия сильных засух! И потому понятно, почему славяне могли успешно заниматься земледелием и скотоводством*» (см. [10]). И там же подробнее описан процесс этой «колонизации» и его особенности.

В частности, тут тоже не прослеживается столкновений с угрофинскими и балтскими племенами, жившими там и находящимися на более низком уровне развития – у них был разный образ жизни и производства. Тогда как славяне занимались земледелием и скотоводством, соседи – собирательством даров природы, охотой и рыболовством, таким образом они не мешали друг другу.

Причем земледелие у славян было уже *пашенным*, и вообще к тому времени сильно развилось, как и скотоводство; значительный подъем переживало и ремесло – видимо, из походов славяне принесли немало нового в этом плане, так что появился и некоторый *избыточный* продукт. При этом в славянских племенах производилось как оружие, так и орудия труда из железа, которое сами же они и добывали из руды. Впрочем, тогда войн между ними не наблюдалось, ибо не из-за чего было воевать, тем более что между племенами наличествовали определенные нейтральные (или буферные) зоны, носившие и сакральный характер, которые соблюдались всеми.

И все было хорошо где-то до второй половины VIII века, когда появилась внешняя угроза с юго-востока. Дело в том, что с того времени Причерноморье стал контролировать Хазарский каганат, бывший к тому времени могущественным образованием, который некоторые называют даже «*третьей мировой державой*» того времени (первой была Византийская империя, а второй – Арабский халифат, или наоборот). И важнейшую роль в Хазарском каганате играла *транзитная* торговля, то есть тогдашняя «мировая торговля», с которой у хазар позже начались проблемы – об этом много писал Гумилев [8]. Да и сам этот каганат на грани VIII–IX веков претерпел значительные изменения – после «гражданской войны» в нем, так что с этого момента правильнее называть его просто Хазарией (коротко обо всем

этом сказано в Приложении II.2 в [10]). И вот тогда ведущую роль в торговле Хазарии стала играть торговля «живым товаром» – людьми, источники которого хазары нашли в своих ближайших соседях, в первую очередь – в славянах. Вот это и стало тем «вызовом» восточным славянам – в смысле Дж. Тойнби [7], на который требовалось ответить, что они и сделали в конце концов, хотя и не сами.

Дело в том, что кроме хазар, несколько севернее от них, в среднем Подонье, давно обитали неславянские племена, хотя и имевшие алано-антские корни, которые некоторые историки XIX века называли «Черноморской русью». Позже их стали называть просто *русами* (в византийской транскрипции же – *росами* (или *россами*), как разъяснял академик Б. Рыбаков в [21]). Академик В. Седов же определял их как носителей «волынцевской» культуры, которую он нашел и исследовал в Подонье [18], причем они занимали промежуточное положение между славянами и хазарами – как в смысле территориальном, так и в образе жизни. Не занимались они ни земледелием, ни скотоводством, но были хорошими воинами и торговцами (что в те времена, по сути, было одно и то же, почему Гумилев и называл их «жуткими разбойниками»), передвигавшимися в основном по речным путям. До «гражданской войны» у русов были налажены отношения с хазарами, но после того как они в ней поддержали кабаров (кочевых хазар) – проигравшую в этой войне сторону, то победители – иудео-хазары, вскоре выдавили их из прежнего местообитания в Подонье, и основная часть русов ушла на запад.

Вот тут они и встретились с полянами, обитавшими в окрестностях Киева и, видимо, оценив геостратегическое положение его на Днепре, как пути «из варяг в греки», решили остаться здесь. Они построили выше Киева свою крепость Вышгород, опять-таки в стратегически важном месте, и нашли общий язык с полянами, поскольку у тех и других было немного, но русы пообещали им защиту не только от хазар, но и от других соседей, в частности – от древлян. Впрочем, они не собирались там просто сидеть, но стремились воевать, ибо в те времена, как точно выразился Е.Н. Черных, *«война была одним из мощных факторов социальной дифференциации обществ, относимых к типу военно-демократических... Победители чаще всего стремились обеспечить себе право на исполнение в среде побежденных организационных функций, контролировать процессы не только путем перераспределения прибавочного продукта, но и самого производства. Тем самым разрушается традиционная для родоплеменного общества структура управления по родственным каналам»* (цит. по [10]).

В результате войн с ближними соседями в первой трети IX века отмечается появление так называемого «Русьского каганата» – протогосударства, в котором инородцы-русы заняли руководящее место, как им и положено, но они унаследовали от хазар не только название «каганат» (принятое, очевидно, в пику им!), но и род занятий – работоторговлю (а не какой-то «контроль за производством»)! Русы были привычны к этому делу и раньше, знали рынки сбыта и т.п. и тоже стали брать рабов из соседних (в основном славянских)

племен, что засвидетельствовал не кто иной, как византийский император Константин Багрянородный (с помощью полян, естественно). А затем они продавали их в Византию, Волжскую Булгарию и т. п. места, причем крупными историками (А. Зиминым, А. Новосельцевым и И. Фрояновым) отмечается резкий *рост внешней торговли рабами* в то время. Фроянов отмечает, что с той поры «*работорговля превращается в заурядное дело*!» [22]. Однако уже в то время, в той ситуации, такая политика будущего явно не имела, и только появление *нового этнического фактора* в лице варягов позволило выйти из тупика. Именно *варяги* сыграли вскоре важнейшую роль в становлении нашей цивилизации, и напомним, откуда и как они появились.

Для этого обратим свой взор к северу где, как мы помним, уже давно обитали славянские племена словен, кривичей и полочан, которые не принимали участия в походах. Однако у них тоже появились проблемы, когда начались набеги *норманнов*, или викингов (которых можно назвать *речными кочевниками*) со Скандинавии, и после разного рода перипетий (о коих см. [10]) словене сами решили призвать к себе отряд варягов во главе с Рюриком – с целью получить перевес в борьбе с соседями. Но получилось несколько иначе: когда они все вместе победили, тут Рюрик объявляет князем себя родного и начинает править всеми племенами, поставив наместниками своих соратников! А один из них – Аскольд со своей дружиной, видимо, поссорившись с Рюриком, отправился вниз по Днепру и остановился в Киеве, найдя себе союзников в лице русов. Вот тут и появляется более полный аналог – по структуре власти в Киеве с Хазарией, а именно – «диархия», в которой русы представлены каганом Диром – сакральным лидером, а Аскольд же стал играть роль шада (или царя) – в силу военного лидерства в этом совместном «предприятии».

И действительно, после этого «каганат» сей проявил себя уже как серьезная сила, русы с варягами стали ходить в крупные походы – как на не очень близких соседей, например – на полочан, так и на сам Царьград, столицу Византии, и вот тут уже чувствуется норманнский размах! Хотя последний поход (в 866 г.) не слишком удался – скажем так, но о «Русском каганате» стало известно в Европе!

А на севере же в это время умирает Рюрик, оставив княжение Олегу, то ли свояку, то ли просто воеводе – как некоему регенту, оставив ему в опеку малолетнего сына Игоря, но выбор сей оказался на редкость удачным – именно Олег положил основание нашей цивилизации. Сперва же Олег занимался укреплением позиций в новгородской и окрестных землях, но уже в 882 году, «*поим воя многи, варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи*» (по ПВЛ) и пошел по Днепру вниз, то есть по известному тогда пути «из варяг в греки». Да и *первоначальной целью* похода, судя по всему, было *установление контроля над этим путем*. Однако по дороге он овладел Смоленском (центром союза кривичей), затем Любечем (где были северяне), и поставил там своих наместников, а затем подошел к Киеву, где известным образом (см. ПВЛ) расправился с Диром и Аскольдом. Таким вот образом и рухнула

властная структура «Русьского каганата» – точно так же, как 83 года спустя рухнул и весь Хазарский каганат от руки Святослава Игоревича – Олегова «внука»! Притом и тут и там аборигены не проявили ни малейшей поддержки своим правителям...

Вместо этого Олег провозгласил известный лозунг о Киеве: «*се буди матери градам русьским!*», который на самом деле оказался *целой программой* построения цивилизации (географическим «хребтом» которой именно с того времени стал Днепр), осуществлять которую начал сам Олег. Так, ПВЛ отмечает, что сначала «*Олег нача города ставити и уставити дани словенам, кривичам и мери*», то есть в новгородской земле, а в 883 г. «*поча Олег воевати деревляны, и примучи а, имаше с них дань по чернее куне*». В следующем же году «*иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легку, и не дасть им козарам дани платити*», а в 885 г. то же повелел и *радимичам*, согласно ПВЛ. Таким образом и была установлена племенам *дань легка*, но в то же время предоставлена защита от хазар, да и рабов-то Олег не требовал!

Но требовал он воев для крупных походов, понимая их важность для дальнейшего (см. об этом выше), Так, например, в 907 г. Олег ходил на Византию, и поход сей увенчался фантастическим успехом – империя и дань крупную заплатила, и заключила договор, для Руси выгодный, да и признала ее существование как крупного княжества, что имело международный резонанс. Но главная роль этого и других походов оказалась в том, что они делали из простых соседей соратников, да и каждый воин тогда получил свою долю добычи, причем немалую, а все это в совокупности цементировало так сложившееся объединение – Русь, и с тех пор название это и закрепилось. И не зря Олег получил у современников звание *Вещий*, что означает *ведущий, мудрый*, а в глазах некоторых из историков XIX века, воспринимающих историю достаточно эмоционально, получил определение – *Великан русского исторического сумрака!* Но главное осознается только теперь – именно Олег заложил основание новой цивилизации, которую мы в [10] называли «цивилизацией росссов», хотя еще не государства, как обычно говорится в учебниках.

Замечание 7. А теперь разьясим суть того, что было изложено выше: *это и есть наше решение давно стоящей «норманнской» проблемы в исторической науке*, согласно которой именно инородцы-варяги были основателями Русского государства и на которой «ломали копья» историки более двух с половиной веков!

На самом деле варяги действительно внесли важнейший вклад в это дело (что вполне понятно с точки зрения *общей теории*, изложенной в [10], в главе 1), но, во-первых, первыми процесс начали *русы*, а только потом были *варяги*, причем их было *две волны*, и только вторая – с Олегом – завершила дело!

Кстати сказать, это расшифровывает и уточняет следующее утверждение Н. Данилевского: «*Переход из этнографического состояния в государ-*

ственное... обуславливается толчком или рядом толчков внешних событий, возбуждающих и поддерживающих деятельность народа в известном направлении» [4]. Большие же подробности изложены нами в [10]. Впрочем, до «государственного состояния» было еще далеко, да следует осознавать и то, что слияние варягов и русов в единую господствующую группу вовсе не было одномоментным актом. Приведенные же выше соображения о роли русов в начале нашей истории позволяют осознать и другие факты ее, которые имели много интерпретаций, но так и оставались непонятыми, к примеру – как объяснить появление княгини Ольги на великокняжеском столе?

Тут стоит обратить внимание на князя Игоря – «неудачника», севшего на престол после смерти Олега в Хазарии (913 г.), точнее, на его женитьбу на Ольге – дело заключается в ее происхождении, о коем ранее высказывалось множество разного рода догадок. Но если принять простейшее предположение, что была она из знатного рода в общине русов, базировавшихся в их *родовом* городе Вышгороде (да ведь немецкий епископ Адальберт и писал о ней как о *королеве русов*), то это объясняет многие до сих пор непонятные факты, упоминавшиеся в летописях, в том числе и в ПВЛ. Думается нам, что решение сосватать, а затем и женить Игоря на Ольге – представительнице рода убитого Дира – было принято Олегом, чтобы примирить общину русов с варягами Олега (ибо примириться с варягами Аскольда, наверняка, было проще).

Это же объясняет и ту (непонятную ранее) *выделенную роль* Вышгорода во времена правления Ольги, в частности – выделение ему трети дани от древлян, по ПВЛ. Как отвечает и на поставленный выше вопрос: почему Ольга оказалась в 945 г., после смерти Игоря, на великокняжеском столе – случай *уникальный* во всей нашей древней истории! В нашей же трактовке это естественно понимается как некий отголосок явления «диархии», указывающий на выделенную и в то время роль русов. Кстати, на правление Ольги пришлось и начало процесса *огосударствления* территории Руси, установление более четких обязательств выплаты дани Киеву «племенными князьями», что ставило их в определенные единые рамки и т.д.

Но процесс *объединения* правящего класса сильно продвинулся в правление великого князя Святослава Игоревича (в еще недостаточно слившемся обществе) – его происхождение и от варягов, и от русов обеспечивало поддержку обеих общин, особенно в войске, каркас которого они и составляли. Правда, далее успех Святославу обеспечивал собственный выдающийся полководческий талант стратегического масштаба, да и вообще, когда приглядываешься к нему поближе, испытываешь не просто уважение, но и восхищение, что проявилось в нашем изложении в книге [10] – там предлагается впредь именовать его **Великим**. Ведь именно Святослав указал естественные границы «цивилизации руссов» как на востоке, так и на юге и на юго-западе, которых она достигла только через шесть веков на востоке и юге, и через восемь – на юго-западе! Много у него и других заслуг, четко проявить которые помог наш метод – см. [10].

Тем более что при Святославе был достигнут **пик героической эпохи** нашей древней истории, начавшейся с Олега Вещего и закончившейся в правление сына Владимира I Святославича, который от матери-славянки унаследовал еще и славянскую кровь в жилах, так что *только начиная с Владимира* и можно говорить о слиянии разных этносов в верхушке «цивилизации россов». А также, только начиная с него, можно говорить о появлении государственности на Руси – ибо лишь он начал последовательное *огосударствление территории* ее.

При этом стоит подчеркнуть и то, что *героическая эпоха* опять же принадлежит к *переходному периоду*, поэтому говорить о государстве, как обычно (и с пафосом) провозглашают учебники истории, и тут преждевременно. Хотя бы по той причине, что не удовлетворяется один из главных критериев государственности – размещение населения по территориальному принципу, а наоборот – все еще сохраняется «племенной принцип»! Да и Русь пока что была хотя и великим, но все еще княжеством, лишь номинально соединяющим разные племена, управляемые своими племенными вождями, своими старейшинами и, конечно, своим вече. А в Киев они платили определенную дань, обозначая тем самым свою зависимость от него, да иногда выделяли воев для походов великого князя.

Но дальше, со времен великого князя Владимира Святославича, очень и очень нетривиальной Личности, хотя он заметно отличался от отца, будучи человеком несколько иного плана и характера, происходило такое радикальное явление, как начало *изменений социально-экономического уклада*. Это оказалось первым шагом к появлению действительно *классового* общества на Руси, и тут мы касаемся самой трудной «проблемы» древнерусской истории, точнее – советской ее версии, поэтому стоит остановиться на ней подробнее.

Замечание 8. Как известно из общей теории (см. часть I), каждая локальная цивилизация имеет свое «историческое время», и впервые это заметил еще Н. Данилевский, полагающий, что в каждой из них следует выделять «*свои периоды древней, средней и новой истории*» [4]. Поэтому естественно встает вопрос: какое же общественное устройство соответствовало периоду нашей древней истории? Ведь известно, что у большинства «великих племен» (Н. Данилевский) в этот период господствующим было *рабовладельческое* устройство. Но у нас в советское время стали определять его как *феодалное* – с самого начала, причем некоторые историки (в том числе и академики) возводили его появление еще к II–IV векам! Но выше-то мы убедились, что этого не могло быть просто потому, что в период предыстории у славян (как и у всех) господствует родоплеменной уклад.

Ответы на эти вопросы я нашел у профессора Фроянова, описавшего исторические дискуссии 20–30-х годов XX века, в результате которых и появилась «феодалная парадигма», ставшая вскоре базисным постулатом для советских историков, а ее автор Б. Д. Греков – академиком. А возникла она из вроде бы благого стремления показать, что мы, мол, не хуже Европы,

в которой действительно после периода варварства (у германских племен в частности), после некоторых «перипетий» и появился феодальный уклад. Но мы-то выше рассмотрели эти «перипетии» и убедились, что он появился не сам по себе, а в результате взаимодействий германского Суперэтноса с рабовладельческой римской цивилизацией, после чего в Европе и появилась *новая западная цивилизация уже 2-го уровня*.

Однако у «варварской» Руси подобных взаимодействий с более развитыми (в социально-экономическом смысле) цивилизациями не было, а были лишь взаимодействия с «варварскими» же племенами русов, а затем варягов, результатом которых и стало появление *рабовладельческого* уклада, сперва сосуществовавшего с родоплеменным, но никак не феодального. А позже я узнал, что уже такие крупные историки дореволюционного времени, как В. Ключевский и А. Ефименко, да и другие, аргументированно показывали наличие рабовладения как одного из основных элементов социально-экономического устройства Древней Руси. А вот появление феодализма они относили лишь к XVI–XVI векам; впрочем, и большинство зарубежных историков отвергают упомянутую «парадигму» до сих пор... Позицию же Ключевского подтвердил конкретными результатами и наш современник И. Фроянов – он показал отсутствие феодального уклада на Руси практически до XII века. Но самое смешное для меня оказалось в том, что это следует уже из теоретического анализа К. Маркса (в [23]) – а ведь упомянутые академики как раз и позиционировали себя «правоверными марксистами»!

С другой же стороны, отдельно от всяких теоретических дискуссий, археологами еще с XIX века исследовались остатки циклопических сооружений, известных как *Змиевы Валы* (далее – просто Валы), о коих речь шла еще в древних преданиях и былинах. Они пытались как можно полнее описать их, найти их количественные и качественные характеристики, но главное – установить время их сооружения. Дело в том, что тут вплоть до конца 80-х гг. прошлого века наличествовал полный разнобой – одни (к примеру, академик Рыбаков) возводили время строительства Валов к доисторическому периоду и приписывали это дело скифам, другие приписывали его чуть ли не «трипольцам», третьи – веземным пришельцам и т.д.! Может, поэтому еще в 1960-х гг. возник широкий общественный интерес к этой проблеме, даже многие дилетанты начали раскапывать и исследовать Валы различными методами.

Но проблему сию разрешил профессиональный киевский археолог М.П. Кучера, опубликовавший в 1987 г. монографию [24], где доказал: строительство валов начал князь Владимир Святитель в конце X века, а затем оно было продолжено сыном Ярославом (Мудрым) и др. При этом Кучера не только датировал Валы, он подробно изучил их размещение, размеры и т.п., но главное было в том, что он попытался *оценить трудовые затраты* (в человеко-днях), потребные для строительства Валов. А структуру их ныне может увидеть каждый, посмотрев на реконструкцию Золотых во-

рот в Киеве, к которым примыкают оборонительные стены того же типа, что и Валы.

Однако эти воистину фундаментальные результаты не получили в то время должной оценки – во времена «перестройки» все занялись историей XX века, а не X-го! Я ознакомился с книгой М.П. Кучеры [24] только в конце 2011 года, а поскольку детство мое прошло вблизи тех мест (на Житомирщине), куда доходили Валы, то представлял, где и как, в какой обстановке проходило строительство. И потому вскоре понял, что Кучера сильно «поскромничал» в плане трудовых затрат, наверное, сам не веря своим подсчетам... На самом деле строительство, при использовании орудий труда, наличных в то время, учитывая и другие обстоятельства, требовало *вдвое больше трудовых затрат*, чем оценивал их Кучера, но в любом случае его результаты имели революционное значение!

А дальше для меня стало ясно, что нужно сравнить их с данными о народонаселении Киевской Руси в конце X века, а таковые публиковались не раз, начиная с 1867 года, затем и позже, но последние приведены в журнале «Знание-сила» пару лет назад (хотя и после появления [10]), где одним из авторов был историк И. Данилевский. И везде численность (свободного) населения Руси к тому времени оценивается примерно в *миллион* человек, тогда как строительство Валов требовало привлечения *многих десятков* (а то и *сотен*) *тысяч рабочих* – ввиду срочности задачи: защиты Руси от кочевников – печенегов! И тут я осознал: если бы в этом деле участвовали свободные люди – мужчины цветущего возраста, то всякое производство на Руси, всякая жизнь практически бы замерли!

Поэтому рабсилу надо искать в ином месте, и она была, ибо еще в результате походов Святослава, а затем и самого Владимира на Руси имелось множество пленников-челяди (то есть рабов) – вот они и были брошены на строительство. Причем к ним сперва применялось обращение как к патриархальным рабам – см. об этом выше, но затем оно поменялось – и подробно эти процессы описаны в [10], где показано, что именно из них и появился на Руси *азиатский способ производства*, как первый из укладов рабовладельческого типа, детально описанный еще Марксом в [23]. Так что и тут выявили мы это явление опять же с помощью естественнонаучных аргументов!

С другой стороны, вышеприведенные соображения и аргументы, собранные вместе, дают решение и проблемы *появления государственности* на Руси – см. [10]. Далее там излагается достаточно подробно дальнейшая история – с упором на проблему *эволюции государственности* на Руси, показаны этапы ее и связь с эволюцией способов производства и типов собственности. Но здесь отметим кратко лишь некоторые моменты.

Замечание 9. Приведенные выше рассуждения и привели меня к пониманию того обстоятельства, что термины *Киевская Русь*, *Древняя Русь* и *Древнерусское государство*, обычно употребляемые (в учебниках, к примеру) как синонимичные, на самом деле следует различать, поскольку ассоциируются они с достаточно выделенными периодами истории.

Самый длительный отрезок времени занимает период *Древней Руси*, а именно – от «Русьского каганата» до последней четверти XV века, тогда как *Киевская Русь* появилась с приходом Олега в Киев и последующим за этим объединением основных восточнославянских земель. Но к началу XIII века, как мы знаем, Киев уже утратил общерусское значение (как и сакральное!), оставшись столицей лишь одной из земель, причем не самой главной (см. [9; 13]). О *Древнерусском же государстве* можно говорить только от времени правления Владимира I Святославича и где-то до начала последней трети XII века, когда общерусское государство было уже, по сути, «приватизировано» отдельными княжескими кланами, хотя еще на протяжении некоторого времени можно говорить о некой «*конфедерации*» земель (или княжеств).

Но даже в периоде *Древнерусского государства* можно выделить некоторые этапы: а) *этап подъема* (или *расцвета*) – от Владимира I до Ярослава I и б) *этап «междоусобия»* – от смерти Ярослава в 1054 г. и до восшествия Владимира II Мономаха на Киевский стол в 1113 году. Но и на этом последнем этапе государство существовало лишь в виде некой *федерации* – и во время «первого триумvirата», и двух последующих «дуумvirатов», хотя во времена последних оно подвергалось сильной «раскачке» действиями нескольких князей-«изгоев». Однако надо отдавать себе отчет в том, что «изгой»-то опирались на социальные силы, выросшие (и даже окрепшие – в некоторых землях), которые были заинтересованы в децентрализации государства.

И тут значительную роль сыграла деятельность Владимира II Мономаха еще со времен «дуумvirата» его с отцом Всеволодом Ярославичем и продолжившаяся – правда, лишь в одном направлении (половецком) – во времена его «дуумvirата» со Святополком II Изяславичем. Но уже с момента его восхождения на Киевский стол в 1113 году можно говорить о *второй фазе «расцвета»* Древнерусского государства, при нем еще достаточно централизованного, как и при его сыне Мстиславе. Оно тогда могло эффективно противостоять как внешним угрозам – прежде всего половецкой, так и внутренним тоже.

Но в последующее время централизация все слабела и вообще уходила в прошлое, так что со второй половины XII века на Руси начинается «*смутное время*», как мы его определили в [10; 13]. И децентрализация началась, по сути, из «*приватизации*» государства, да и шла так быстро, что к концу XII века таковое превратилось уже в «конфедерацию» земель, которые сами тоже оказались, как правило, лишь *федерациями волостей*.

Глубинной же причиной, приведшей к разворачиванию этих процессов, стала замена уклада – от «азиатского» к «античному способу производства», как укладу того же рабовладельческого типа (который тоже исследовал К. Маркс в [23]; а более краткое изложение результатов см. в Приложении I.1 в [10]). А политическим проявлением сего на Руси стало появление там «городов-государств» – феномена, который исследовал профессор Фроянов в книге [25] (в соавторстве с А. Дворниченко). Хотя мы полагаем,

что явление это все же на Руси было не столь массовым, как в Древней Греции, да и вообще имело свою специфику, и потому считаем, что тут следует говорить о «землях», тем более что далеко не все из них сразу или последовательно переходили к новому укладу. Да и вообще хочу напомнить высказывание другого выдающегося ленинградского историка В.В. Мавродина: *«Никогда нельзя сказать в исторической науке, что такой-то процесс начинается с такого-то момента. Все движется, незаметно порой для глаза, перетекает одно в другое».*

Тем более что с появлением частной собственности на землю на Руси стали проявляться и элементы следующего, «германского» способа производства – как предтечи укладов феодального типа, опять же по Марксу [23].

А все это объясняет, почему в начале следующего XIII века восточнославянское государство практически исчезло, хотя историки до сих пор пытаются придумывать разные наименования и интерпретации получившегося в результате образования, все еще как государства. Кстати, сюда попадает и авторское определение его как конфедерации – если продолжить его на XIII век – и приходится признать, что говорить о государстве даже в такой форме не приходится! Какая же это конфедерация, если входящие в нее земли (или княжества) непрерывно воюют друг с другом (кстати, весьма выразительное описание этой ситуации дал еще Н.В. Гоголь – оно приведено полностью в [10; 13])? Попробуйте представить себе Швейцарскую конфедерацию в состоянии, где кантоны воюют друг с другом!

Замечание 10. Историк тут в отчаянии восклицает: *«Но ведь что-то общее оставалось у восточных славян?!».* Нам же выход представляется следующим: отставить в сторону словесную эквилибристику да разные ухищрения, а говорить только о *сохранении цивилизации* как основы, проявляющейся в сохранении общего языка, религиозно-культурной общности, торговых обменов и т. п. вещах. Но не следует говорить о политическом единстве – его практически не осталось, что и явилось главной причиной успеха, последовавшего вскоре «Батыева погрома» Руси!

Отметим, однако, что все происходившее тогда было, по сути, объективным процессом, остановить который не смог бы и Владимир Мономах, базисными причинами которого явились изменения способа производства и связанных с этим форм собственности – не зря ведь «приватизация» государства тогда сопровождалась «прихватазацией» недвижимой собственности, в первую очередь – земли! И повторимся: проявлялось это в замене укладов – от рабовладельческих, исчерпавших себя к тому времени (несмотря на расширение масштабов рабства – см. у Фроянова [22]), к появлению элементов феодальных укладов, хотя полностью такой переход произошел лишь значительно позже – к XVI веку, и об этом разговор отдельный. Но вот «осколки» Древней Руси, как социально-экономического феномена, сохранялись в отдельных землях (например Новгород) почти до указанного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1987.
2. *Расева Е., Сикорский Р.* Математика метаматематики. – М.: Наука, 1972.
3. *Кравчук Н.В.* История Отечества глазами малоросса. – Очерк 1. – М.: АИРО-XXI, 2009.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы. – Ростов: Феникс, 1991.
6. *Weber A.* Kulturgeschichte als kultursociology. – Leiden, 1935.
7. *Тойнби Дж.* Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991.
8. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис Пресс, 2001.
9. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2004.
10. *Кравчук Н.В.* Рождение, подъем и упадок «цивилизации росссов». – Киев, 2012.
11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.
12. *Моисеев Н.Н.* Универсальный эволюционизм; Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. – 1995. – № 1; 2.
13. *Пирогов Г.Г.* Данилевский в зеркале Бжезинского // Коммунист. – 2000. – № 5.
14. *Кравчук Н.В.* Структурные проблемы общей квантовой теории (на укр.). – 2-е изд. – Киев, 2009.
15. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. – М.: Сов. Радио, 1970.
16. *Кравчук Н.В.* Квантовая механика и логика. – Киев: Изд. ИТФ-70Р, 1982. – 34 с.
17. *Кравчук Н.В.* Методологические замечания о возможности применения квантовой теории к моделированию некоторых аспектов психики. – Киев: Изд. ИТФ-69Р, 1983. – 14 с.
18. *Седов В.В.* Древнерусская народность. – М.: Изд. Языки русской культуры, 1999.
19. *Всемирная история.* – Т. III. – М.: Госполитиздат, 1957.
20. *Сахаров А.Н.* Россия: народ, правители, цивилизация. – М.: ИРИ, 2004.
21. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М.: Наука, 1982.
22. *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2001.
23. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. I.
24. *Кучера М.П.* Змиевы Валы Среднего Поднепровья. – Киев: Наукова Думка, 1987.
25. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси – Л.: Изд. ЛГУ, 1987.
26. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. – Т. I: Наука логики. – М.: Мысль, 1974.

METAHISTORY AS A METHOD OF HISTORICAL STUDY

N.V. Kravchuk

Part I sets forth the main points of a new metahistorical approach based on the concept of (local) civilization, which, in addition, is provided with a set of n -supersystems of various n -levels (such a set is referred to as “O-civilization”). This construction makes it possible to incorporate main achievements of such well-known metahistorical approaches as formational, civilizational and ethnological as specific instances. Each “O-civilization” has its own history and its own “his-

torical time” and, thus, its own periods of ancient, middle and modern history, which Nikolai Danilevsky predicted in his day. And world history is not simply described by a “sum total” of these histories but it essentially calls for taking account of interactions (confrontations) between them.

Part II shows the applicability of this method to the analysis of the ancient history of Russia, seen as a “civilization of the Russes,” which has made it possible to take a new look at well-known historical problems. In addition, a new periodization of ancient history is offered in conformity with the changes in the social and economic modes of living and related types of ownership and forms of political order.

Key words: metahistory, historical process, cultural-historical type, civilization, *n*-CESES-system (or *n*-level *n*-supersystem), prehistory, long 6th century, Slavic cultural-historical type, Asiatic (similar to antique) mode of production.

ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В.М. Соловьев

Московский государственный лингвистический университет

Рассматривается феномен массовой культуры, которая после почти 30-летнего периода деидеологизации заступила на пустующее место идеологии. История в оболочке маскультуры выступает информационным инструментом манипуляции сознанием, внедрения и вбрасывания в общество определенной идеологической предрасположенности, заданных взглядов, понятий, убеждений.

Ключевые слова и фразы: история, массовая культура, идеология, деидеологизация, историческое сознание, маскультурная революция, социальная мифология, информационный инструмент.

Свято место пусто не бывает

В не такое уж в исторических мерках далекое от нас советское время царил непререкаемый диктат идеологии, и все государственные институты и практики были так или иначе ориентированы на работу с сознанием. Процесс деидеологизации с развалом СССР породил иллюзию освобождения от официальной идеологии как укорененной структуры с сопутствующей ей риторикой. И действительно, сегодня по сравнению с советскими десятилетиями мы скорее наблюдаем дефицит идеологии, чем испытываем прессинг от ее засилья. Однако, как говорится, свято место пусто не бывает. «Идеология сплошь и рядом... эффективно транслируется через средства управления настроениями, через эмоциональные каналы, подсказки действий и т. п.», то есть на уровне идеологически бессознательного, заставляющего «человека вести себя так, как если бы он исповедовал определенные взгляды, имел определенные идейные понятия и представления, был носителем определенных идеологизированных убеждений» [1. С. 17].

В нашем обществе пустующую нишу идеологии незаметно, но бесспорно заняла массовая культура, которая в отличие от первой действует от обратного: играя на эмоциях, формируя определенную идеологическую предрасположенность, готовит обустроенное «место» под соответствующие идеологемы. И с этим амплуа информационного инструмента власти она пока неплохо справляется. Тем не менее без мощной, профессионально организованной идеологической базы да еще и в условиях активного процесса глобализации и влияний извне нашей стране прожить трудно. Недавний конфуз с некорректным термином «суверенная демократия», брошенным в политический лексикон, несмотря на свою очевидную бессмыслицу, хорошо иллюстрирует разницу между концептами, слоганами и риторикой, похожими на идеологию, и собственно идеологией.

Реанимация и реабилитация идеологии остро необходимы, ибо в современном мире, где столь сильна роль информационной составляющей, велика потребность в квалифицированном формировании общественного мнения, отборе ведущих идей, ориентиров, ценностей. Разумеется, речь идет об информации как об универсальной категории, а не просто о сводках новостей и пресс-релизах, которые транслируют СМИ.

В кольце масскульта

Массовая культура – уже давно перестала быть абстрактным понятием и наполнилась конкретным содержанием. Она – объективная реальность, ибо, хотим мы того или нет, а живем если не в ней и с ней, то в ее плотном окружении, и от этого никуда не деться.

Массовая культура разнообразна, многолика и, поскольку ее универсального определения не существует в силу объединения в самом термине совершенно взаимоисключающих вещей, выступает под всякими обличьями, названиями и синонимами. Ей посвящена обширная литература как за рубежом, так и в нашей стране. Было время, когда под ней подразумевали прежде всего кич, культурный ширпотреб. Сейчас ее сводят к попсе, мейн-стриму (от англ. *mainstream* – основной поток, основное течение), гламуру, то есть набору принятых, общеупотребимых культурных стандартов, но, так или иначе, под ней обычно имеется в виду «эрзац-продукт» специализированных областей культуры, не порождающий собственных смыслов, а лишь имитирующий явления высокой культуры, пользующийся ее формами, смыслами и т.д. (см. [2. С. 615]).

Вряд ли сегодня есть область человеческого бытия, куда бы не вторглась или не дотянулась массовая культура. И история в этой экспансии отнюдь не стала исключением. Ведь как гуманитарная наука, занимающаяся изучением прошлого человечества, она представляет для масскульта благодатную почву и предоставляет весьма обильный материал. Исторические знания традиционно эшелонированы в массив изначальной информации, которую человек получает с раннего детства (в процессе социализации и инкультурации) и до глубокой старости. Они включены в минимум миропредставлений дошкольного воспитания, более предметно и объемно развернуты на следующих ступеньках образования (школьное, вузовское), неизменно входят в систему государственной идеологии и пропаганды, дают пищу массовым политическим движениям, партиям и их программам, подпитывают популярную социальную мифологию, составляют впечатляющий ряд в бесконечном параде отраслевых и тематических словарей, справочников, энциклопедий, огромными тиражами (и в электронной версии, конечно, тоже!) выпускающихся для неспециалистов. Если вспомнить, как много исторического материала (факты, события, легенды, предания, апокрифы, анекдоты, персоналии) присутствует сегодня в телешоу и прочей индустрии развлекательного досуга, всякие сомнения в том, находится ли история в зоне повышенного потребительского спроса, отпадут сами собой. Тем же, кто не убе-

жден, что это действительно так, имеет смысл вспомнить о рекламе, в которой фигурируют Суворов, Ломоносов, Екатерина II... Сколько раз на дню, например, по телеканалам прокатывают клип, в котором некий сорт кофе рекламирует не кто-нибудь, а сам Петр Великий?

Нашествие в историю

Но история попала в пространство масскульты не сейчас, а гораздо раньше. Достаточно обратиться к советским временам, когда в кроссвордах для любознательных пионеров цензура то ли по недомыслию, то ли нарочно пропускала такие вопросы: какого героя Гражданской войны сожгли в топке паровоза? Или: какой герой Великой Отечественной войны грудью закрыл амбразуру фашистского пулемета? Как легко догадаться, здесь имелись в виду Сергей Лазо и Александр Матросов, но, справедливости ради, надо сказать, что при всех издержках тогдашнего патриотического воспитания подобные этические накладки все-таки были редкостью, ибо хватало здравого смысла понимать: именам героев не место на вертикалях и горизонталях игр-задач и тому подобных интеллектуальных упражнений детворы. Заполнение буквами перекрещивающихся клеточек так, чтобы сложилось нужное слово, в данном случае шло не на пользу, а во вред и вело не к уважению памяти того или иного героя, а к совсем противоположному результату.

Как резвятся теперешние шоумены, как свободно жонглируют, суля денежный приз или бонус, именами, по определению заслуживающими общенародного пиетета, хорошо известно, и здесь можно обойтись без примеров. Масскульт на то и масскульт, чтобы, не делая различий, без тормозов запускать в свой неяркий товарооборот и превращать в поп-идола любую историческую личность, будь то Сергей Радонежский, Марфа Посадница, Гришка Отрепьев, Петр Столыпин или Григорий Распутин. Потребитель послушно принимает правила игры и готов бездумно тасовать в памяти и публично называть, а грубо говоря, фактически валить в одну кучу имена национальных авторитетов и имена преступников, авантюристов, проходимцев. Проведение «телеконкурсов» по выявлению любимых героев отечественной истории служит тому красноречивым подтверждением.

Ясно, что высоколобые ученые бьют тревогу, ибо им трудно мириться с тем, как нивелируются и смещаются базовые ценности и установки, составляющие национальный код культуры. Но миссия масскульты как раз в том и заключается, чтобы закладывать взамен одних базовых ценностей другие и вместо подлинных утверждать мнимые. Она, как справедливо отметил известный российский философ В.М. Межуев, «обращена не к народу или к нации и не к каждому отдельно взятому индивиду, а именно к массовой аудитории, чтобы вызвать у нее однотипную, одинаковую для всех реакцию. Совместный, коллективный характер восприятия, когда мало знакомые и ничем не связанные между собой люди как бы сливаются в едином для себя эмоциональном отклике, – специфическая особенность приобщения к массовой культуре» [3. С. 40].

Идейно заряженную историю не пристало путать с ангажированной. Первая в качестве науки и учебной дисциплины, выступая с отвечающей интересам государства метапозиции, выполняет важную функцию интеграции имен, фактов, событий, явлений, примеров и иллюстраций; вторая, не чинясь концептуальным целомудрием, манипулирует сознанием, подчеркнуто дистанцируясь от общезначимых критериев, не говоря уж об объективности, научности и преданности истине. Здесь и проходит демаркационная линия и заключается принципиальная разница между историей как фундаментальным методологическим проектом и историей масскультуры.

Вторая масскультурная революция

Если разобраться, сегодняшняя масскультурная революция в России – уже вторая. Первой была культурная революция, сопровождавшая социалистическое строительство. По всем основным признакам, показателям, проявлениям и направлениям она выстраивалась именно как масскультурная, но, как известно, даже при захвате командных высот (идеология, СМИ, школьная и вузовская система) не смогла окончательно восторжествовать и сосуществовала (в литературе, искусстве, науке) с настоящей культурой, продолжавшей и развивавшей лучшие национальные традиции, что, впрочем, не мешало обеим в чем-то сближаться и быть одной объединяющей надстройкой, как это произошло в годы Великой Отечественной войны.

Было бы неверно утверждать, что сегодняшние стандарты (включая ЕГЭ) в общеобразовательной школе и учебно-методические комплексы (УМК) по отечественной истории в высшей школе масскультурно деформированы по сравнению со многими памятными советскими учебными программами. Идеологическая парадигма, безусловно, изменилась, и классовая борьба и трудовая деятельность народных масс утратили свой приоритет в числе ведущих тем и вопросов. В нынешних перечнях обязательных знаний есть и цари, и отцы церкви, и подвижники во имя веры, и полководцы вроде запрещенного в СССР Скобелева... Но тенденция сводить в отобранный с санкции Минобразовских чиновников компендиум все историческое многоцветье прошлого России восходит если не к средневековой схоластике с типичным для нее принципом «реестрового» построения знания, то, по крайней мере, к небезызвестному «Краткому курсу». Организовать и как-то иначе свести в систему колоссальный и разрозненный материал пока не получается. И естественно там, где узкое место, где в учебных текстах вместо ярко поданных событий и фактов, образного, увлекательного изложения, нудно и однотипно, вперемешку с бесцветным информационным блоком, следует утомительное перечисление причин, предпосылок, следствий, царит скука смертная, массовой культуре есть чем поживиться! Масскульт всегда найдет свободную нишу, когда плохо срабатывают специалисты-профессионалы. Чаще всего он одерживает победу там, где они не справляются со своей задачей. Так, в 80-е годы прошлого века при почти полном отсутствии хорошей исторической беллетристики королем жанра надолго стал В.С. Пикуль.

Спрос на его романы был невероятный, и сейчас подобный дефицит в историческом чтении даже трудно себе представить, потому что на нынешнем книжном рынке все пустоты мгновенно заполняются, и подо все вкусы обязательно найдется что-нибудь подходящее.

Нетленный образ

Здание нашей истории долго и неизбежно было таким величественным и монолитным, что разрушенное вместе с развалом Советского Союза еще сохранилось в головах старших поколений россиян как незабываемый, нетленный образ. И никакие другие, тем более неравноценные, модели истории, сознание и подсознание очень и очень многих людей принимать не хотят. В этом, наверное, и коренится природа массового отторжения нынешних учебников и стереотипное мнение, что в них наше давнее и особенно недавнее прошлое представлено не так, неправильно, в слишком черном цвете и выглядит, как в «перевернутой» поговорке: бочка дегтя с ложкой меда. На самом деле столь мрачная картина была актуальна, по меньшей мере, четверть века назад, когда эра плюрализма вынесла в прямой эфир и на книжный рынок не только множественность мнений и противоположных суждений, но и потоки совершенно очевидного информационного мусора, скандальных разоблачений, сомнительных откровений, дешевых сенсаций. Лихо закрученные биографии некоторых действующих лиц и творцов российской истории больше смахивали на тайно собранные шантажистами досье с компроматом. Различить в этом мутном потоке очистительные воды исторической правды и зловонный слив заведомой лжи было далеко не просто. К тому же разоблачение старых мифов сопровождалось очень бурным новым мифотворчеством. Когда миллионы людей чувствуют себя обездоленными в настоящем, не ждут добра от будущего, да вдобавок им массированно вдалбливают, какой, дескать, зловонной ямой было их прошлое, поневоле возникает потребность в мифах, и в дело активно включается маскульт. Не случайно до сих пор так популярны сегодня нескончаемые, как мексиканские сериалы, книги А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского – предприимчивых толкователей истории, предлагающих не столько заявленную ими новую хронологию, сколько новую мифологию. Между прочим Россия и весь славянский мир выглядят с подачи названного авторского тандема весьма достойно, чем, возможно, в немалой мере объясняется его феноменальный успех у читателей. Больше того, фоменковские фолианты вполне могут восприниматься как утешительный приз после бесчисленных публикаций, в которых наше Отечество с удручающей повторяемостью выводилось то как безнадежно отстающее от цивилизованной Европы, то догоняющее ее. Спрашивается, не загадка ли, как оно, такое дефективное и неполноценное, выстояло, никому не дало себя ни завоевать, ни покорить, стало пионером в освоении космоса и т.д.?

Но секрет неувядающей популярности названного авторского дуэта объясняется и добротным качеством предлагаемого им маскультурного

продукта. Как и обычные, без специализированной подготовки, читатели, Носовский и Фоменко приступают к историческому исследованию, не владея ни источниковедением, ни историографией, ни теорией, методикой и техникой изучения исходного материала. Это примерно то же самое, что в высшей математике братья за решение линейных уравнений, не имея понятия о системе Крамера и Гаусса, без знания элементов линейной алгебры или аналитической геометрии, не говоря уж о дифференциальном и интегральном исчислении. Разумеется, у профессиональных историков нет монополии на изыскания такого рода, которые предприняли два неопита, но в отличие от них никто из современных жрецов Клио не взялся обстоятельно и доходчиво, располагая понятно выстроенными фактами и аргументами, рассказать непосвященным то же самое. К тому же Фоменко с Носовским на должном уровне используют в работе над историческими сочинениями свой опыт интеллектуального поиска, сканирования, селекции и обработки информации, накопленный ими как учеными-физиками. И на первый взгляд, особенно с точки зрения неискушенной публики, они справились с трансляцией идей и смыслов в области исторических знаний лучше, чем сами историки, хотя на самом деле всего лишь с серьезными погрешностями и крупными искажениями подвели под уровень обыденного понимания явления из сферы специализированного исторического знания, то есть как бы выполнили перевод с научного языка на простой и понятный большинству, причем особую убедительность их трудам придало очевидное (увы, далеко не всем!) наукообразие. Обращение непосредственно к источникам, возможно, избавило бы многих поклонников Фоменко и Носовского от лженаучных представлений, но для основной массы читателей это по многим причинам непосильная задача, тогда как интерпретация истории в «Новой хронологии» вполне по уму.

Магия симулякров

Манипуляции с историей – устойчивая прерогатива, присвоенная масскультом, и упомянутые соавторы здесь далеко не первопроходцы. И в советской, и в теперешней практике освещения исторического прошлого и настоящего найдется сколько угодно примеров упрощения фактов, событий, явлений, мотивации поведения личности, сведения сложных вопросов к не требующим мозгового штурма объяснениям типа заговора мировой закулисы, расположения звезд или магии чисел, вытекающей из ведической нумерологии. Упакованная в оболочку массовой культуры история как идеология работает исправно. «То, что рассказанная или написанная история всегда ориентирована идеологически, доказывать не надо... Мы знаем очень мало обо всем потоке событий в мире людей, мы знаем об этом только то, что уже отмечено и выбрано общественным сознанием, представлено на «табло культуры» [4. С. 62–63].

Масскульт оперирует симулякрами – клишированными копиями, суррогатными заменителями истинных ценностей и величин [5. С. 119]. И исто-

рия вовсе не только в репрезентации Фоменко и Носовского все больше напоминает искусственный конструкт, наполненный тенями прошлого, изображениями без оригинала. Как светочи, так и злодеи принимают облик факсимильного оттиска, штампа, не оставляющего ничего живого, исторически подлинного. Мультиплицирование затертых образов Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Бориса Годунова, Александра II, Ленина, Сталина настолько их обезличило, словно они не реальные исторические фигуры, а персонажи шоу двойников. Любое многократное экспонирование и трафаретное воспроизведение одного и того же обесмысливает и окарικатуривает историю, превращая ее в массовое постановочно-зрелищное представление с заранее известными жестами, ужимками, позами действующих лиц.

Подобным образом под оптимизированные вкусы и интересы массового потребителя кинематографисты недавно подвели «матрицу» Высоцкого. Если знаменитый бард и актер в самом деле был таким, как показан в фильме «Спасибо, что живой», непонятно, чем он интересен, как зажигал людей, чем приворожил Марину Влади. Жаль, если этот кинообраз запомнится, отложится в сознании и подсознании тех, кто не знал поэта, но хочется верить, что после бледного симулякра настоящий Высоцкий, то есть его богатейшее и как никогда сейчас актуальное творческое наследие, будет еще больше притягателен и востребован.

Костюмный телесериал «Екатерина» – «развлекуха» другого рода. Он ни на что не претендует и в формате доступного видеоглянца заполняет эфир интригующей историей о приходе императрицы к власти. После него в туристических местах обеих столиц заметно возрос спрос на уличную съемку рядом с ряжеными под матушку-государыню красотками. Столь же популярны и фотосессии с «Петром I», который обычно составляет Екатерине пару, но в этом случае заподозрившим династическую неточность и озабоченным поиском истины любителям сняться со «знаменитостями» объясняют, что живая натура изображает Екатерину I, а не Екатерину II. То есть всё в порядке и история не искажена.

Надежная скрепа

На осинке, как говорится, не растут апельсинки. И странно ждать от массовой культуры, что она создаст нужную институциональную среду для воспроизводства идеологии. Идеологические конструкции – это не ее функция и не ее формат. Потребность в идеологии как своего рода опорной метафизике испытывает не только государство. Она необходима уставшему от безыдейности народу. Традиционно придерживаясь определенных взглядов, исповедуя твердые убеждения, люди потерялись в сегодняшнем словоблудии, бесконечной риторике, велеречивой демагогии, крикливой агрессии. В России, где всегда была богатая и насыщенная идейная жизнь, идеология неустранима, неискоренима и незаменима ни массовой культурой, ни чем-то иным. И в настоящее время нехватка государственной идеологии – серьез-

ная проблема, деструктивно сказывающаяся на развитии страны. Потому что государственная идеология, если понимать под ней «цельное единое собрание ценностей страны, закрепленное нормативно и сакрально, реализуемое и защищаемое государством, выработанное в общественной практике в идентичной цивилизационной версии» [6. С. 9], это надежная скрепа общества, без которой, как и без религии – другой мощной скрепы, духовной, никак не обойтись.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубцов А.В. Иллюзия деидеологизации // Идеология и процессы социальной модернизации // сб. статей / под общей ред. Т.Б. Любимовой. – М.: Academia, 2013. – 376 с.
2. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – 2-е изд., перераб. – М.: Согласие, 2010. – 672 с.
3. Межуев В.М. Идея культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
4. Любимова Т.Б. История как идеология // Идеология и процессы социальной модернизации // сб. статей. – М.: Academia, 2013. – С. 62–63.
5. Соловьев В.М. Культурология: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – 366 с.
6. Сулакишин С.С. Идеология – идеал – ценности – цели – действие – развитие // Государственная идеология и современная Россия: материалы Всероссийской научно-общественной конференции. – Москва, 28 марта 2014 г. – М.: Наука и политика, 2014. – 280 с.

HISTORY IN THE CONTEXT OF MASS CULTURE

V.M. Solovyov

The phenomenon of mass culture, which stepped into the ideological breach almost 30 years ago, is being examined. The history in the shell of mass culture acts in the capacity of the informational instrument, which manipulates consciousness, implants and casts specific ideological inclinations, certain viewpoints, ideas and opinions on the society.

Key words: history, mass culture, ideology, deideologization, historical consciousness, mass culture revolution, social mythology, informational instrument.

ВОЛЮНТАТИВНАЯ МЕТАФИЗИКА СРЕДНИХ ВЕКОВ

П.П. Гайденко

Институт философии РАН

В этой статье автор рассматривает начало той развившейся в Новое время тенденции, которую можно назвать волюнтаривной, поскольку она подчеркивает приоритет воли перед разумом, веры перед знанием. Позднесредневековый номинализм осуществил радикальный поворот в истории европейской мысли, разрушив фундаментальные предпосылки метафизики бытия, просуществовавшей на европейском континенте более полутора тысячелетий, от Парменида, Платона и Аристотеля до Фомы и Бонавентуры, и заложив основания метафизики воли. Это, разумеется, не значит, что все корни традиционной онтологии были вырублены сразу. Категорию субстанции, так же как и понятие бытия, мы встречаем у многих философов Нового времени, но трактуются эти понятия часто иначе, чем в той традиции, историю которой мы попытались вкратце проследить.

Ключевые слова и фразы: метафизика, бытие, становление, идея, воля, реализм, номинализм, Парменид, Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Дунс Скот, Оккам.

Мы обычно относим рождение новоевропейской культуры к XVI–XVII векам. Именно в этот период формируется экспериментально-математическое естествознание и создаются философские учения, в которых находит свое отражение усиливающийся процесс секуляризации и отхода от средневековой традиции. Начиная с XVII века естествознание, и в частности механика, уже в значительной мере определяла содержание и задачи метафизики, а в XVIII–XIX веках вообще оттеснила последнюю на задний план, создав особый – сциентистский – способ мышления и жизненной ориентации, господствующий по сегодняшний день. Однако в действительности предпосылки новоевропейского сознания, в том числе прежде всего философии и науки, сформировались значительно раньше. И ключевую роль в этом процессе сыграло то направление в схоластике XIV века, которое мы называем номинализмом и наиболее крупными представителями которого были Уильям Оккам (ок. 1300–1349), Николай из Отрекура (первая половина XIV в.), Жан Буридан (1300 – ум. после 1358), Альберт Саксонский (ум. 1390), Николай Орем (1320–1382).

При рассмотрении номинализма обычно в первую очередь обращаются к логико-гносеологической проблематике – о природе общих понятий, или универсалий, споры вокруг которых определили два основных направления в схоластике – реализм и номинализм. Реалисты защищали тезис о реальном существовании общих понятий «до вещей» и об их умопостигаемой природе; номиналисты же настаивали на том, что реально существует только единичное, а общие понятия возникают путем абстрагирования свойств еди-

ничных предметов и в этом смысле существуют «после вещей». Однако эта вполне верная характеристика номинализма далеко недостаточна для понимания подлинно эпохального поворота, который был осуществлен в рамках этого направления, представители которого не случайно дали ему имя «*via moderna*» – «новый путь»: в номинализме берет свое начало новый тип метафизики, который можно обозначить как **метафизика воли**, в отличие от **метафизики бытия**, которая была создана в античности и – с некоторыми уточнениями – сохраняла свое значение в средние века. Что же представляет собой метафизика бытия?

Бытие, или сущее, – центральное понятие древнегреческой философии. В теоретически рефлексированной форме оно впервые предстает у элеатов (V в. до н.э.). Глава школы Парменид защищает тезис: бытие есть, а небытия нет; ибо невозможно ни познать, ни выразить небытие, – оно непостижимо. А поскольку Парменид убежден, что мыслить и быть – одно и то же, то отсюда следует: то, что невозможно мыслить, в действительности не существует. Что же такое парменидовское бытие, какими атрибутами наделяет его философ? Бытие едино и вечно, а значит, никогда не возникает, а всегда уже есть. Будучи единым, оно не содержит в себе множественности, а потому в нем нет ни движения, ни изменения – оно всегда тождественно самому себе. Итак, бытие едино, неделимо, самотождественно, неподвижно, неизменно, вечно. А поскольку множественность, движение и изменение – главные характеристики чувственного мира, то Парменид называет его миром «мнения», в отличие от бытия, которое есть предмет «знания»; «мнение» так же непрочно и преходяще, как и сам этот мир, который вполне правомерно называть небытием.

Вот основные моменты онтологии элеатов: 1) бытие есть, а небытия нет; 2) бытие едино, неделимо; 3) бытие постижимо с помощью ума, а небытие дано чувственному восприятию. Эта онтология была по-разному интерпретирована Демокритом, Платоном и Аристотелем, но ее основной смысл не был при этом утрачен. Восприняв тезис Парменида, что бытие едино, Демокрит объявил бытием атомы, а небытием – пустоту. Принцип неделимости сохранился у атомистов по отношению к каждому отдельному атому – он у них неделим; однако атомов – множество: тут Демокрит, желая объяснить возможность движения и тем самым создать физику как науку, вступает в полемику с элеатами. Как известно, Зенон Элейский, отстаивая тезисы своей школы, пытается показать, что движение рационально непостижимо: пытаясь его мыслить, разум запутывается в неразрешимых противоречиях. Как свидетельствует Аристотель, атомизм родился именно в полемике с элеатами. Однако при этом у атомистов сохраняется противопоставление чувственного мира как лишь видимости бытию с той, однако, поправкой, что это истинное бытие – атомы – дано у них не столько умозрению, сколько **абстрактному представлению**, о чем свидетельствует как вид атомов (выпуклые, вогнутые, шероховатые, с крючками), так и объяснение

их неделимости: *atomon* означает «неразрезаемое», «нерассекаемое», то есть не разнимаемое на части в силу физической твердости атома.

Полемическую по отношению к демокритовой интерпретацию бытия предложил Платон. Правда, бытие у него, как и у атомистов, предстает как множественное, но эти многие суть **умопостигаемые сущности – идеи**, которые Платон называет *to ontos on* – истинно-сущее. Идеи неделимы не в силу их физической нерассекаемости, а в силу их логико-онтологического единства, то есть их нематериальности. С элеатами Платона роднит убеждение в том, что бытие (идеи) вечно, неизменно и познаваемо лишь с помощью ума, а не чувственного восприятия, как изменчивый мир «становления». «Нужно отвлечься всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия» (Государство, VI, 518 с). В древнегреческой философии понятие «сущность» (*ousia*) произведено от понятия «бытие» (*to einai*), так же, впрочем, как и в латинском, и в большинстве новых языков, в том числе и в русском. Именно идеи Платон называет сущностями, ибо **сущность – это то, что существует**. Однако Платон, утверждая вслед за элеатами, что небытие ни выразить, ни мыслить невозможно, в то же время, в отличие от них, вынужден признать и небытие каким-то образом существующим: в противном случае, говорит он, непонятно, как возможно заблуждение, поскольку заблуждение – «это мнение о несуществующем» (Софист, 240 е). Критикуя элеатов, Платон подчеркивает, что если принять бытие как абсолютно единое, то окажется невозможным познание, ибо оно предполагает «двоицу» – познаваемое и познающее, и есть отношение между этими «двумя». Обосновывая возможность познания, Платон вынужден ввести наряду с бытием «иное», которое есть «существующее небытие» (Софист, 258 b). Небытие выступает, таким образом, как принцип **различия, отношения**, благодаря которому устанавливается связь между идеями и соответственно возможность их познания. «...Все идеи суть то, что они суть, лишь в отношении одна к другой, и лишь в этом отношении они обладают сущностью, а не в отношении к находящимся в нас их подобиям...» (Парменид, 133 с). Иное по своему статусу ниже бытия, оно существует лишь благодаря своей причастности бытию. В свою очередь бытие как взаимосвязанное множество идей (идеальная целостность, идеальный космос) существует и мыслимо лишь в силу своей причастности к сверхбытийному и непознаваемому Единому, которое есть высшее начало всего сущего. Платон, таким образом, существенно корректирует онтологию элеатов, но сохраняет важнейшие их интуиции: бытие есть, но, хотя оно не тождественно Единому, Единое является условием возможности бытия, и каждая из сущностей – идей – есть нечто единое и неделимое. Бытие познаваемо, а небытие – нет. И, наконец, сущность есть предпосылка отношения. Идеи (сущности) Платона составляют, таким образом, как бы «срединное царство» между высшим и трансцендентным началом – Единым и текучим «становлением» эмпирического мира, который является не предметом знания, а только «мнения». Однако трудности, встав-

шие перед Платоном при попытке объяснить чувственное через его причастность сверхчувственному бытию – идеям, а также убеждение в том, что природа как сфера движущегося и изменяющегося также может стать предметом научного знания, побудили его ученика Аристотеля по-новому интерпретировать проблему бытия.

Сохраняя восходящее к элеатам и разделяемое Платоном представление о бытии как о самоотждественном и неизменном, Аристотель однако ищет неизменное и пребывающее начало в самом эмпирическом мире и переосмысливает платоновское понимание сущности. Сущность, по Аристотелю, не есть запредельная чувственной вещи идея, а есть то устойчивое и непреходящее в самой вещи, что делает ее самостоятельной и составляет основу ее бытия. Среди категорий Аристотеля сущность есть первая, потому что она – представитель бытия среди других категорий. Само же бытие, по Аристотелю, категорией не является: на него указывают, к нему отнесены все категории. Сущность, таким образом, есть в большей степени сущее, чем любой ее предикат (акциденция), каковыми являются остальные категории. «Сущность есть то, что существует в первую очередь и дано не как некоторое специальное бытие, но как бытие в непосредственности своей» (Метафизика, VII, 1).

Как же мыслит Аристотель сущность? Вот как определяется им сущность в «Категориях»: «Сущность, о которой бывает [идет] речь главным образом, прежде всего и чаще всего является та, которая не сказывается ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторичными сущностями называются те, в которых, как видах, заключаются сущности, называемые [так] в первую очередь, как эти виды, так и обнимающие их роды; так, например, определенный человек заключается, как в виде, в человеке, а родом для этого вида является живое существо. Поэтому здесь мы и говорим о вторичных сущностях, например, это – человек и живое существо» (Категории, 5, 2а). То, что «сказывается» о подлежащем, характеризует род или вид подлежащего, а то, что «находится» в подлежащем, есть сопровождающий (более или менее случайный) признак. Так, «животное» сказывается о человеке, «белый» находится в человеке. Первичная сущность ни о чем не сказывается, вторичная сказывается о первичной сущности, но не может сказываться об остальных категориях. Сущность может иметь противоположные определения, хотя и не в одно и то же время; так, человек может быть болен или здоров, весел или печален; сущность есть как раз то начало, которое опосредует противоположности; сама же она не может иметь ничего противоположного ей как сущности.

Мы так подробно остановились на аристотелевском анализе понятия сущности, потому что здесь философ формулирует важнейший тезис, вокруг которого впоследствии развернется полемика, связанная с номиналистическим поворотом в онтологии. В своем определении сущности Аристотель прежде всего подчеркивает, что **сущность имеет онтологический приори-**

тет перед отношением. Вот как он определяет категорию отношения: «Соотнесенным с чем-нибудь называется то, что в том, что оно есть само, обозначается в зависимости от другого или каким-нибудь другим образом ставится в отношение к другому» (Категории, 7, ба). Поясняя свою мысль, Аристотель говорит, что соотнесенно определены понятия «большее – меньшее», «двойное – половинное», а также «господин – раб», «отец – сын» и т.д. Каждое из соотнесенных получает свое содержание через другое; поэтому для соотнесенного **существовать – значит находиться в каком-нибудь отношении к другому.** Те, кто ставят отношение выше сущности (а значит бытия), признают чувственное знание за истинное – ведь чувственное знание есть отношение сущего к субъекту восприятия. «Кто объявляет истинным все, что представляется, тот все существующее обращает в отношения» (Метафизика, IV, 6). Так Аристотель критикует скептицизм и релятивизм, который был характерен в особенности для софистов. Сущность, по Аристотелю, есть начало и причина: именно в ней следует искать источник связи следствия с его причиной как в природе, так и в искусстве и мышлении. Поэтому, как и Платон, Аристотель убежден, что сущность есть подлинный предмет научного знания (episteme). Однако в качестве такого предмета выступает не первичная сущность как отдельный индивидуум, а вторичная – неделимый вид (неделимым видом Аристотель называет наименее общий, ближайший к первичным сущностям вид, который потому и неделим, что дальше на виды не распадается). Это последнее видовое отличие есть, согласно Аристотелю, первая форма, или «суть бытия», «чтойность» вещи, выражающаяся в ее определении. В случае сущности-эйдоса, то есть неделимости вещи по виду, сущность тождественна форме вещи; если же имеет место неделимость по числу (неделимость «вот этого» индивидуума, например, отдельной лошади), то сущностью будет составное из формы и материи. Все чувственные сущности представляют собой составное из формы и материи: таковы живые существа – растения и животные, а также небесные светила (их Аристотель считал тоже живыми индивидуумами) и, наконец, простые тела – земля, вода и т.д. Самостоятельное бытие – вот главная отличительная характеристика сущности. Взятая в другом своем аспекте, а именно как причина бытия, сущность есть форма чувственной вещи; поэтому Аристотель называет сущностью и «то, что, находясь в таких вещах, которые не сказываются о субстрате, составляет причину их бытия, например, душа – причина живого существа» (Метафизика, V, 8). О сущности, таким образом, философ говорит в двух значениях: в смысле подлежащего, которое не сказывается ни о чем другом, и в смысле формы, или эйдоса каждой вещи, придающего ей ее бытие. Видимо, не случайно, говоря о первичных сущностях, Аристотель, как правило, приводит примеры живых существ: в самом точном смысле сущностью оказывается для него живой индивидуум.

Однако реалистическая метафизика Аристотеля, противопоставленная им идеализму Платона, отнюдь не означает, что он признает реальное суще-

ствование только вещей чувственного мира, то есть составных сущностей. По Аристотелю, реальный мир не сводится к чувственно данному, напротив, область чувственного «представляет собой ничтожнейшую... часть целого» (Метафизика, IV, 5). Помимо составных существуют и простые сущности, чье бытие есть чистая актуальность, то есть чистая форма. Высшей сущностью, полностью свободной от материи, является у Аристотеля чистый ум, мыслящее себя мышление – вечный двигатель, или Бог, в котором осуществлена вся полнота бытия.

Посмотрим теперь, в какой мере аристотелевская трактовка бытия отличается от той, какую мы обнаружили у элеатов, а затем у Платона. Как соотносятся у Аристотеля понятия бытия и небытия, бытия и единого, бытия и познания? Начнем с последнего. Вещи, по Аристотелю, познаваемы в той мере, в какой они являются сущими. Это тезис, общий для всей описываемой традиции. Поэтому, согласно Аристотелю, началом познания в вещах является форма, так же как у Платона – идея; напротив, беспредельное, материя, лишенная формы, не может быть и предметом познания, ибо она не есть бытие. «Ничто беспредельное... не может иметь бытия...» (Метафизика, II, 2). Главным же в форме является ее **единство**. И тут мы видим, как решает Аристотель поставленную элеатами проблему «бытие – единое»: «Сущее и единое представляют то же самое, и у них – одна природа, поскольку каждое из них сопровождает другое...» (Метафизика, IV, 2). Как и элеаты, пифагорейцы, Платон, Аристотель мыслит **бытие как предел, а небытие – как беспредельное**. Предел, по Аристотелю, – это «сущность, которая есть у каждой вещи, и суть бытия для каждой вещи; ибо в этой последней – предел для познания, а если для познания, то и для вещи» (Метафизика, V, 17). Как видим, у Аристотеля не утрачены основные интуиции Элейской школы, хотя они и претерпели у него определенную трансформацию.

Насколько понятие бытия связано в греческой философии с понятием предела, границы, формы, можно видеть также на примере учения Платона, который, полемизируя с Аристотелем по многим вопросам, сохраняет нерушимой связь **сущности и предела**. Вот что говорит Платон о сущем: «Эти вещи суть сущности потому, что каждая из них имеет предел и как бы форму: бытие не может принадлежать беспредельному, бытие должно быть фиксировано в определенных границах, должно быть устойчивым. Это устойчивое состояние для умопостигаемых (сущих) есть определение и форма, от которых они получают также и свое бытие» (Эннеады, V, 1, 7). Таким образом, в древнегреческой философии понятие бытия, как и понятие совершенства, связано с принципом предела, единого, неделимого; определенность, форма – условие мыслимости сущего; беспредельное, безграничное осознается как хаос, несовершенство, небытие.

Понятие бытия, как оно рассматривалось в античности, оказало влияние и на средневековую мысль. Однако в Средние века понимание бытия определялось также и христианским откровением, восходившим к иной духовной традиции. В Ветхом и Новом Заветах совершеннейшее Сущее –

Бог – есть прежде всего **беспредельное всемогущество**, а потому всякое ограничение и определенность воспринимаются как признак конечности и несовершенства. Не удивительно, что эти две традиции осознавались с самого начала как несовместимые. Так, греческий врач и философ Гален (129–199) писал: «Нашему Богу недостаточно только захотеть, чтобы возникли или были созданы вещи той или иной природы. Ибо если бы Он захотел мгновенно превратить камень в человека, это было бы не в Его силах. Именно здесь наше собственное учение, так же как и учение Платона и остальных греков... отличается от учения Моисея. Согласно Моисею, Богу достаточно пожелать, чтобы материя приобрела ту или иную форму, и она тем самым приобретет ее. Он считает, что для Бога все возможно, даже если Он захочет превратить прах в лошадь или быка. Мы же так не думаем, но утверждаем, что некоторые вещи невозможны по природе, и Бог даже не пытается создавать их. Он лишь выбирает наилучшее из возможного» (G. Galeni. De usu partium. XI, 14, 905–906). Насколько острым было столкновение этих двух способов мировосприятия в первые века христианства, свидетельствует также рассуждение Оригена, в духе греческой философии отождествлявшего бытие с пределом и познаваемостью: «...Нужно сказать, и Божие могущество ограничено, и под предлогом прославления Бога не должно отвергать ограниченность могущества [Его]. В самом деле, если бы могущество Божие было безгранично, то оно по необходимости не знало бы само себя, потому что по природе безграничное – непознаваемо» (О началах. II, 9, 1).

Было бы интересно рассмотреть многочисленные попытки примирить греческое умозрение с христианской верой или, напротив, противопоставить их друг другу, поскольку эти попытки во многом определили трактовку бытия не только в Средние века, но и в Новое время. Однако это специальная тема. Для нас здесь важно отметить, что именно догмат о Божественном всемогуществе послужил отправной точкой к формированию нового типа метафизики – **не метафизики бытия, а метафизики воли**. Начало этой новой метафизике положили учения Дунса Скота (XIII в.) и номиналистов XIV века. Чтобы увидеть, как происходило формирование волюнтаривной метафизики и какой поворот в мышлении оно повлекло за собой, сравним трактовку бытия, как она была дана, с одной стороны, Фомой Аквинским, пытавшимся примирить аристотелизм с христианской теологией и тем самым сохранить основы метафизики бытия, и представителями номиналистической школы – с другой.

Высшее начало у Фомы есть бытие, акт которого заставляет вселенную существовать. «Первое из созданий есть само бытие, которое предшествует – в качестве их условия – всем другим созданиям, но которому ничто не предшествует» (De potentia, q. 3, f. 4). Различая бытие и сущность, Фома, тем не менее, не противопоставляет их, а вслед за Аристотелем подчеркивает их общность. Субстанции (сущности) обладают самостоятельным бытием в отличие от акциденций, которые существуют только благодаря субстанциям.

На этом основании Фома различает субстанциальные и акцидентальные формы: субстанциальная форма сообщает вещам простое бытие, акцидентальная же является источником их качеств, свойств. Различая актуальное и потенциальное состояния, Фома рассматривает бытие как первое среди актуальных состояний: в вещи столько бытия, сколько в ней актуальности. Соответственно он выделяет четыре уровня бытийности вещей в зависимости от того, каким образом форма организует материю, привнося в нее ту или иную меру актуальности. На низшей ступени бытия форма есть *causa formalis* сущего, составляет лишь внешнюю определенность, «так-бытие» вещи. Таковы неорганические стихии и минералы. На следующей ступени – у растений – форма предстает как *causa finalis*, целевая причина вещи: последней в этом случае присуща целесообразная организация, она наделена душой, формирующей ее изнутри. Третий уровень – животные. У них форма выступает как *causa efficiens*, действующая причина, поэтому животные не только целесообразно организованы, но и имеют в себе начало деятельности. Наконец, на четвертом уровне форма предстает в своем чистом виде, уже не как начало, организующее материю, а сама по себе (*forma per se*, *forma separata*) и таким образом есть дух (ум), разумная душа – высшее из сотворенных существ. Не будучи связана с материей, человеческая разумная душа не погибает со смертью тела, поэтому Фома именует ее «самосущим». Чувственная душа животных сама по себе не действует, все ее действия осуществляются телом, а разумная душа имеет отделенные от тела действия: мышление и воление. Таким образом, в томизме, как и у Аристотеля, бытие тесно связано с понятием сущности, и, хотя бытие и сущность у Фомы не тождественны, однако сущность стоит к бытию ближе всего. И потому только о сущности может быть достоверное знание. Хотя познание, как полагает Фома вместе с Аристотелем, и начинается с ощущения, но ощущению дано лишь единичное, а о нем не может быть высказано общего суждения, а потому оно – не предмет науки. Только с помощью ума мы постигаем сущности, которые познаются лишь постольку, поскольку они отделимы от материи. Таким образом, и для Фомы бытие связано с пределом и познаваемостью; предметом научного познания являются сущности, то есть субстанции, стоящие к бытию ближе, чем отношения.

Поворот в этих вопросах намечается у теолога-францисканца Дунса Скота, выступившего с критикой томизма и защищавшего тезис об онтологической первичности индивидуального над общим. Согласно Скоту, реально существуют лишь индивиды; что же касается сущности и формы, то они существуют лишь как объекты божественного ума. Тезис о реальности единичного тесно связан у Скота с его убеждением в том, что не разум, а воля есть первичное начало как в Боге, так и в человеке. А потому человеческий разум не может постигнуть того, что зависит только от решения свободной воли Бога.

Волонтакативная теология Дунса Скота оказала влияние на номиналистов XIV века. Именно всемогущий Бог Откровения, с его абсолютно сво-

бодной волей, был противопоставлен ими Богу греческих философов. Согласно Оккаму, вера тем сильнее, чем более очевидно, что ее догматы не могут быть рационально доказаны. Опровергая основные положения метафизики бытия и создавая базу для новоевропейской метафизики воли, номиналисты опираются прежде всего на Священное Писание и отвергают стремление примирить веру с разумом и с помощью разума обосновать истинность догматов веры. Стремление это мы видим как у византийских, так и у западных богословов: в этом отношении интересно сравнить Иоанна Дамаскина и Фому Аквинского, опиравшихся в своей аргументации на античную метафизику бытия. Тем не менее представители номиналистической школы тоже апеллировали к античной философии, в частности к аристотелевскому учению о первой сущности как единичной вещи. Так, Оккам доказывает, что именно единичные вещи – это единственная реальность, существующая независимо от человеческого ума. И только они должны быть предметом познания. А это значит, что лишь чувственное восприятие есть тот путь, на котором мы можем получать свидетельство о реально существующем, – вывод, отнюдь не вытекающий из аристотелевских предпосылок. При этом номиналисты пошли значительно дальше Дунса Скота: если последний считал, что в воле Бога был выбор сущностей (идей), которые он был волен сотворить, то Оккам упразднил само понятие сущности, или субстанции, лишив его того основания, которое оно имело в патристике и схоластике вплоть до Фомы, а именно существования идей (общих понятий) в божественном уме.

Идеи, по Оккаму, вовсе не присутствуют в уме Бога в качестве прообразов вещей: сперва Бог своей волей творит вещи, а уж затем в его уме возникают идеи как репрезентации этих вещей, то есть как представления, вторичные по отношению к единичным индивидуумам. Соответственно и человеческое познание должно иметь дело прежде всего с единичными предметами, которые и есть подлинно сущее. Что же касается общих понятий, то они – не более чем **знаки, имена (nomina)** единичных вещей в человеческом уме.

С этой точки зрения, сущность (субстанция) утрачивает свое значение самостоятельно сущего, которому принадлежат акциденции, не имеющие бытия без соответствующих субстанций. Субстанция утрачивает значение **бытия по преимуществу**, ибо Бог, согласно номиналистам, может создать любую акциденцию, не нуждаясь для этого в субстанции. По словам Петра Ломбардского, «Бог может создать любую акциденцию без посредствующей субстанции только своим действием, следовательно, может создать любую акциденцию без другой и субстанцию без акциденции – только своим действием» (*Questiones et decisiones in quattuor libros sententiarum Petri Lombardi*. Lyon, 1495. 1 d. 30 q. 1). В результате исчезает принципиальное для метафизики бытия различие между субстанциальными и акцидентальными определениями. Субстанциальные формы теряют свое значение, которое они имели у Альберта Великого и Фомы Аквината. Субстанция, с точки зрения номинализма, больше не есть то, в чем коренится бытие сущего. Как мы знаем,

согласно метафизике бытия, сущность постигается умом, в отличие от акциденций, которые даны чувствам и связь между которыми устанавливается рассудком. В номинализме же, по существу, уравниваются друг с другом умопостигаемое бытие вещи и ее просто наличное, эмпирически данное существование, то есть ее явление. Таким образом, отменяется интеллектуализм метафизики бытия, а вслед за ним – иерархическая структура тварного мира. Номинализм не признает различных бытийных уровней вещей, их онтологической иерархии.

В соответствии с новым учением о бытии и сущности формируется и новое представление о познании и о природе познающего ума. Если в схоластике от Бонавентуры до Фомы предметом всеобщего и необходимого знания являются субстанции как умопостигаемые реальности, то, согласно Оккаму, познание должно быть направлено не на сущность вещи, то есть не на вещь в ее всеобщности, а на единичную вещь. Таково интуитивное познание – *cognitio intuitiva*. И это потому, что познаем мы не субстанции, а акциденции: открывается возможность толковать знание лишь как установление связи между акциденциями, то есть ограничить его уровнем явлений, – возможность, которая полностью реализовалась в новое время сначала в английском эмпиризме, а позднее в трансцендентальной философии Канта и его последователей. Произошел пересмотр важнейшего принципа метафизики бытия, гласящего, что **сущность (субстанция) есть условие возможности отношений**. В номинализме впервые наметилась та тенденция к самостоятельности гносеологии по отношению к онтологии, которая была чужда античному и средневековому мышлению и развернулась полностью только в Новое время. В томизме гносеология не существовала самостоятельно, независимо от онтологии, ибо то, что разум постигает с помощью понятий, есть бытийное определение вещей, их сущность, и только на уровне чувственного познания (воображения) вещь, согласно Фоме, рассматривается в ее отношениях, почему чувственное познание в основном зависит от познающей души и может вводить в заблуждение. Иная концепция познания в номинализме: здесь познание рассматривается как продукт познающей души; **предмет** интуитивного познания и **представление** об этом предмете – две разные реальности, а отсюда следует вывод, что возможно получить интуицию и того, что реально не существует. Лишь одна вещь дана уму так, как она существует сама по себе: это сам ум. Согласно Николаю из Отрекура, как от существования одной вещи нельзя заключить к существованию другой (ибо вещь не рассматривается в ее всеобщности, но как единичный индивидуум), так же невозможно делать заключение от **представления о вещи к самой вещи**: ведь Бог всегда может своей волей создать в душе представление, которому ничто не соответствует в реальности.

Статус разума, таким образом, мало отличается в номинализме от статуса воображения; разум понимается как субъективная деятельность, лишенная онтологических корней, а значит, внутренней связи с реальным бытием, и потому противостоящая ему. Умы больше не рассматриваются как

высшие в иерархии тварных сущих. Ум – это **не бытие, а представление, направленность на бытие, субъект, противостоящий объекту**. Из реальной субстанции ум превращается в интенциональность. Субъективистское истолкование духа влечет за собой вывод, что явления внутренние, психические, достовернее внешних, физических, поскольку даны нам непосредственно – психологизм, чуждый античной философии, но вполне естественный для августианианской традиции, с ее углубленным интересом к «внутреннему человеку». Все это способствовало выделению гносеологии в самостоятельную область исследования, которая начиная с XVII века все больше получает приоритет по отношению к онтологии.

И в теологии, и в философии номинализм кладет начало той развившейся в Новое время тенденции, которую можно назвать волонтактивной, поскольку она подчеркивает приоритет воли перед разумом, практического начала – перед теоретическим, веры – перед знанием, и которая наиболее последовательно была реализована в учении Канта. Если мы примем во внимание, что номинализм Оккама оказал сильное влияние на Лютера, то сможем понять, почему именно в протестантизме реализовалось многое из того, что было намечено в номинализме.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что номинализм осуществил едва ли не самый радикальный поворот в истории мысли со времен античной классики, разрушив фундаментальные предпосылки метафизики бытия, просуществовавшей на европейском континенте более полутора тысячелетий, и заложив основания метафизики воли. Это, разумеется, не значит, что все корни традиционной онтологии, восходящей к античности и давшей богатые плоды и в Средние века, были вырублены сразу. Эти корни были слишком мощны и глубоки, чтобы их удалось выкорчевать в течение одного-двух столетий. Категорию субстанции, так же как и понятие бытия, мы встречаем у многих философов Нового времени. Но при внимательном анализе можно заметить, что трактуются эти понятия часто иначе, чем в той традиции, историю которой мы попытались здесь вкратце проследить. Эта новая трактовка несет на себе явные следы влияния номинализма, что нетрудно показать на примере учений не только представителей эмпирического направления – Фр. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Д. Юма, но и у рационалистов – Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. Лейбница и др.

VOLUNTATIVE METAPHYSICS OF THE MIDDLE AGES

P.P. Gaidenko

The Medieval nominalism and the genesis of the modern European consciousness. In the article, the author shows that both in theology and philosophy the nominalism initiates that tendency, which has expanded in the Modern time, and which can be called a voluntative (volitional) one as far as it emphasizes the priority of will to reason, faith to knowledge. The nominalism imple-

mented perhaps the most radical turnabout in the history of thought since the time of the ancient classics, destroying the fundamental prerequisites of the metaphysics of being, which existed on the European continent for a millennium and a half, and laying the foundation of the metaphysics of will. This, of course, does not mean that all the roots of the traditional ontology have been cut down at once. We can find the category of substance as well as the concept of being in the works of many philosophers of the Modern time, but these concepts are often treated differently than in the tradition, the history of which we have tried to briefly trace.

Key words: metaphysics, being, genesis, idea, will, realism, nominalism, Parmenid, Platon, Aristotle, Foma Akvinsky, Duns Scot, Okkam.

СЛЕДЫ ВЫСОКОРАЗВИТЫХ ДОПОТОПНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ, НО ОНО ЗАПРЕЩЕНО

А.Ю. Скляр

Группой российских энтузиастов собраны тысячи свидетельств наличия на нашей планете следов деятельности в глубокой древности высокоразвитой в техническом отношении цивилизации, уровень которой намного превосходил современные возможности. Наличие таких реальных следов предоставляет нам возможность восстановить технологии этой цивилизации и применить их к решению задач сегодняшнего и завтрашнего дня. Предварительные исследования древних артефактов демонстрируют высокие шансы для успеха на этом пути.

Ключевые слова и фразы: древняя цивилизация, технологии, инновации, развитие.

В 2004 году довольно стихийным образом сформировалась группа российских энтузиастов, которая занялась поиском того, что для большинства людей вообще просто не существует, а именно – поиском следов древней высокоразвитой в техническом отношении цивилизации. С того времени проведен уже целый ряд съемочно-исследовательских экспедиций и еще больше небольших ознакомительных поездок в самые разные страны.

Костяк группы составили «технари» – люди с таким образованием, которое позволяло оценивать древние объекты не с субъективных позиций историков и археологов с их гуманитарным образованием, а с точки зрения технологий строительства (или создания) этих объектов и обработки природного камня, что во многом определяется объективными свойствами материалов и обычными физическими законами, а не какими-либо нашими собственными представлениями о древней истории.

И буквально с первых дней первой же экспедиции в Египет осенью 2004 года стало очевидным, что далеко не все гладко в «датском королевстве» историков – множество сооружений (по архитектурным особенностям) и артефактов (по параметрам обработанных поверхностей) никоим образом не согласуется с тем примитивным уровнем технологий и инструментов, которые имелись в известных древних обществах. Целый ряд пирамид и храмов,

саркофагов и мелких предметов в музеях требовали наличия у их создателей таких технологических возможностей и инструментов, которые примитивными никак не назовешь, поскольку эти технологии и инструменты по своим параметрам должны были быть как минимум сопоставимы с современными, а порой и превосходить их.

Между тем многочисленные археологические находки позволяют сформировать достаточно полные представления о технологиях и инструментах, имевшихся в распоряжении древних египтян, шумеров, инков, майя и других известных древних культур. И для кардинального пересмотра этих представлений нет никаких объективных оснований. Так что остается лишь один вариант – признать, что сооружения и артефакты с признаками очень высокоразвитых технологий созданы некоей совершенно другой цивилизацией, о которой историки и археологи не говорят ничего. Цивилизацией, которая уже тогда – тысячи лет назад – превосходила нашу современную.

И чем больше проводилось экспедиций и поездок – тем меньше нарисованная историками картинка далекого прошлого соответствовала находимым нами фактам. Обнаруживались даже такие, которые указывали на то, что эта картинка не просто содержит серьезные ошибки, а вообще никуда не годится.

Скажем, в Турции в местечке Аладжа-Хююк мы обнаружили стены с так называемой мегалитической полигональной кладкой – то есть стены, сложенные из огромных гранитных блоков (весом в тонны и десятки тонн), которые имеют сложную (практически произвольную) форму боковых граней. Аналогичная кладка часто встречается в горных районах Перу, особенно в районе Куско – древней столицы Империи инков. Здесь блоки тех же размеров, что и в Турции, те же формы боковых граней с их выступами и выемками, а по краю боковых граней даже фаска снята в одном и том же стиле.

Но стены в Аладжа-Хююке историки относят к хеттам, расцвет империи которых приходится на время около трех с половиной тысяч лет назад, а такую же кладку в Куско – к инкам времен всего полтысячи лет назад. Так что, по утверждению историков, древние объекты разделяют не только десятки тысяч километров суши и океанских просторов, но и три тысячи лет. Однако сходство кладки в двух регионах настолько велико, что любому человеку с техническим образованием очевидно – их создавала одна и та же цивилизация (если вообще не один и тот же мастер).

Ни в одном из хеттских текстов не упоминается сколь-нибудь дальних походов через океаны (мореходы из хеттов вообще были никакие), и построить что-либо в южноамериканском Куско хетты никак не могли. Да и инки не смогли бы всего полтысячи лет назад пересечь столь огромное расстояние и совершенно незаметно для тогдашних обитателей Анатолийского полуострова проникнуть внутрь территории Османской империи, чтобы воздвигнуть стены Аладжа-Хююка. Так что неадекватность картины нашего прошлого, нарисованной историками, здесь прямо как на ладони. И единст-

венный вариант, который остается, – признать реальность древней высоко-развитой цивилизации, которая задолго до инков и хеттов создала эти сооружения на разных континентах. А хетты и инки лишь пришли на древние руины, которые и использовали по собственному усмотрению...

Блоки мегалитической полигональной кладки имеют боковые грани, которые изменяются порой сразу по трем измерениям, но при этом блоки сопряжены друг с другом так, что никаких щелей между ними не остается. Это и нам-то повторить сейчас в граните очень непросто. А древним строителям подобное явно не составляло никакого особого труда. Зато в результате создавались очень прочные и сейсмоустойчивые конструкции – свидетельство высочайшего инженерного и строительного знания.

Но еще более нагляден очень высокий уровень этой древней цивилизации там, где на камнях остались следы обрабатывающих инструментов. Эти следы не имеют ничего общего с простейшими инструментами, которые были в распоряжении египтян, хеттов, инков и других известных культур. Например, достаточно часто встречаются следы дисковых пил – диаметром от нескольких десятков сантиметров до двух и более метров. Дисковая пила, способная резать такие породы камня, как гранит и базальт, даже при небольшом диаметре – это уже неизбежно машинное (!) оборудование. Дисковые же пилы двухметрового диаметра у нас – это лишь стационарное оборудование на камнеобрабатывающих комбинатах. Подобное машинное оборудование требует прочных сплавов, очень твердых пил и большой скорости вращения, которую должен обеспечивать какой-то сложный механизм, потребляющий немалое количество энергии, которую тоже где-то надо взять или как-то произвести. Так что следы дисковых пил автоматически выводят нас как минимум на уровень нашей цивилизации или близкий к ней.

Но дисковые пилы нам хотя бы известны. Зато у нас нет, скажем, ножей, которые бы резали камень. Между тем следы таких фантастических «ножей» довольно часто встречаются на древних объектах. Мельчайшие риски, которые остались на обработанной поверхности в этих случаях и которые видны порой даже невооруженным глазом, и сам характер этих поверхностей вполне определенно указывают на движение какого-то инструмента, который похож именно на нож. Такие следы можно видеть, например, на известняке и галечнике в греческих Микенах и Тиринфе, на твердом черном базальте в древней столице хеттской империи Хаттусе и на асуанском граните в Египте.

Таким «ножом» древние мастера оставили V-образную прорезь на гранитных воротах в египетском Карнаке (рис. 1). Прорезь уходит в глубину примерно на сантиметр, имеет на входе ширину около трех миллиметров, а в глубине – меньше одной десятой доли миллиметра. Это далеко за пределами наших технологических возможностей, поскольку даже самый тонкий современный ювелирный инструмент (стальная нить с алмазным покрытием), способный работать по столь твердому камню, в семь раз толще. А в Карнаке отнюдь не ювелирные масштабы – прорезь идет по всей высоте пятимет-

ровых гранитных ворот. При этом она явно сделана одним (!) движением и каким-то «ножом», который просто держали в руке – в некоторых местах видно, как у мастера дернулась рука, и прорезь отклонилась от прямой линии. Любопытно, что сделана она всего лишь в декоративных целях. И количество подобных прорезей в Карнаке исчисляется десятками, если не сотнями!.. Очевидно, что нанесение таких прорезей не составляло для представителей древней цивилизации никаких проблем.

Рис. 1

В перуанском Саксайуамане аналогичным «ножом» сделали надрез на диоритовой скале длиной около десяти метров, а затем по этому надрезу от скалы откололи кусок (рис. 2). Мы таким же образом разрезаем, например, керамическую плитку. Только здесь не плитка – от скалы таким образом отломан кусок в несколько сотен тонн весом, который так и остался лежать рядом. Подобное находится далеко за пределами современных возможностей.

Рис. 2

Обнаруживаются и следы совершенно удивительной технологии, в ходе которой внешняя поверхность природного камня доводилась до пластического (!) состояния и лишь затем обрабатывалась, после чего камень возвращался в свое прежнее твердое состояние. Вариант с простым нагревом камня здесь не проходит. И проблема не только в том, что требуются температуры до тысячи градусов по Цельсию, а в том, что гранит при нагреве на воздухе просто выгорает (для плавления, а не выгорания гранита требуется его нагрев в бескислородной атмосфере), а кальцит вообще разлагается. Впрочем, в древности камень явно не нагревался до сколь-нибудь серьезных температур, поскольку сохранились следы воздействия на камень в пластическом состоянии даже обычной рукой. Так, скажем, на острове Пасхи в кладке платформы с длинным названием аху Ура-Уранга-Те-Махина находится несколько блоков, с которыми как будто баловались дети, наносившие свои «каляки-маляки» пальцами на размягченную поверхность ныне весьма твердого камня. Здесь видно, как пластический материал «тянулся» вслед за пальцем (или инструментом), видны замятые края предыдущих линий, а

также заметно уплотнение материала, когда его «тыкали» пальцами – полный аналог работы с пластилином¹ (рис. 3).

Рис. 3

На текущий момент мы можем лишь констатировать, что имеющиеся факты указывают на реальную возможность доведения природного камня при обычных температурах до пластического состояния с последующим возвратом камня в твердое состояние, однако мы (то есть наша цивилизация) не знаем не только самой этой «пластилиновой технологии», но и физико-химических основ процессов, на использование которых могла бы опираться такая технология. Говоря другими словами, в данном случае древние объекты демонстрируют нам такие технологии, которые находятся далеко за пределами наших современных представлений о свойствах природных материалов и возможных процессах...

За десять лет участникам экспедиций удалось обнаружить следы высокотехнологичных инструментов на древних объектах в Египте, Сирии, Ливане, Турции, Греции, Перу и Боливии. Признаки очень развитых технологий найдены в Мексике, Эфиопии, Израиле, Армении, Японии и на острове

---

¹ Замечу, что во всех этих случаях мы имеем дело именно с природным камнем, а не каким-то якобы не застывшим бетоном. Данная весьма популярная версия была запущена обычным проходивцем Давыдовицем, который на банальном обмане сделал себе неплохие деньги, и не подкрепляется никакими реальными фактами. Обман Давыдовица давно разоблачили, а его версия, увы, продолжает гулять по миру...

Пасхи. Количество обнаруженных древних объектов со следами технологий, которые по уровню сопоставимы с современными и даже превышают их, уже давно исчисляется тысячами. Этого количества с запасом хватает, чтобы сделать вывод: наличие следов высоко развитой в техническом отношении древней цивилизации, намного превосходившей нас по уровню знаний и технологий, это – ФАКТ; и реальность этой цивилизации уже ДОКАЗАНА реальностью этих следов.

Все, кого заинтересуют соответствующие доказательства, легко могут с ними ознакомиться. По результатам экспедиций создано уже более 25 часов документальных фильмов из цикла «Запретные темы истории», выпущено более полутора десятков книг, проведено три Международных семинара «Поиск следов техногенных цивилизаций», опубликованы фотоотчеты по экспедициям и выпущены видеoverсии самых разных докладов по данной тематике. Все эти материалы находятся в свободном доступе в Интернете – прежде всего на нашем сайте «Лаборатория Альтернативной Истории» (<http://lah.ru>) и не только (материалы давно «гуляют» по просторам Интернета). Более того, любой, кто захочет, имеет возможность лично проехать на место и убедиться в реальности представленных свидетельств этой древней цивилизации. Цивилизации, в реальности которой наши предки (в отличие от современных историков) не сомневались, считая и называя ее представителями «богами».

Более того. Древние легенды и предания наших предков, которые историки обозвали уничижительно-пренебрежительным словом «мифология», оказываются вовсе не выдумками и фантазиями, а своеобразной летописью также вполне реальных событий.

Так, скажем, катастрофические события общепланетарного масштаба, известные больше под названием Всемирного Потопа, оставили после себя также весьма немало следов. С некоторыми из этих следов мы сталкивались в ходе наших экспедиций. Обнаруживаются даже «допотопные» объекты (комплекс в перуанском Ольянтаймбо, пирамида Чолулы и комплекс Теотиуакан в Мексике), которые сохранили на себе следы разрушительного воздействия в ходе данных событий. А соединение «показаний очевидцев» (то есть информации из древних легенд и преданий) с данными целого ряда современных наук позволяет детально реконструировать события этой «потопной катастрофы» практически для всех регионов планеты.

Реальностью оказалась и так называемая «Война Богов» – глобальный конфликт внутри древней высокоразвитой цивилизации, также упоминаемый в древних легендах и преданиях. Следы этой Войны мы обнаружили в Турции, Перу и Боливии как в виде мощных разрушений древних объектов явно взрывного характера, так и виде сохранившихся воронок от взрывов. Размеры этих воронок от пятидесяти до более сотни метров соответствуют взрывам, например, ядерного оружия мощностью в десятки килотонн. О применении столь мощного оружия древние легенды также упоминают.

В целом древняя история оказывается совсем другой, нежели тот вариант, который представлен в школьных учебниках и академических монографиях...

Однако это – вовсе не финал. Самое интересное тут только начинается.

Дело в том, что наличие вполне реальных следов цивилизации «богов» и ее развитых технологий позволяет не только по иному взглянуть на историю человечества, но и попытаться восстановить технологии «богов» или найти какие-то их аналоги. Использование же таких технологий способно значительно ускорить развитие нашей собственной цивилизации. У нас есть уникальная возможность превратить историю из науки, которая только описывает прошлое, в науку, которая помогает нам улучшать настоящее и строить будущее!..

Так, скажем, при обработке таких твердых пород камня, как гранит и базальт, любой механический инструмент неизбежно стачивается, оставляя на обработанной поверхности камня микровкрапления своего материала. Такие микровкрапления, застрявшие между кристаллами кварца, мы обнаружили. Размер их не велик – десятки микрон в лучшем случае, но и его достаточно для того, чтобы определить их химический состав. Анализ уже выявил наличие весьма нетривиальных сплавов, ближайшие аналоги которых используются, например, в самых теплонапряженных участках современных ракетных двигателей. Но попадаются и такие сплавы, которые ныне не производятся и обладают неизвестными нам свойствами. Создание таких сплавов и исследование их свойств может вывести нас на новые перспективные материалы. На данном этапе мы уже совсем вплотную подошли к воспроизведению некоторых из этих сплавов в количествах, достаточных для исследования их физико-химических свойств. Говоря другими словами, речь идет о воспроизведении и изучении «сплавов богов».

Поиск «пластилиновой технологии» и определение физико-химических процессов, позволяющих доводить самые разные виды природного камня до пластического состояния, и их практическое освоение открывает возможность для внедрения принципиально иного способа обработки камня с широчайшим спектром его применения. На то, что эта задача имеет решение, прямо указывают древние артефакты, а в таких условиях проще и искать это решение.

Все это в совокупности с новыми материалами инструментов способно существенно расширить наши возможности по работе с природным камнем и даже изменить современные подходы к камнеобработке и строительству. Мы сейчас в основном ориентируемся на размалывание природных материалов в порошок и лишь затем создаем из этого порошка кирпичи, бетонные блоки и другой строительный материал. Освоение же технологий, которые мы наблюдаем в древних артефактах, позволит изменить сам подход к работе с камнем – не размалывать его в порошок (что уже само по себе весьма недешево и энергоемко), а использовать его в цельном виде, лишь изменяя его внешнюю форму.

Данные технологии неизбежно понадобятся нам при освоении других планет. Ведь возить на другую планету готовые конструкции или стройматериалы – крайне невыгодно. Весьма затратно и ставить на другой планете производство стройматериалов по привычным нам ныне технологиям. Гораздо эффективнее и экономичнее будет иметь мобильные инструменты и технологии по работе с местным материалом, а универсальным материалом на планетах является как раз камень. Впрочем, такие технологии и инструменты могут найти себе применение еще до стадии активного освоения других планет – для строительства в труднодоступных горных районах, куда в этом случае не будет требоваться доставлять те же строительные конструкции или материалы. Цифровые оценки потенциального масштаба экономического эффекта от внедрения подобных технологий просто теряются в количестве значимых нулей.

То, чего можно добиваться с помощью подобных технологий и инструментов, нам наглядно демонстрируют древние сооружения и артефакты. Например, в перуанский городок Ольянтайтамбо можно возить группы специалистов по обработке камня, как на выставку передовых достижений. Но если на привычных нам выставках представлено то, что мы уже (хотя бы в единичных экземплярах) делать умеем, то в Ольянтайтамбо – то, что мы делать еще не умеем и неизвестно, когда научимся. Здесь древние мастера за просто на любой высоте отрезали от гранитных и базальтовых скал куски произвольных размеров и форм и при необходимости переставляли их в другие места, формируя кладку и конструкции, тесно связанные с монолитным скальным основанием, что обеспечивало высочайшую устойчивость этих конструкций по отношению к землетрясениям. При этом – в качестве явно побочного результата – поверхность в месте отреза получалась хорошо отшлифованной, а временами даже отполированной до зеркального блеска. И если на эту «выставку» свозить молодых специалистов (у которых мозг еще не заострен в современных «стандартах»), то вполне возможно ожидать от них в будущем целого ряда полезных нововведений и изобретений в области камнеобработки...

Впрочем, есть чему поучиться и нашим строителям. Древние мастера использовали не просто другие методы и технологии, но и другую логику строительства. Например, если мы сначала выравниваем всю площадку или роем глубокий котлован для фундамента, то древние строители использовали рельеф местности, внося в него лишь минимальные изменения. Если мы сначала размалываем камень в порошок и делаем из него строительные смеси, из которых лепим уже стандартизированные кирпичи или бетонные блоки (или отливаем цельные конструкции), то древние мастера работали непосредственно с природным камнем, опять-таки лишь минимально меняя его исходную форму. При этом они порой обходились без какой-либо стандартизации, совмещая в единой конструкции блоки произвольного размера. Это мы заранее изготавливаем кирпичи или блоки и доставляем их на место строительства, а они доставляли туда лишь «полуфабрикаты», дорабатывая

блоки уже в процессе кладки, в результате чего получали очень прочные конструкции с тщательно подогнанными элементами без какого-либо раствора. Вдобавок они выравнивали внешнюю поверхность уже после создания кладки и добивались в этом великолепного результата. Фактически они исключили как таковую стадию производства строительных материалов вообще. Для этого им «всего лишь» требовалось иметь технологии и инструменты, позволявшие резать даже такие твердые породы камня, как пенопласт, да удерживать на весу многотонные блоки.

Древние легенды и предания утверждают, что «боги» перемещали по воздуху многотонные блоки с помощью звука. Нечто подобное нам уже известно под названием «акустическая левитация», когда предметы «подвешиваются» в воздухе с помощью ультразвука, но пока мы можем «подвесить» лишь зубочистку, от которой до больших каменных блоков такое же расстояние, как от эбонитовой палочки до атомной электростанции. Однако сам принцип нам уже понятен, и дело «лишь» в развитии технологических возможностей.

Уже упоминавшиеся следы «Войны Богов» предоставляют нам еще одну возможность. Тщательное исследование мест древних взрывов может дать немало информации об использованном древними «богами» мощном оружии.

Легенды и предания самых разных народов единодушны в том, что земледелие людям подарили «боги», которые в дополнение к навыкам выращивания растений и инструментам дали нам «улучшенные» семена. Известный советский ученый Николай Вавилов еще в 30-е годы XX века пришел к выводам, которые косвенно подтверждают это утверждение древних легенд и преданий – основные культурные растения были не результатом простой селекции, а получены из диких сортов путем их генной модификации. Получается, что мы выросли на генномодифицированных продуктах. Но в отличие от наших современных экспериментов, проводимых в большой степени случайным образом, а посему вызывающих и серьезные опасения в возможности негативных последствий, древняя генная модификация явно проведена «правильно» и «грамотно» – мы потребляем генномодифицированные продукты уже тысячи лет без каких-либо трагических для нас последствий. Исследование, с этой точки зрения, собранной Вавиловым в ходе многочисленных экспедиций коллекции семян диких и культурных растений может вывести нас на развитые и безопасные генные технологии. Сравнение геномов диких и культурных сортов может подсказать нам ту самую «правильную» методику, которая была использована древними «богами» и которая в этом случае может быть применена нами и к другим видам растений.

Те же источники упоминают о том, что «боги» широко использовали свойства «звука» совместно с природными кристаллами. Взаимодействие акустических колебаний и природных кристаллов на данный момент изучено очень слабо. В то же время даже в ходе предварительных экспериментов

в этой области выявляются неизвестные и порой неожиданные эффекты. Так, например, взаимодействие инфразвука и кристаллов кварца позволяет осуществлять избирательное воздействие на раковые образования непосредственно на клеточном уровне, при этом здоровые клетки остаются нейтральными к этому воздействию. Данные исследования на текущий момент еще продолжаются, но в случае доведения их до образцов соответствующей техники, мы имеем перспективу получить эффективную методику лечения рака без какого-либо хирургического вмешательства и химиотерапии.

Вообще, легенды и предания при взгляде на них как на источник реальных данных, а не как на выдумки и фантазии, способны предоставить нам массу самой разнообразной и неожиданной информации. Так, скажем, в результате новейших данных о глубинных процессах внутри нашей планеты серьезные проблемы начинает испытывать долго и успешно доминировавшая теория тектоники плит (эта теория в некоторых случаях даже входит в противоречие с законами Ньютона). Между тем в древних легендах и преданиях обнаруживается информация, которая позволяет довести альтернативную модель расширения Земли до состояния целостной теории – в преданиях указывается конкретное значение изменения размеров нашей планеты. В итоге: такая «дополненная» теория растущей Земли гораздо лучше соответствует огромному массиву накопленных ныне данных сейсмозондирования недр планеты, геологическим, палеомагнитным, палеонтологическим и палеоклиматическим данным. Побочным же следствием этой модели оказывается абиогенное («неорганическое») происхождение газа, нефти и каменного угля, что имеет важные (в том числе и геополитические) последствия.

Физические и биологические исследования, проведенные участниками экспедиций совместно с НИИ гиперкомплексных систем в геометрии и физике как в египетских пирамидах, так и на уменьшенной (1:20) модели в Подмосковье, выявляют наличие еще неизвестного воздействия пирамид на различные процессы. Результаты экспериментов позволяют выдвинуть версию, что пирамида оказывает какое-то воздействие непосредственно на скорость хода времени. Это выходит за рамки современного научного знания, но абсолютно не противоречит законам физики. Исследование данного взаимодействия имеет не только фундаментальное научное значение, но и очень широкий спектр его прикладного использования в будущем.

В целом – работа группы энтузиастов вышла уже на ту стадию, когда становится актуальным создание Научно-исследовательского центра по изучению наследия древних цивилизаций. Уже ясно доказано, что есть предмет исследований, есть целый ряд направлений исследований, есть понимание, как по этим направлениям двигаться, и есть задел по этим исследованиям. Результаты, полученные уже на этом этапе, поддерживают уверенность в том, что деятельность такого Центра имеет очень хорошие перспективы...

Здесь (особенно у читателя, до сих пор не сталкивавшегося по каким-либо причинам с информацией о деятельности данной российской группы энтузиастов) возникает вполне естественный вопрос – если за столь весьма

ограниченное время удалось не только собрать огромный массив свидетельств реальности древней высокоразвитой в техническом отношении цивилизации «богов», но и продвинуться по целому ряду направлений в столь перспективных исследованиях, то почему это не было сделано раньше?.. Неужели до сих пор никто не видел столь очевидных фактов?.. А если видел, то почему так мало об этом информации и почему историки никак на эти факты не реагируют?..

На самом деле, конечно же, никакой подобной «слепоты» вовсе не было. Еще буквально пару сотен лет назад никто не считал легенды и предания фантазией или выдумкой. Как раз наоборот – именно они рассматривались в качестве достоверного источника информации о реальных событиях прошлого. А наши далекие предки всего несколько тысяч лет назад несколько не сомневались в реальности «богов». И конечно же, очень многие видели и фиксировали свидетельства реальности цивилизации «богов». И даже специально искали их и собирали сведения об этих свидетельствах с самых древнейших времен.

Так, скажем, в тех же легендах и преданиях есть целый пласт, в котором рассказывается, как люди стараются найти и завладеть некими «предметами богов», оставшимися от еще более древних времен. А в своих экспедициях мы обнаруживали признаки того, что подобным поиском занимались еще египетские фараоны периода Древнего Царства – более четырех с половиной тысяч лет назад.

При раскопках подземных коридоров и помещений в комплексе Ступенчатой пирамиды фараона III династии Джосера в египетской Саккаре археологи нашли многочисленную утварь, позднее получившую название Саккарской коллекции. В общей сложности было найдено более двух десятков тысяч разнообразных сосудов, тарелок, чаш и прочих предметов великолепного качества, большинство из которых были изделиями из камня. Как показали более поздние исследования, многие предметы из этой коллекции имеют признаки очень развитых технологий, применявшихся при их изготовлении. И при этом (вследствие места обнаружения) историки вынуждены были датировать эту коллекцию самое позднее периодом I-II династии, около пяти тысяч лет назад. Показательно, что ничего подобного не производилось больше никогда в египетской истории. Судя по всему, Джосер собрал эту коллекцию предметов, явно относящуюся (хотя бы частично) к цивилизации древних «богов», создав нечто типа кунсткамеры. Но он явно не собирался передавать ее потомкам, поскольку оставил ее под землей в месте, которое позднее стало его погребальным комплексом.

Красная пирамида в Дашуре несет в себе массу свидетельств весьма развитых технологий. Ее создание – на пределе современных возможностей, если не за этими пределами. Однако египтологи приписывают ее создание основателю IV династии – фараону Снофру. Они также утверждают, что огромная (глубиной больше человеческого роста) яма в каменной кладке самой дальней камеры пирамиды – результат деятельности неких «грабите-

лей». Между тем объем этой ямы таков, что очевидно – никакие «грабители», вынужденные тайно (под страхом смертной казни) разбивать и выносить каменные блоки кладки, сделать ее не могли. Подобная масштабная деятельность в столь священном месте могла осуществляться только открыто, с санкции жречества и самого фараона. Следовательно, это были уже вовсе не грабители, а древние археологи. Различие между ними точно такое же, как ныне различие между современными археологами и «черными копателями».

Действуя вполне легально, древние археологи для собственного удобства даже не поленились разобрать пол коридора, ведущего в дальнюю камеру, увеличив высоту коридора почти в два раза, чтобы по нему можно было перемещаться в полный рост, а не ползать с тяжелым грузом. А дополнительные ямы и повреждения пола в других камерах и коридорах пирамиды позволяют даже детально восстановить всю организацию этих археологических работ.

Рядом с пирамидой современные археологи обнаружили то, что они назвали «городком для рабочих, строивших пирамиду». Между тем весьма небольшие размеры этого «городка», равно как и найденный здесь инвентарь (и по количеству, и по ассортименту) никоим образом не соответствует масштабам строительства. Зато все прекрасно соответствует ограниченному составу небольшой археологической миссии. Так что Снофру вовсе не строил эту пирамиду, а что-то искал в ней. Скорее всего, искал он что-то, связанное с теми самыми «богами», которые (согласно древнему историку и жрецу Манефону) правили Египтом за тысячи лет до Снофру.

Что искал Снофру и удалось ли ему что-то найти – не зафиксировал ни один документ. Зато сохранился древний текст, гласящий, что его преемник – фараон Хуфу (он же Хеопс) был одержим поиском неких «потайных комнат», где якобы хранились древние «скрижали с записью мудрости богов». А также имеются источники, где указывается, что Хуфу занимался на плато Гиза ремонтом Сфинкса и строительством очень скромного храма, посвященного Исиде – «владелице Великой пирамиды» (этот храм и ныне можно увидеть). И он явно не строил Великую пирамиду, а так же, как и Снофру, проводил в ней раскопки. По крайней мере, по некоторым признакам (в частности по эрозии блоков облицовки в разных местах пирамиды) знаменитый «проход аль-Мамуна» создал вовсе не аль-Мамун, а как раз Хуфу.

Следующие отчетливые следы интереса фараонов к древнему наследию относятся уже к периоду Нового Царства примерно три с половиной тысячи лет назад. Так, фараон Сети I начал строительство храма в Абидосе, которое заканчивал уже его сын Рамзес II. Храм расположен вплотную к сооружению из многотонных гранитных блоков, известному под названием Осирин (по легендам – могила бога Осириса). Когда археологи, еще не скованные позднее сформировавшимися догматами египтологии, обнаружили Осирин, они датировали его возрастом аж в пятнадцать тысяч лет.

Храм Сети I построен практически вплотную к Осирionу, фундамент которого на полтора десятка метров ниже фундамента храма. Вся планировка храма и его расположение указывают на то, что Сети I знал о наличии Осирionа и, судя по всему, специально привязал положение храма к этому более древнему сооружению. Косвенные данные указывают на то, что фараон проводил тут раскопки в поисках наследия «богов». А его сын, Рамзес II, пристроил с другой стороны Осирionа нисходящий крытый коридор, подводивший к этому сооружению (на что указывают надписи на стенах этого коридора). И если ориентироваться на разницу по высоте между началом и концом коридора, можно констатировать, что ко времени Сети I Осирion уже находился глубоко под землей.

Нашел ли что-то в Осирionе Сети I – определенно сказать нельзя. Однако на стенах храма имеется масса изображений египетских богов с детально прорисованными странными предметами (в том числе так называемыми «посохами-жезлами»), производящими впечатление сложных функциональных устройств, а под потолком храма археологи обнаружили барельеф, в котором угадываются изображения вертолета, самолета и танка (или подводной лодки).

Сохранился также довольно широко известный египетский текст с описанием битвы с хеттами, в ходе которой Рамзес II поражал своих врагов неким «божественным» лучистым оружием. Подобное кажется совсем уж фантастикой и полной выдумкой. Однако несколько позднее, согласно Ветхому Завету, Моисей получает некий «посох», который мог раздвигать воды моря и рассекает скалы и который, по преданию, был создан Богом для Адама. «Посох» же этот Моисей получил от своего тестя, который ранее был... египетским жрецом!..

Рамзес II также знаменит огромным количеством оставленных «автографов» в виде картуша с его именем, оставленных на различных статуях и сооружениях, значительная часть из которых имеет явные признаки применения высокоразвитых технологий. Но именем фараона этот «автограф» считают современные историки, которые переводят его как «сын Ра» (утверждая, что таким образом фараон причислял самого себя к богам, заявляя, что он является сыном бога Ра). Однако более точный перевод символов в картуше звучит несколько иначе – «то, что произвел на свет Ра». Или, говоря другими словами, «то, что создал бог». Фактически это означает, что Рамзес II вовсе не стремился возвеличить свое якобы божественное происхождение, а лишь провел масштабную инвентаризацию изделий цивилизации «богов», поставив на них соответствующую пометку...

Во время средневековых крестовых походов Святую Землю на Ближнем Востоке заполонили не только борцы за веру, но и охотники за банальной наживой. Здесь происходил массовый поиск самых разнообразных артефактов, связанных как с событиями периода возникновения христианства, так и с более ранними событиями, отраженными в Ветхом Завете и других библейских текстах. Каждую такую находку стремились переправить в Ев-

ропу – даже самая захудалая церковь, куда попадал такой артефакт, значительно повышала этим свой статус. На фоне этих «искателей религиозных древностей» практически незаметно прошла деятельность основателей ордена тамплиеров, которые в течение 9 лет безвылазно находились в Иерусалиме, осуществляя масштабные раскопки (скорее всего – в поисках Ковчега Завета), в том числе непосредственно в недрах Храмовой горы.

Что нашли тамплиеры – не ясно (прорытые ими проходы закрыты для доступа до сих пор). Явно не Ковчег Завета. Но практически сразу после окончания этих раскопок тамплиеры получают почти монопольный карт-бланш на строительство храмов, которые они возводят в принципиально ином, нежели ранее, готическом стиле. На смену «низкорослым» храмам с толстенными стенами пришли ажурные, кажущиеся невесомыми, конструкции. И это происходит без какого-либо плавного перехода с промежуточными стадиями архитектурного развития. По сути, здесь мы сталкиваемся с первой успешной попыткой масштабного практического применения некоего знания «богов», связанного с особенностями неизвестной нам находки тамплиеров.

В 1513 году турецкий адмирал Пири Рейс создает карту, на которой помимо Европы и Африки изображено восточное побережье Северной и Южной Америки. При этом побережье Южной Америки показано гораздо дальше тех мест, которые были известны к этому времени!.. Более того – на карте показано побережье Антарктиды, до открытия которой оставалось еще более трехсот лет!.. И как показали исследования картографов, еще неизвестные во времена Пири Рейса побережья показаны им с великолепной точностью. Сам адмирал указывал, что при составлении своей карты он использовал некий древний источник (предполагают, что ранее этот источник хранился в Александрийской библиотеке).

Детальное изучение карты профессиональными картографами во второй половине XX века привело к заключению, что ее особенности указывают на составление первоисточника примерно десять тысяч лет назад и на использование при этом данных, которые можно было получить только со спутника!.. Ясно, что подобное могла сделать только очень высоко развитая в техническом отношении цивилизация – цивилизация «богов». И, судя по всему, Пири Рейс при составлении своей карты использовал первоисточник (или его копию), восходящий как раз к этой цивилизации «богов».

Дальнейшее изучение других древних карт показало, что при составлении целого ряда средневековых так называемых портуланов (зарисовок линий побережий) использовался все тот же древний первоисточник или его копии. И высказывалась даже версия, что Колумб имел подобную карту и прекрасно знал, куда и как плыть...

Так что, как легко видеть, далеко не мы первые занимались поиском следов древних «богов» и их знаний. И далеко не мы первыми получили позитивные результаты поисков. Так, следы машинных инструментов на древних египетских объектах обнаружил и описал еще сто лет назад известный

исследователь сэра Флиндерса Петри. Нашел он их даже на саркофаге в Великой пирамиде. Он же первым обратил внимание на использование весьма развитых технологий при изготовлении изделий, входящих в Саккарскую коллекцию. Согласно выводам Петри по результатам этих исследований, оборудование, использованное в древности, превосходило по возможностям современное ему в тысячи (!) раз. Даже с учетом прогресса за прошедшие сто лет можно констатировать, что возможности древних «богов» как минимум в сотни раз превосходили наши современные возможности.

Египтологи высоко оценивают заслуги Петри в измерении параметров пирамид, которые он провел с великолепной точностью (мы до сих пор пользуемся его данными). Однако они наглухо замалчивают его выводы в отношении следов инструментов и возможностей древнего оборудования. Эти выводы вы не найдете ни в одном академическом издании. Их цитируют лишь авторы так называемых «альтернативных» книг...

Упомянутая ранее стенка с мегалитической полигональной кладкой в турецком Аладжа-Хююке мы же не открывали и не раскапывали – она известна археологам и историкам уже больше ста лет, а сам Аладжа-Хююк давно является туристическим объектом. Однако ни в одной (!) доступной книге по истории Анатолийского полуострова нет ни одной фотографии, ни одной даже хотя бы зарисовки этой стенки (хотя археологи обязаны были ранее все зарисовывать, а ныне и фотографировать). Максимум, что можно встретить, – это фраза о «кладке из больших отесанных камней». А фильмы о хеттах если и показывают Аладжа-Хююк, то лишь так, чтобы не было видно этой стенки. Хотя и демонстрируют сфинксов на воротах, через которые всего-то надо пройти внутрь и повернуться назад, чтобы увидеть эту стенку.

Вряд ли все археологи и историки, видевшие Аладжа-Хююк, были настолько зашорены, что не знали о Куско. Скорее, наоборот – знали и видели колоссальное сходство. Так что речь может идти только о целенаправленном умалчивании значимой части информации. И масштабы здесь поражают – прошло уже более трех лет с момента опубликования отчета по нашей первой экспедиции и выхода фильма, где показана эта стенка с соответствующими комментариями, но до сих пор в кичащейся своей «демократичностью» электронной энциклопедии «Википедия» не появилось ни единой фотографии этой стенки...

10 августа 1846 года был создан Смитсоновский институт (США). Ныне это не только институт, но и самое крупное в мире хранилище экспонатов, музейных ценностей и артефактов. В состав института входят 19 музеев, зоопарк, 9 научно-исследовательских центров, а также 156 музеев, являющихся филиалами института. Смитсоновский институт является также одним из самых крупнейших (если не самым крупным) в мире организатором археологических раскопок. Но мало кто знает, что английский ученый Джеймс Смитсон, завещавший свое состояние на «основание учреждения в США, которое будет служить развитию и распространению знаний», подра-

зумевал знание, связанное с событиями, описанными в Ветхом Завете. В частности, институт должен был заниматься поиском подтверждений того, что ранее на нашей планете действительно обитали гиганты. Этим институт и занимался на первом этапе, и занимался между прочим вполне успешно (ряд находок останков и даже мумий гигантов известен весьма широко).

Однако на некотором этапе ректором института стал ярый приверженец ортодоксального подхода к археологии и истории. И с этого момента вся деятельность института поддерживала лишь академическую версию древней истории. Нет, поиски останков гигантов и других «странных» артефактов вовсе не прекратились, но все подобные находки уходили прямо в закрома Смитсоновского института и подчиненных ему музеев, а информация о таких находках просто не отражалась в официальных отчетах и публикациях о результатах работ. Ныне же Смитсоновский институт ждет судебное разбирательство по обвинению в уничтожении (!) в начале 1900-х годов многочисленных останков гигантских людей. В дело даже был вынужден вмешаться Верховный суд США. Нам же остается лишь ожидать итогов этого разбирательства.

Другой крупнейший организатор и спонсор археологических раскопок – Ватикан, который лишь продолжает в этом давние традиции тамплиеров и других орденов. Информация о таких раскопках крайне скудна и весьма ограничена – публикуется только то, что не противоречит религиозным канонам. Закрома же Ватикана доступны лишь для «самых проверенных» лиц. И «фильтры» Ватикана распространяются не только на подконтрольные ему археологические находки.

В 1933 году были начаты раскопки древнего города Мари на берегу Евфрата (ныне Сирия). Среди многочисленных находок археологов ждала и крупнейшая удача – был найден так называемый «архив царя Зимлирима», включающий более 23 тысяч клинописных глиняных табличек. Понадобилось несколько колонн грузовиков, чтобы вывезти из развалин Мари этот архив. Перевод табличек первоначально вызвал живейший интерес со стороны библеистов, поскольку в них имелись упоминания многих городов, фигурирующих в библейских текстах, но пока не найденных. Однако когда были переведены таблички, описывающие наиболее ранние события и содержащие древние легенды и предания жителей Мари, ситуация изменилась. Дело в том, что содержимое табличек в корне противоречило Ветхому Завету и ставило под серьезную угрозу как сам этот почитаемый религиозный текст, так и основные доктрины монотеизма. Под давлением Ватикана автор перевода был вынужден отказаться от своих слов, а сам архив растворился в закромах – частично Лувра, частично Ватикана...

И в этих условиях совершенно не удивительно, что, как указывалось в начале статьи, для большинства людей следов древней высокоразвитой в техническом отношении цивилизации просто «не существует». Они даже не подразумевают о наличии подобной проблемы.

Тут напрашивается версия некоего «всемирного заговора» по тщательному сокрытию информации. Но, перефразируя слова из интервью известного человека, часто мелькающего на экранах наших телевизоров, Евгения Яновича Сатановского, могу на это ответить так: если был бы всемирный заговор, было бы замечательно – было бы с кем договариваться; но, к большому сожалению, договариваться просто не с кем, поскольку никакого заговора нет.

Позиция Ватикана понятна – он не терпел и не будет терпеть никаких посягательств на самые основы современной монотеистической религии. Никакого множества «богов» он и не может допустить. Посему и «неудобную» информацию вместе с «неудобными» артефактами и находками будет скрывать.

Но и позиция академической исторической науки тоже понятна. Ведь признание реальности древней цивилизации «богов» отягощается признанием древних легенд и преданий в качестве своеобразной летописи столь же реальных событий. Учет всех имеющихся фактов и информации приводит автоматически к отказу от базового принципа «линейного развития от простого к сложному», поскольку мы получаем принципиально иную картинку – цивилизации возникают вдруг и сразу в готовом виде. Как и к отказу от еще одного базового принципа «развития лишь сугубо по внутренним естественным причинам», поскольку мы сталкиваемся с решающим влиянием на древнюю историю некоей внешней силы, в буквальном смысле слова создавшей нашу цивилизацию и давшей ей все то, что мы в понятие цивилизации и вкладываем. Все это вместе означает для академической истории признание ошибочности основной доктрины и отказ от сложившегося у них мировосприятия прошлого. А это – отказ от привычного мировоззрения, что ничем не отличается от варианта с Ватиканом, поскольку отказ от собственного мировоззрения столь же тягостен, как и отказ от собственной веры.

Так что никто специально не сговаривался. Просто очень многим так уютнее – не замечать «неудобной» информации и не видеть (даже порой в прямом смысле этого слова) «неудобные» артефакты. Самый страшный и самый жестокий цензор здесь, как выясняется, сидит внутри нас самих. И недаром еще ни одна новая научная теория не побеждала старую. Старая научная парадигма вымирает только с ее носителями.

С учетом этого весьма радуется, что на сайт Лаборатории Альтернативной Истории, где выложены все наши материалы, заходит все больше школьников и студентов – в том числе и историков. Это вселяет надежду в то, что процесс снятия негласного запрета на удивительное, которое рядом, не за горами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скляр А.Ю. Опасное наследие богов. – М.: Вече, 2006.
2. Скляр А.Ю. Древняя Мексика без кривых зеркал. – М.: Вече, 2009.

3. *Скляр А.Ю.* Цивилизация богов Древнего Египта. – М.: Вече, 2008.
4. *Скляр А.Ю.* Обитаемый остров Земля. – М.: Вече, 2011.
5. *Скляр А.Ю.* Перу и Боливия задолго до инков. – М.: Вече, 2011.
6. *Скляр А.Ю.* Сенсационная история Земли (Сколько на самом деле лет нашей планете?..) – М.: Вече, 2011.
7. *Скляр А.Ю.* Пирамиды: загадки строительства и назначения. – М.: Вече, 2013.
8. *Скляр А.Ю.* Наска: гигантские рисунки на полях. – М.: Вече, 2013.
9. *Скляр А.Ю.* По следам Ковчега Завета. – М.: Вече, 2013.
10. *Скляр А.Ю.* Древние боги – кто они? – М.: Вече, 2013.
11. *Скляр А.Ю.* Земля Ваала. – М.: Вече, 2013.
12. *Скляр А.Ю.* Загадки древней истории Страны восходящего Солнца. – М.: Вече, 2014.
13. *Скляр А.Ю.* Небесный дар богов. – М.: Вече, 2015.

AMAZING THINGS ARE CLOSE BY, ONLY THEY ARE BANNED

A.Yu. Sklyarov

A group of Russian enthusiasts have collected a large body of evidence indicating the presence on this planet of traces of the activity in the hoary past of a highly technologically advanced civilization whose level was far beyond our present-day potentials. The presence of such tangible traces offers us an opportunity to restore the technologies of that civilization and apply them to the solution of the problems of today and tomorrow. A preliminary study of ancient artifacts demonstrates high chances of success along this path.

Key words: ancient civilization, technologies, innovations, development.

ВРЕМЯ ПИРАМИД

Д.Г. Павлов

*Научно-исследовательский институт гиперкомплексных чисел
в геометрии и физике*

Семь самых больших и самых загадочных пирамид Египта до сих пор хранят в себе ответы на вопросы: кто, когда и зачем их построил. Получить такие ответы могут помочь химические анализы строительного мусора, сохранившегося в искусственных углублениях внутри и вокруг пирамид. Обнаружение в «пыли веков» значительных количеств, например, таких веществ, как железо, никель, хром, молибден, редкоземельные элементы – могло бы заставить историков изменить сложившиеся представления на древнюю историю человечества.

Ключевые слова: пирамиды, альтернативная история, древние высокоразвитые цивилизации.

Долины пирамид в Египте относятся к тем загадочным и притягательным местам, что просто невозможно понять с первого раза. Во всяком случае, у автора настоящей статьи в отношении этих загадочных мест только после третьего посещения стало складываться ощущение чуть-чуть приоткрывающейся тайны. Слишком уж отличаются их Величества пирамиды практически от всего, что окружает нас в обыденной жизни.

Если первая моя поездка в долину Гиза была достаточно случайна и проходила под знаком абсолютной уверенности в том, что все пирамиды – гробницы, вторая, третья и т.д., вплоть до последней пятнадцатой – предпринимались вполне осознанно, с целью хоть немного разобраться (рис. 1). Дело в том, что официальная версия происхождения пирамид, особенно когда смотришь на их конструкцию глазами инженера или технолога, действительно воспринимается всего лишь как версия, причем далеко не самая надежная и последовательная. Количество не имеющих логичного объяснения вопросов оказывается столь велико, что невольно появляются не просто подозрения, а абсолютная уверенность: с официальной трактовкой истории пирамид явно не все в порядке.

Желание во что бы то ни стало докопаться если не до истины, то хотя бы до правдоподобной версии, в конце концов вылилось в целый ряд творческих экспедиций, в состав которых, помимо журналистов и писателей, входили профессиональные строители, физики и геофизики. Основное внимание этих экспедиций сосредоточивалось на сборе новых фактов, которые могли бы пролить свет на авторство, возраст и назначение пирамид. Ниже постараемся максимально беспристрастно перечислить некоторые наши на-

блюдения и попытаюсь дать им свою, отличающуюся от официальной трактовку.

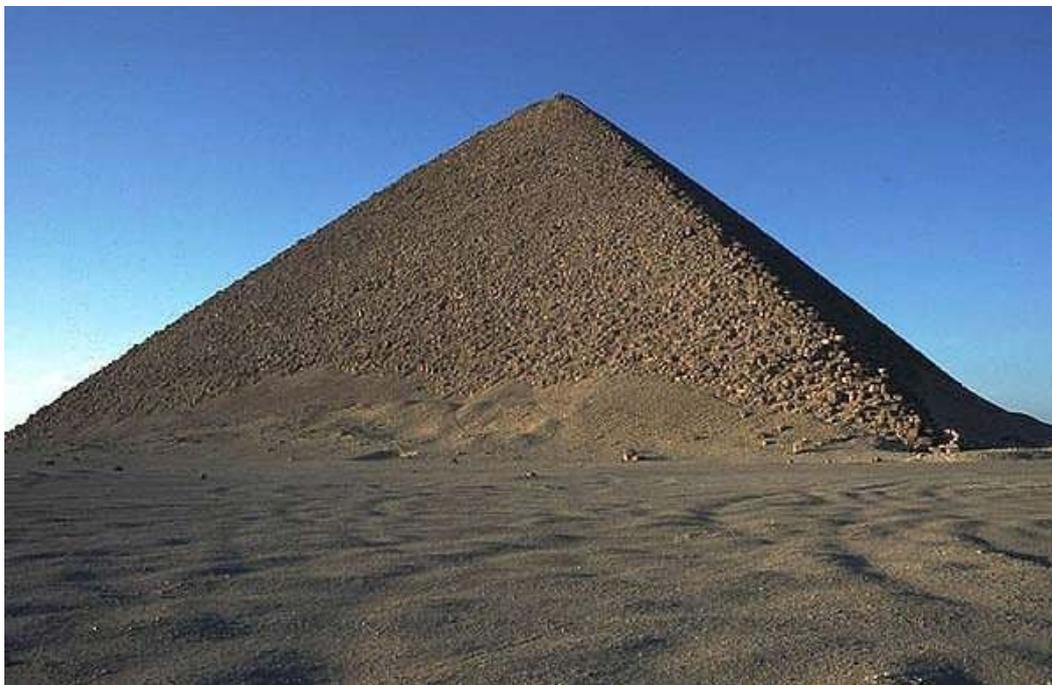
Рис. 1. Плато Гиза

Большинство людей при упоминании о Больших египетских пирамидах полагают, что речь может идти только о знаменитом комплексе на плато Гиза (рис. 1) близ Каира, а их воображение обычно рисует картину трех Великих пирамид, как правило связываемых с именами фараонов Хеопса (Хуфу), Хефрена (Хафра) и Миккерина (Менкаура). Однако, если отъехать от Каира на двадцать километров южнее Гизы, а именно в район Дашура, откроется величественный вид еще на две Большие пирамиды, обычно называемые Красной (из-за необычного оттенка известняка, покрывающего ее поверхность) (рис. 2) и Ломаной (рис. 3) (получившей свое имя в связи с изломом граней).

Ложная пирамида

Далее, в районе Медума (в шестидесяти километрах от Дашура) можно увидеть другое древнее сооружение, только отдаленно напоминающее пирамиду и больше похожее на полуразрушенный бастион. Эта пирамида носит название Ложной (рис. 4), так как существенно отличается от своих сестер. Начало ее строительства приписывают одному из членов III династии фараону Хуни, задумавшему, как многие полагают, сделать ступенчатое строение наподобие пирамиды своего предшественника – Джосера (рис. 5). Считается, что по каким-то причинам правивший позднее фараон Снофру решил усовершенствовать творение Хуни и не только увеличил размеры

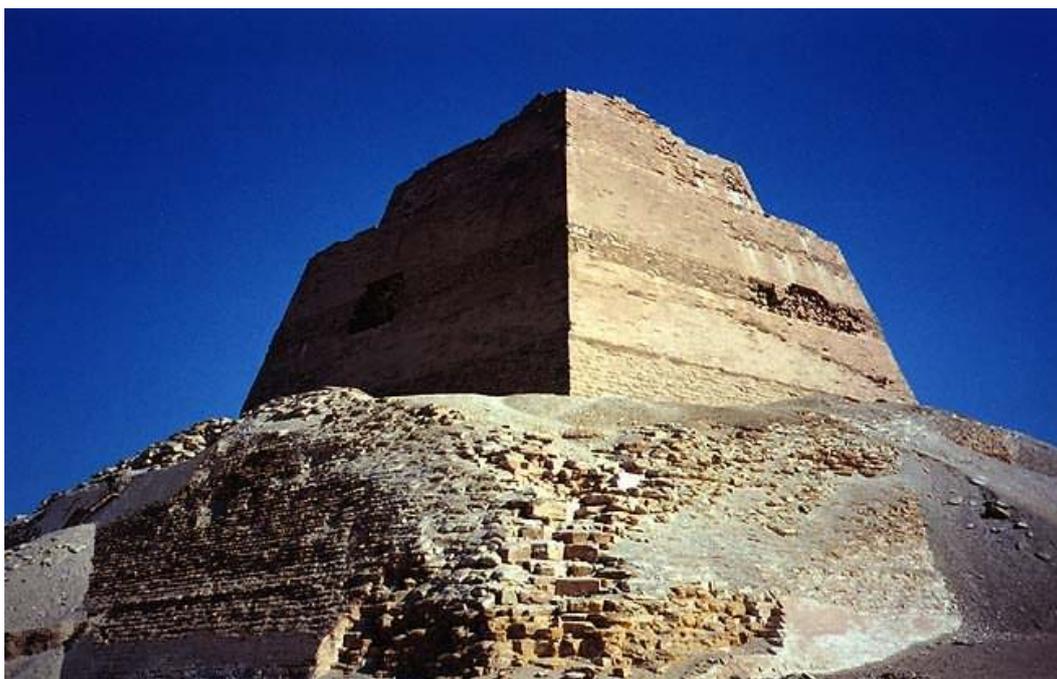
строения, расширив и надстроив старые ступени, но и придал всему сооружению классическую форму правильной пирамиды.

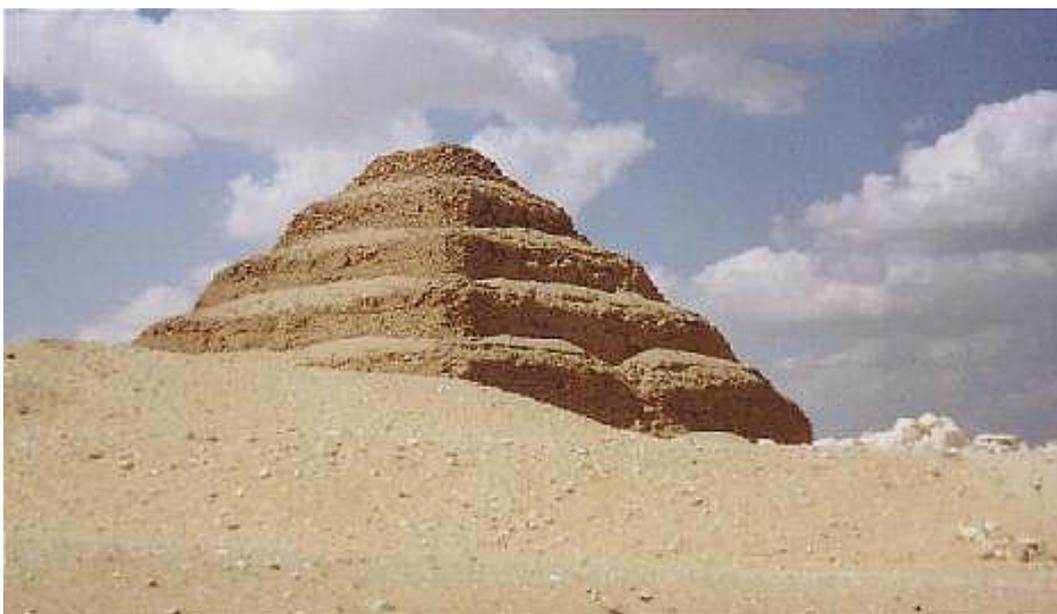
Рис. 2. Красная пирамида

Рис. 3. Ломаная пирамида

Рис. 4. Ложная пирамида

Рис. 5. Пирамида Джосера

Вообще-то, в долине Нила известно порядка ста пирамид или их останков, но перечисленные семь явно выделяются среди прочих, причем не только своими размерами, которые просто потрясают, но и целым рядом других, менее заметных признаков. Для заинтересованного исследователя, в отличие от поверхностного взгляда туриста, наибольший интерес из всех Больших пирамид представляет Медумская, поскольку ее разрушенный остов позволяет взглянуть на внутреннюю структуру. И, хотя получаемую та-

ким образом информацию не стоит автоматически переносить на все пирамиды, сама по себе предоставленная временем возможность «препарации» хотя бы одной постройки весьма познавательна.

Первое, что становится ясным при осмотре останков Медумской пирамиды, это многоэтапность ее строительства. Среди почти хаотического нагромождения блоков нижнего яруса, некогда составлявших основание правильной пирамиды, то там, то здесь выглядывают идеально сохранившиеся облицовочные плиты ступеней более ранних стадий строительства. Причем похоже, что таких последовательных этапов было минимум пять. На каждом из них у пирамиды, поверх предыдущей фактически законченной и отшлифованной ступенчатой конструкции, появлялась новая оболочка толщиной в несколько метров, причем новая поверхность так же тщательно шлифовалась. И так много раз... Под конец строительства все уступы снаружи закрыли, и вместо множества ступенчатых уровней осталось лишь четыре наклонные треугольные грани, что сделало пирамиду правильной.

Столь изощренную внутреннюю структуру, строительство которой к тому же было сопряжено с огромными дополнительными затратами на шлифовку поверхностей каждого из промежуточных этапов, просто невозможно объяснить классической версией назначения пирамид как царских гробниц. Скорее, сооружение напоминает собой сложный волновод, в котором чередующиеся идеально зашлифованные слои подразумевали реализацию заранее просчитанного резонанса.

На северной стороне Ложной пирамиды, на останках склона, некогда представлявшего собой основание правильной грани, примерно на высоте 15 метров от уровня насыпи из обломков, расположено прямоугольное отверстие нисходящего коридора. Последний значительно отличается от своих аналогов в других Больших пирамидах. Во-первых, он заметно выше. Во всяком случае, проходить по нему существенно комфортнее, чем, например, по низким коридорам пирамид в Гизе или в Дашуре, где обычному человеку приходится складываться почти пополам. Во-вторых, если приглядеться к уходящей наклонно вниз линии потолка коридора, заметно, что он образует не ровную линию, а имеет прогиб размером не менее метра, в то время как в пирамиде Хеопса отклонение от прямой на участке длиной более чем в 100 метров не превышает нескольких миллиметров. В-третьих, гладкие стенки в верхней части коридора уже через десяток метров спуска сменяются сильно эродированной, изъеденной временем поверхностью.

Спускаясь еще ниже, на остатках стен коридора несложно заметить твердую полупрозрачную пленку толщиной в 2–3 миллиметра, которая иногда проступает прожилками внутри известняка. Это самая обычная соль, которая, похоже, и явилась основной причиной разрушительных явлений. Медленно кристаллизуясь в порах известняка, она постепенно расширяла щели до тех пор, пока не откалывались целые куски, уродуя и искажая некогда идеальные стены. Максимальной степени этот процесс солевого разрушения достиг в самых нижних пустотах Ложной пирамиды. Здесь некогда

ровные стены превратились в покатые своды, и если бы не прямые как стрелы стыки между соседними блоками, данные помещения легко было бы принять за естественные пещеры.

Казалось бы, никакой загадки со сколами больше нет. Однако для масштабного возникновения солевых отложений необходима вода, которая, высыхая, оставляла бы твердый осадок. Но сегодня, как и во времена фараонов в местах, где расположены пирамиды, за год выпадает не более четырех сантиметров осадков. Этой влаги не хватит даже на то, чтобы смочить поверхность пирамид, не говоря уже о проникновении на десятки метров в глубину. Тогда за счет чего образовались внушительные солевые пленки, причем в основном в нижней части сооружения? Возможным объяснением данного факта мог бы явиться решительный пересмотр возраста пирамиды: с общепринятого сегодня в 4,5 тысячи лет на более почтенный возраст в 10–12 тысячелетий. В соответствующую более раннюю эпоху климат Египта был существенно более влажным, и Медумская пирамида вполне могла подвергаться периодическим подтоплениям.

Ломаная пирамида

Эта пирамида имеет не плоские, а преломленные посередине грани, от чего и получила свое название (см. рис. 3). Официальная версия причин такой необычной формы пирамиды сводится к изменению планов строителей фараона Снофру, столкнувшихся с проблемами прочности постройки, обусловленными излишне крутым наклоном первичной кладки. Абсурдность подобной трактовки очевидна. Пирамида, которая якобы начала трещать по швам (что, по предположению египтологов, и вынудило ее архитекторов изменить наклон граней), до сих пор не только сохранила свою форму, но и демонстрирует целостность большей части облицовки. В тех же местах, где облицовки почти не осталось, видно, что это не последствия естественного разрушения, а многовековая активность местных жителей, которые использовали эту и соседнюю Красную пирамиду в качестве источника легкодоступного качественного известняка.

Несмотря на эту варварскую разборку, значительная часть поверхности Ломаной пирамиды сохранилась в почти первозданном виде. Если выбрать угол зрения так, чтобы плоскость сливалась в одну линию, или стык двух плоскостей – в одну точку, становится очевидным, что уровень использовавшейся для шлифовки граней технологии был просто потрясающий, ведь одновременной обработке подвергалась площадь в несколько футбольных полей, причем не горизонтально расположенных, а частично под углом в 54, а частично в 43 градуса! Более того, за прошедшее множество веков и неслучное число землетрясений эта выровненная очень давно поверхность, если и искажилась в отдельных местах, то не более чем на несколько сантиметров. Согласиться же с тем, что это сделано вручную, значит пойти против здравого смысла!

Отдельным моментом, красноречиво свидетельствующим о глубокой противоречивости версии с гробницами фараонов, является конструкция внутренних помещений Ломаной пирамиды. Она настолько сложна и не приспособлена для проведения траурных церемоний, что представить здесь погребальную процессию совершенно невозможно! Автору посчастливилось побывать внутри Ломаной пирамиды в течение нескольких часов, и этот вывод им делается как однозначный. Думается, что если бы Ломаная, как и остальные Большие пирамиды, была бы открыта для массовых посещений, сомневающимися в погребальном предназначении этих сооружений было бы намного больше.

Красная пирамида

Отличительной особенностью этой пирамиды является цвет ее поверхности (см. рис. 2). Как уже отмечалось выше, эта пирамида практически полностью потеряла свою, некогда ослепительно белую облицовку, и сейчас ее поверхностный слой составляют существенно более мягкие блоки, имеющие красноватый оттенок. Прочность этих красноватых блоков крайне низка (они просто крошатся в руках), и тот факт, что именно из такого мягкого материала сделана основная часть пирамиды, говорит о некой важной функции, которую мог играть именно такой известняк. Поверх мягкого тела пирамиды буквально в один слой снизу доверху ее покрывали блоки очень прочного белого известняка. За прошедшие тысячелетия большая часть этих блоков перекочевала на соседние постройки, которые как раз и являются древними гробницами. Они находятся всего в километре на юго-восток от Красной пирамиды, и некоторым из них, как считают археологи, несколько тысяч лет. Несложно заметить, что основной массив этих гробниц как раз и составляют остатки белых блоков бывшей облицовки Красной пирамиды. Это что же выходит? Не успела пирамида состариться, как народ, не побоявшись гнева своих богов, стал в промышленных масштабах разбирать наиболее красивую и прочную ее часть, перетаскивая на могилы своих близких родственников? Нет, конечно! Вывод тут может быть только один – для культа загробной жизни древних египтян Большие пирамиды не играли особой сакральной роли, и местное население воспринимало их не более, чем удобный склад строительного материала. Это очередное серьезное свидетельство тому, что пирамиды были построены намного раньше древнеегипетского периода и, с точки зрения местного населения, стояли тут испокон веков, мало чем отличаясь от природных скал.

Пирамида Миккерина

В общем-то, те же признаки, что были перечислены выше, содержит и знаменитое плато Гизы. Начиная с того, что ни одна из стоящих здесь пирамид не имеет достоверных письменных свидетельств причастности к их постройке именно фараонов и заканчивая многочисленными техническими деталями, буквально все говорит о нерешенной загадке их происхождения.

Так, в пирамиде Миккерины имеется второй нисходящий коридор, идущий немного выше и почти параллельно проходу, открытому для посещения туристов. Однако этот второй коридор не выходит на поверхность, а заканчивается в нескольких метрах от нее. Обычная трактовка этого обстоятельства сводится якобы к внезапному изменению планов строителей по мере возведения пирамиды. Будто бы, не удовлетворившись первоначальными размерами, Миккерин приказал увеличить строение, в результате чего выход из старого коридора оказался закрытым дополнительными слоями блоков, а взамен него и чуть ниже обустроили новый проход. Интересно, какие причины могли помешать строителям просто удлинить старый коридор? На данную несуразность мало кто обращает внимание, но от этого она не перестает быть аргументом против официальной версии. Что еще более удивительно, похожие «дублирующие» проходы известны также в пирамидах Хефрена, Ломаной и в Ложной. Выходит, каждый следующий архитектор следующего фараона наступал на одни и те же грабли? Что-то тут явно не стыкуется со здравым смыслом...

Пирамида Хефрена

Удивительно, но очень часто очевидные вещи остаются незамеченными, даже если на них смотрят тысячи людей. Яркой иллюстрацией этого любопытного свойства человеческого внимания является основание пирамиды Хефрена. В некоторых старинных и современных описаниях упоминается, что нижние ряды кладки этой пирамиды составляют блоки, размеры которых достигают десятков метров, а вес – сотни тонн. В сравнении с ними представляются ничтожными даже огромные мегалиты храма Долины, и кажется совершенно невероятным, чтобы подобные гиганты кем-то вообще могли передвигаться с места на место. Впрочем, все именно так и обстоит. Дело в том, что основание пирамиды Хефрена, во всяком случае с его западной и частично с северной стороны, до высоты порядка пяти метров высечено из монолитного скального выступа. Твердое доказательство этому факту находится прямо напротив соответствующих склонов. Примерно в пятидесяти метрах от них вертикально вверх поднимается стена обрыва, которая наверху переходит в почти горизонтальное скальное плато. Стена эта явно рукотворного происхождения, ровная и идет сперва параллельно западной грани пирамиды Хефрена, а затем, сделав поворот на 90 градусов, параллельно северной грани. Приглядевшись, можно заметить идентичность структуры этих стен с нижними ступенями пирамиды. И на обрыве, и на пирамиде прямо друг напротив друга выделяются почти одинаковые следы выветривания, как в виде обширных полос, так и в виде характерных углублений. Трещины, пронизывающие обрыв, проходят через пятидесятиметровый участок горизонтальной поверхности и, ничуть не изменяясь, имеют свое продолжение на нижних ступенях пирамиды, заканчиваясь только там, где материковый монолит сменяют отдельные блоки истинной кладки. Кстати, с инженерной точки зрения прием, использованный строителями,

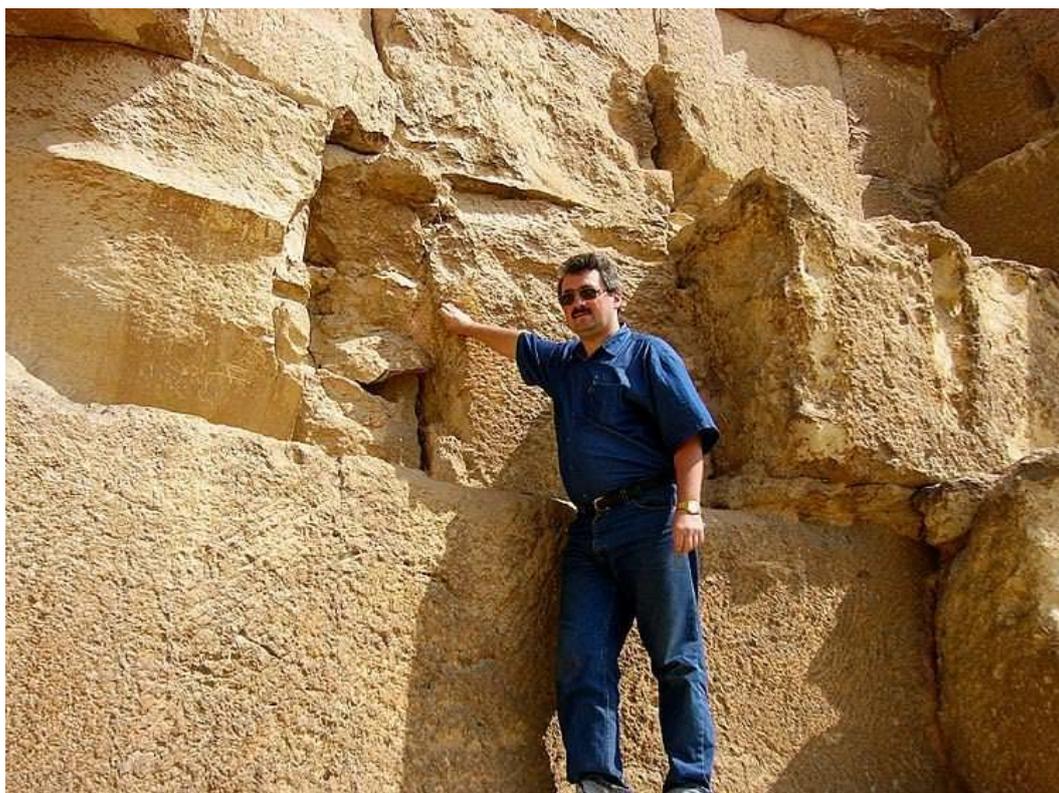
был вполне оправдан. Плато, на котором задумывалась стройка, имеет небольшой наклон к юго-востоку. Теоретически можно было бы по горизонту выровнять всю площадку и только потом приступить к строительству. Но тогда бы потребовалось сначала убрать тысячи кубометров скальной породы, а затем положить вместо нее отдельные блоки. Строители же предпочли более рациональный вариант и прорубили в скале траншею шириной пятьдесят и глубиной до семи метров, параллельно придав стенкам со стороны пирамиды ступенчатую форму. В результате такого решения объем строительных работ был сокращен на десятки тысяч кубических метров. Очень изящное решение! И это притом, что иногда даже профессиональные египтологи берут на себя смелость утверждать, что перед строительством пирамид на плато Гиза сперва выравнивалась идеальная горизонтальная площадка и лишь потом на ней начиналась укладка отдельных блоков. Как видим, реальность существенно отличается от подобных заявлений.

С противоположной юго-восточной стороны пирамиды Хефрена наблюдается обратная картина. Здесь скальное основание сразу за пирамидой, где идет опоясывающая площадка, оказалось до полутора метров ниже нулевой отметки. Чтобы выровнять эту площадку архитекторы пошли на беспрецедентное решение – доложили недостающий уровень специальной кладкой, но не так, как поступил бы любой нормальный строитель погребального сооружения, подсыпав песка или уложив множество мелких кирпичей, они сделали это из известняковых мегалитов размером до 8×8×1,5 метра! Еще раз подчеркнем, речь идет не о самом теле пирамиды, а всего лишь о смотровой площадке, то есть самой обычной мостовой. На наш взгляд, подобное решение говорит о чрезвычайной важности именно таких огромных плоских блоков рядом с пирамидой, а такая важность, в свою очередь, могла проистекать только из технических соображений, но никак не из ритуальных...

Пирамида Хеопса

У пирамиды Хеопса, так же как и у стоящей рядом пирамиды Хефрена, некоторые нижние ступени высечены из материковой скалы (рис. 6). И хотя масштаб полученной от этого «экономии» не идет в сравнение с объемом скального выступа у соседки, сам факт использования природных особенностей рельефа восхищает своим рационализмом.

Вообще, пирамида Хеопса содержит в себе настолько много свидетельств, почему она никак не могла быть гробницей, что только одно их перечисление заняло бы несколько страниц. Отметим наиболее значимые из них. Прежде всего это чрезвычайная сложность внутреннего устройства. Прямые как стрелы нисходящий и восходящий коридоры, уходящая вверх правильными и ровными ступенями Большая Галерея, гранитные предкамера и камера Царя, три гранитные пробки, четыре «вентиляционные» шахты, «разгрузочные» камеры и т.д.

Рис. 6. Автор у основания пирамиды Хеопса

На то, что все элементы внутренних помещений пирамиды Хеопса тщательно продумывались, указывают и так называемые Коридоры испытаний. Эти Коридоры расположены под поверхностью скалы в сотне метров от южной стороны пирамиды и представляют собой копию основных проходов с точнейшим соблюдением их поперечных размеров и пропорций. Конечно, предварительное моделирование проходов могло понадобиться и при строительстве ритуальных помещений, однако существенно более логично этим заниматься при возведении технических сооружений, для которых вопрос функциональности может зависеть от мельчайших деталей.

Заключение

Что же выходит? Многочисленные факты, как на поверхности, так и внутри Больших пирамид, говорят в пользу того, что своим появлением данные грандиозные сооружения обязаны совсем не Египту времен фараонов, а появились намного раньше, как минимум за десять тысяч лет до нашей эры. Но с общепринятой точки зрения, в эту эпоху человечество находилось в каменном веке и принципиально не могло заниматься не только строительством пирамид, но и намного более простыми постройками. Тогда остается два варианта: либо допустить, что в это время Землю с какими-то целями посетили пришельцы; либо история человечества данного периода совсем не такая, как сегодня считается. Автор является сторонником второй точки зрения и убежден, что известный нам современный рывок в развитии

человеческой цивилизации совсем не первый. Похоже, однажды (а может и не один раз) человек уже проходил путь развития от примитивного уровня до высокотехнологичного. Более того, тот факт, что наша современная цивилизация не знает технических задач, для решения которых нужны циклопических размеров пирамидальные сооружения, может говорить, что тот предыдущий взлет был связан с существенно иными научными открытиями. Если современную цивилизацию можно уверенно связывать с освоением прикладных возможностей электромагнитного поля, то наши предшественники, вместо аналогичного пути развития, похоже, вышли на эксплуатацию полезных свойств совсем иного фундаментального поля, причем такого, которое совсем или почти совсем неизвестно нам. Возможно, этим обстоятельством как раз и объясняются те многочисленные моменты, когда современные ученые смотрят на явно технические древние устройства, но, не находя в них знакомых по освоенной нами электромагнитной специфике элементов, ошибочно констатируют сугубо примитивное назначение дошедших до нас строений. Возможно, к таким же ошибочным выводам пришел бы даже Леонардо да Винчи, покажи ему кто-то огромные остатки плотины гидроэлектростанции, особенно если из последней изъять все металлические детали.

Однако мы должны идти дальше. Навряд ли сооружения, пусть даже работающие на неизвестных нам фундаментальных принципах, могли вообще обойтись без участия металлов. Да и в процессе строительства, если все возводилось усилиями действительно высокоразвитой цивилизации, просто обязаны были применяться металлы и их соединения. Куда же все это делось? Может быть, правда на стороне тех, кто придерживается инопланетной версии происхождения пирамид? Мол, прилетели, выгрузили строительную технику и технологические устройства, построили пирамиды, оснастили оборудованием, запустили, поработали, решили свои задачи, а потом всю начинку демонтировали, инструменты и строительную технику разобрали, погрузив в свои космические корабли, и отбыли в неизвестном направлении... Но уж слишком экзотична такая версия. Нам представляется, что все обстоит намного прозаичнее. Просто нужно учитывать, что с момента гибели той предыдущей высокоразвитой цивилизации прошло не менее десятка тысяч лет, причем первые тысячелетия с того момента были отмечены обильным количеством осадков и условиями, способствовавшими интенсивной коррозии. Другими словами, все то, что могло бы хоть как-то идентифицироваться современными специалистами как развитые технические устройства, банально рассыпалось в прах и лежит себе спокойно в виде кучек ржавчины и непонятного пепла... К тому же еще сверху обильно покрытое песком и культурными наслоениями.

Следует ли отсюда вывод, что мы никогда не установим точно, как все было? Нет! Нужно просто перенести основной акцент археологических изысканий вокруг пирамид с сохранившихся, но малоинформативных артефактов на ту самую ржавчину и пыль, что могла остаться от некогда работавших технических устройств. Действительно, если в горстке грязи на дне

древней ямы вдруг обнаружится в больших количествах железо, никель, хром, какие-то редкоземельные элементы, в общем все то, что никак не могло целенаправленно использоваться при строительстве пирамид зодчими фараонов, это и будет означать, что перед нами весомые доказательства существования древней высокоразвитой цивилизации. Значит, и версия с космическими пришельцами, которые увезли все инструменты с собой может стать менее привлекательной. Ну, а общепринятую сегодня версию с гробницами фараонов в этом случае вообще можно смело отправлять в архивы истории.

К сожалению, предыдущие попытки автора и его единомышленников привлечь внимание профессиональных археологов хотя бы к гипотетической возможности смены представлений о древнейшей истории Египта и всего человечества оказались безуспешными. Хочется надеяться, что эта небольшая статья хоть немного приблизит то время, когда вопрос о серьезных исследованиях возможности существования предшествовавших нам техногенных цивилизаций будет включен в список актуальных. И как знать, быть может, сосредоточившись на тщательных химических исследованиях тысячелетней пыли в глубинах древних ям вокруг Великих пирамид, нам, наконец, откроется истина...

P.S. На страницах сайта Лаборатории альтернативной истории, организатором которого является Андрей Юрьевич Складов, имеется небольшой материал по химическим анализам вещества донных отложений нескольких ям вокруг пирамиды Хефрена. Желающие познакомиться с результатами этого частного и неофициального исследования могут найти более подробную информацию на сайте: URL: <http://www.lah.ru/mast/an-giza2008.htm>

THE TIME OF THE PYRAMIDS

D.G. Pavlov

The seven largest and most mysterious Egyptian pyramids are still hiding answers to the questions of who built them, how and why. An analysis of the construction waste that has been preserved in artificial hollows inside and around the pyramids could help obtain answers to these questions. The finding of substantial quantities of such substances as, for example, iron, nickel, chromium, molybdenum, and rare earth metals, hitherto buried in the dust of time, could compel historians to change the existing views on the ancient history of mankind.

Key words: pyramids, counterfactual history, ancient highly advanced civilizations.

ИЗ НАСЛЕДИЯ ПРОШЛОГО

КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕГО МИРА

М.М. Постников

(Предисловие из книги с данным названием. – Т. 1: Античность. – М.: Крафт. ЛЕАН, 2000. – С. 5–9)

Известный ученый и революционер, член Исполнительного Комитета Народной Воли, почетный академик Николай Александрович Морозов (1854–1946) опубликовал в 1924–1932 гг. многотомное исследование «Христос» (первоначальное название – «История человечества в естественно-научном освещении»), в котором подвергнуты коренному пересмотру традиционные представления о древней истории человечества. Положения Морозова были полностью отвергнуты учеными-историками, по существу, без всякого анализа, и понятно почему. Впечатления, представления и мнения, которые человек получает где-то в самом раннем детстве, – это так называемый импринтинг, – очень твердо усваиваются, и их очень трудно изменить. Так дело обстоит, например, с религиозными представлениями. То же самое происходит и при обучении студентов. На первом курсе сообщаются некоторые факты, и эти факты помещаются в очень глубокой памяти, и студент ими пользуется, совершенно не задумываясь, справедливы они или нет. Он их воспринял на первом курсе без всякой критики. Сообщено было профессором, и поэтому надо сдать экзамен, а не критиковать. Потом уже к этому он не возвращается.

Все, что помещено в память посредством импринтинга, очень трудно выкорчевывается. Это мы знаем на примере религии, когда, после того как где-то в раннем детстве человеку сообщены основные принципы веры, он остается верующим и взрослым, хотя рационально он это уже не обдумывает, атеистическую критику не воспринимает, а если он, паче чаяния, вдруг начинает размышлять, то, как правило, веру теряет. Этим объясняется также ярость, с которой борются с инакомыслящими. Их сжигают на кострах или убивают в религиозных войнах. Это проявления одного и того же психологического механизма. Мы просто боимся изменить импринтированные идеи и стараемся против этого, как можем, бороться. Этим же объясняется, почему наука так консервативна. Идеи и результаты, которые получены, очень

трудно изменить. **Наука не терпит новых идей, она с ними борется.** Новые идеи принимаются только тогда, когда они высказаны или поддержаны авторитетным ученым, и чем радикальнее идея, тем выше должен быть его авторитет. И чтобы новые идеи победили и стали общепринятыми, нужны очень большие усилия и долгое время.

Я познакомился с книгой Морозова году в 1965-м, но мои попытки обсудить его соображения с профессиональными историками ни к чему не привели. Все кончалось более или менее площадной руганью и утверждениями типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!». Самым вежливым образом отреагировал Л.Н. Гумилев, заявив: «Мы, историки, не лезем в математику и просим вас, математиков, не лезть в историю!» Он в принципе прав – науку должны развивать специалисты и только специалисты, но вместе с тем специалисты должны четко и убедительно отвечать на недоуменные вопросы профанов и разъяснять им, в чем они не правы. Как раз этого я не мог добиться от специалистов-историков.

Пришлось мне самому разбираться, в чем тут дело, и постепенно я пришел к выводу, что Морозов во многом прав и ошибается не Морозов, а наука история, которая где-то в XVI веке повернула не туда в результате работы Скалигера и Петавиуса.

Мое чтение литературы по истории обнаружило удивительный феномен – практически в каждом абзаце любого сочинения по истории античности пристрастный «морозовский» взгляд обнаруживает подгонки и логические скачки, совершенно незаметные «ортодоксальному» читателю (см., например, § 8, гл. 1 и § 6, гл. 2). Это более всего убедило меня в справедливости морозовской точки зрения.

В это время Д.Т. Фоменко, прослышав про Морозова, обратился ко мне с просьбой систематически изложить его теорию. Я долго не поддавался его уговорам, но в конце концов сдался и прочитал серию лекций, где изложил теорию Морозова в моей интерпретации. После этого Фоменко и Мищенко организовали на мехмате МГУ спецсеминар «по Морозову». На основе моих лекций и материалов этого семинара Фоменко и Мищенко составили некий текст, который мне решительно не понравился и который я поэтому подверг кардинальной переработке, в основном с целью более подробно осветить первоначальные идеи Морозова (даже тогда, когда я с ними не вполне согласен). Однако Фоменко и Мищенко не приняли моих поправок, так что окончательная переработка была осуществлена мною единолично. Впоследствии я ее существенно расширил, добавив еще один, третий, том.

В 1977 г. эта рукопись была размножена в ИНИОН (всего было изготовлено 20 копий), с тем чтобы обсудить ее на отделении истории АН. Но это обсуждение оказалось, как и следовало ожидать, диалогом двух глухих и окончилось практически ничем.

В течение следующих 20 лет я больше ко всему этому не возвращался, поскольку для себя я все понял, а дальнейшее развитие этой тематики я счи-

тал (и считаю) делом профессиональных историков, которые рано или поздно будут, безусловно, принуждены оставить чисто негативное отношение и содержательно во всем разобраться.

Совсем иную позицию занял А.Т. Фоменко, развивший энергичную деятельность и в последнее время опубликовавший целый ряд книг, в которых он при пересмотре древней и средневековой истории пошел значительно дальше Морозова. Помимо всего прочего это снова оживило интерес к исходным идеям Морозова, и издательство Крафт предложило мне опубликовать мою рукопись 1977 года. При подготовке ее к печати я ничего нового не добавил (хотя и мог) и лишь удалил главы, содержащие соображения Фоменко и Мищенко. Влияние первоначальной рукописи Фоменко осталось в основном лишь в подборе цитат, подтверждающих точку зрения Морозова.

Хотя настоящее сочинение содержит, как мне представляется, изложение всех основных идей Морозова, это не значит, что я со всеми ими согласен хотя бы потому, что о некоторых его соображениях я не могу квалифицированно судить, верны они или нет. Они все же здесь приведены, чтобы у читателя сложилось собственное мнение. Однако мною был осуществлен, конечно, определенный отбор, так что вполне возможно, что сам Морозов мог бы обвинить меня в искажениях. Таким образом, вся ответственность за этот текст лежит, в конце концов, целиком на мне.

Последние годы ознаменовались появлением большого числа сочинений, посвященных так называемой «паранауке». В области истории – это «атлантоведение», представление о существовании в далеком прошлом (чуть ли не в третичном периоде) культурнейших цивилизаций, убеждение в посещении Земли космическими пришельцами и т.д. Не обсуждая здесь эти вопросы по существу, нельзя все же не отметить, что адепты паранауки отличаются невероятным легковерием, выражающимся в апеллировании к непроверяемым показаниям «очевидцев», которые, как правило, характеризуются очень неопределенно («один летчик», «один турист» и т.п.). Проверка их ссылок на «материальные свидетельства» (скажем, на пресловутый «зальцбургский параллелепипед») обнаруживает, что этих свидетельств либо просто нет, либо они были «уничтожены» или «пропали» при неясных и неуточняемых обстоятельствах. В связи с этим особенно любопытно, что **так называемая «античная история» (в отличие, скажем, от новой истории) обнаруживает все характерные черты современной паранауки.** Выявление этого замечательного факта (конечно, в других терминах) и является одной из основных заслуг Морозова. Подробному обсуждению этого вопроса посвящена первая часть настоящей книги, в эпилоге к которой описываются также основные принципы и методы исследования.

В литературе бытует много совершенно неправильных мнений о труде Морозова. Например, утверждается, что ядро его теории состоит якобы в «астральном» истолковании библейских мифов. На самом же деле это астральное истолкование настолько малосущественно, что здесь его рассмотрение оказалось возможным отложить до последней главы второго тома, являющейся всего лишь своего рода комментарием к предыдущим главам.

Более того, хотя исследование Библии (отнюдь не в астральном истолковании) и играет у Морозова весьма существенную роль, но все же его основные утверждения могут быть обсуждены и обоснованы без какого-либо упоминания библейских мотивов. Это видно хотя бы из того, что в первом томе настоящего сочинения Библия нигде не упоминается.

Очень распространено также мнение, что основным орудием Морозова была астрономия (так и пишут, что он произвел «астрономический переворот в исторической науке»). Это тоже не совсем так: астрономические соображения играют у Морозова хотя и важную, но все же вспомогательную роль. В последние годы – особенно в связи с публикациями А.Т. Фоменко, – стали также говорить о «математическом перевороте в исторической науке». Это также неправомерно: хотя математико-статистические наблюдения Морозова, развитые и углубленные Фоменко, часто поразительны, но самостоятельной доказательной силы они не имеют, поскольку любое применение математики всегда, хотя бы и неявно, основывается на предварительной содержательной интерпретации. К тому же статистические эффекты, на которых основывается Фоменко – не Морозов! – насколько я могу судить на основании мнений моих коллег (сам я не являюсь специалистом в области статистики) могут быть оспорены и с чисто математической точки зрения.

Вообще, никакие естественнонаучные соображения (астрономические, математико-статистические, геологические) решающей роли в историческом исследовании играть не могут. Они всегда должны быть интерпретированы в рамках базисной парадигмы и без нее повисают в воздухе.

Уверенность в теории Морозова дает ее синтетический характер, сочетание в ней (часто в причудливой и почти всегда неожиданной форме) общетеоретических, математических, астрономических, лингвистических, геологических и прочих соображений. В отличие от сторонников паранауки Морозов в своих главных критических утверждениях основывается, как правило, на самых фундаментальных фактах истории, которые можно найти в любых монографиях, учебниках и в научно-популярной литературе. Чтобы подчеркнуть этот факт, в тексте обильно цитируются элементарные учебники и популярные книги. Поскольку для этого подходила практически любая книга, цитируемые сочинения специально не отбирались, а брались первые попавшиеся. Хотя, возможно, что при этом использовались не лучшие и не наиболее авторитетные источники, случайность их выбора имела целью еще раз подчеркнуть всеобщность используемой Морозовым информации.

С целью помочь читателю ориентироваться в книге каждая глава завершается «Итогами», а каждый параграф – «Заключением», в которых кратко подытоживается содержание главы (параграфа). В совокупности эти «Итоги» и «Заключения» составляют своего рода краткий конспект книги.

Все выделения в цитатах (как правило курсивом) принадлежат мне.

М.М. Постников

Август 1997 г.

P.S. В последние годы А.Т. Фоменко с сотрудниками выпустил в свет целый ряд книг, продолжающих и развивающих идеи Морозова. Он совсем по-иному реконструирует историю средневековья. Сама возможность этого еще раз подчеркивает, насколько зыбки и неопределенны наши знания о прошлом.

Реконструкция Фоменко вызвала оживленную дискуссию, но его противники, – во многом, по-видимому, правые – обыкновенно лишь мимоходом обсуждают основной вопрос о надежности общепринятых мнений о прошлом.

Очень может быть, что во многих своих деталях реконструкция Фоменко ложна, но это не опровергает ложности и для ряда стандартных исторических воззрений.

По ряду более или менее очевидных причин надежная реконструкция далекого прошлого, по-видимому, невозможна, даже в самых грубых чертах. Это задача для профессиональных историков, а не для дилетантов, даже если они математики и академики. К сожалению, историки еще явно не готовы ее решать.

A CRITICAL STUDY OF THE CHRONOLOGY OF THE ANCIENT WORLD

M.M. Postnikov

*(Foreword from the book of the same title. – Vol. I. Antiquity. –
M.: Kraft-Lean Publishing House, 2000. – P. 5–9)*

ИСТОКИ ИСТОРИИ И ЕЕ ЦЕЛЬ

Карл Ясперс

(Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 32–50)

Ось мировой истории, если она вообще существует, может быть обнаружена только эмпирически, как факт, значимый для всех людей, в том числе и для христиан. Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть; где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, независимо от определенного религиозного содержания, могло стать настолько убедительным – если не своей эмпирической неопровержимостью, то, во всяком случае, некоей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, – что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости. Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем.

1. Характеристика осевого времени

В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исая, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга. Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира. Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объек-

том мышление. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт. Испытывались самые противоречивые возможности. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохраняла их взаимообусловленность, – все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом.

В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности.

Этот процесс заставил многих пересмотреть, поставить под вопрос, подвергнуть анализу все бессознательно принятые ранее воззрения, обычаи и условия. Все это вовлечено в водоворот. В той мере, в какой воспринятая в традиции прошлого субстанция была еще жива и действенна, ее явления прояснялись и она тем самым преображалась.

Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божеество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания.

Все эти изменения в человеческом бытии можно назвать одухотворением: твердые изначальные устои жизни начинают колебаться, покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий. Человек уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя, и поэтому открыт для новых безграничных возможностей. Он способен теперь слышать и понимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал и что никто не возвещал. Неслыханное становится очевидным. Вместе с ощущением мира и самого себя человек начинает ощущать и бытие, но не полностью: этот вопрос остается.

Впервые появились философы. Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля близки по своей сущности, как бы они ни отличались друг от друга по своей вере, содержанию и внутренней структуре своего учения. Че-

ловек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой.

В спекулятивном мышлении он возносится до самого бытия, которое постигается без раздвоения, в исчезновении субъекта и объекта, в слиянии противоречий. То, что в высочайшем порыве познается как возвращение к самому себе в бытии или как *unio mystica* (мистическое единство), как единение с божеством или как ощущение себя орудием воли Божьей, в объективирующем, спекулятивном мышлении выражается таким образом, что допускает двойственное или даже ложное истолкование.

Это – подлинный человек, который, будучи связан и скрыт плотью, скован своими влечениями, лишь смутно осознавая самого себя, стремится к освобождению и спасению и действительно способен обрести его уже в этом мире в порыве вознесения к идее, в несокрушимом спокойствии души, в медитации, в понимании того, что он сам и весь мир есть атман, в состоянии нирваны, в единении с дао или в покорности воле Божьей. По своей настроенности и по содержанию веры эти пути к спасению сильно отличаются друг от друга, но общее здесь то, что человек выходит за пределы своего индивидуального существования, сознавая свое место в целостности бытия, что он вступает на путь, пройти который он должен в качестве данной индивидуальности. Он может отказаться от всех мирских благ, уйти в пустыню, в лес, в горы; став отшельником, познать творческую силу одиночества и вернуться в мир обладателем знания, мудрецом, пророком. В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью.

То, что достигается отдельным человеком, отнюдь не становится общим достоянием. В те времена дистанция между вершинами человеческих возможностей и массой была чрезвычайно велика. Однако то, чем становится единичный человек, косвенным образом изменяет всех людей. Человечество в целом совершает скачок.

Новому духовному миру соответствует определенное социальное устройство, аналогичные черты которого мы обнаруживаем во всех трех рассматриваемых здесь областях. В этот период существовало множество мелких государств и городов, шла борьба всех против всех, и при этом оказалось возможным поразительное процветание, рост могущества и богатства. В Китае при слабых правителях династии Чжоу маленькие государства и города жили своей суверенной жизнью, процесс политического развития вел к увеличению одних мелких государств за счет других мелких государств, подчинившихся им. В Элладе и на Ближнем Востоке мелкие государства жили своей независимой от какого-либо центра жизнью, даже те, которые находились под властью Персии. В Индии существовало множество государств и самостоятельных городов.

Постоянное общение способствовало интенсивному духовному движению в каждом из трех миров. Китайские философы (Конфуций, Мо-цзы и другие) странствовали, чтобы встретиться друг с другом в знаменитых, бла-

готворных для духовной жизни центрах (они основывали школы, которые синологи называют академиями) совершенно так же, как странствовали софисты и философы Эллады и как всю свою жизнь странствовал Будда.

Прежде духовное состояние людей было сравнительно неизменным, в нем, несмотря на катастрофы, будучи ограниченным по своему горизонту, все повторялось в незаметном и очень медленном духовном течении, которое не осознавалось и поэтому не познавалось. Теперь же, напротив, напряжение растет и становится основой бурного, стремительного движения.

И это движение осознается – человеческое существование в качестве истории становится теперь предметом размышлений. Люди ощущают, знают, что в их время, в настоящем, начинается нечто исключительное. А это, в свою очередь, ведет к осознанию того, что данному настоящему предшествовало бесконечное прошлое. Уже на ранней стадии такого пробуждения собственно человеческого духа человек преисполнен воспоминаний; у него создается впечатление, что он живет на поздней стадии развития, более того, в период упадка.

Люди ощущают близость катастрофы, стремятся помочь пониманием, воспитанием, введением реформ. Планируя, они пытаются овладеть ходом событий, восстановить необходимые условия или создать новые. История в ее целостности мыслится как последовательная смена различных образов мира: либо в сторону постоянного ухудшения, либо как круговорот или подъем. Создаются теории, которые должны определить, как наилучшим образом устроить совместную жизнь людей, управлять и править ими. Реформаторские идеи подчиняют себе деятельность людей. Философы переходят из государства в государство, выступают как советники и учителя, их презирают и вместе с тем ищут, они полемизируют и соревнуются друг с другом. В социологическом аспекте существует прямая аналогия между неудачами Конфуция при императорском дворе государства Вэй и Платона в Сиракузах, между школой Конфуция, где воспитывались будущие государственные деятели, и академией Платона, которая ставила перед собой ту же цель.

Эпоха, в которой все это происходило на протяжении веков, не была периодом простого поступательного развития. Это было время уничтожения и созидания одновременно. И завершения достигнуто не было. Высшие возможности мышления и практики, получившие свое осуществление в отдельных личностях, не стали общим достоянием, ибо большинство людей не могло следовать по этому пути. То, что вначале было в этом движении свободой, стало в конечном итоге анархией. И когда эта эпоха лишилась творческого начала, в трех областях культуры было произведено фиксирование концептуальных воззрений и их нивелирование. Из беспорядка, ставшего невыносимым, возникло тяготение к новому единению в деле воссоздания прочных условий жизни.

Завершение носит прежде всего политический характер. Почти одновременно в ходе завоевания насильственно создаются большие могущест-

венные империи – в Китае (Цинь Ши-Хуанди), в Индии (династия Маурья), на Западе (эллинистические государства и *imperium Romanum* (Римская империя)). Повсюду, возникая из руин, складывался прежде всего технически и организационно планомерный порядок.

Однако повсюду сохранилось воспоминание о духе предшествующей эпохи. Он стал образцом и объектом почитания. Его творения и великие люди стояли у всех перед глазами и определяли содержание обучения и воспитания (династия Хань конструировала конфуцианство, Ашока – буддизм, эпоха Августа – эллинистическо-римскую образованность).

Предполагалось, что сложившиеся в конце осевого времени мировые империи будут существовать вечно. Однако их стабильность была иллюзорной. Если по сравнению с государственными образованиями осевого времени существование этих империй и было достаточно длительным, то в конечном итоге они также пришли в упадок и распались. Последующие тысячелетия принесли большие изменения. В этом аспекте гибель и возрождение великих империй составляли историю послеосевого времени, продолжали историю великих культур древности, которая длилась много тысячелетий; однако различие заключалось в том, что возникшее в осевое время духовное напряжение с той поры не переставало оказывать свое воздействие на людей, придавая их деятельности новую неопределенность и новое значение.

2. Попытка наметить структуру мировой истории, от осевого времени

Ряд приведенных мною соображений недостаточен для решающего обоснования истинности исторического воззрения. Дать ясность этому тезису – или привести к отказу от него – может только отчетливое представление о всей совокупности исторических данных. Создать его одна небольшая книга не может. Мои указания – не более чем постановка вопроса и предложение проверить значимость этого тезиса.

Если мы сочтем его истинным, то окажется, что осевое время как бы проливает свет на всю историю человечества, причем таким образом, что вырисовывается нечто, подобное структуре мировой истории. Попытаюсь наметить эту структуру:

1. Осевое время знаменует собой исчезновение великих культур древности, существовавших тысячелетиями. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им гибнуть – независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы. Все то, что существовало до осевого времени, пусть оно даже было величественным, подобно вавилонской, египетской, индийской или китайской культуре, воспринимается как нечто дремлющее, непробудившееся. Древние культуры продолжают существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в осевое время, восприняты новым началом. По сравнению с ясной человеческой сущностью осевого времени предшествующие ему древние культуры как бы скрыты под некоей своеобразной пеленой, будто человек того времени еще не достиг подлинного самосознания. Этого не меняет ряд таких поразительных

по своей глубине, но не оказавших серьезного влияния свидетельств, которые мы обнаруживаем в Египте («Разговор утомленного жизнью со своей душой»), в вавилонских покаянных псалмах и в эпосе о Гильгамеше. Монументальность в религии, в религиозном искусстве и в соответствующих им огромных авторитарных государственных образованиях была для людей осевого периода предметом благоговения и восхищения, подчас даже образцом (например, для Конфуция, Платона), но таким образом, что смысл этих образцов в новом восприятии совершенно менялся.

Так, идея империи, которая к концу осевого времени вновь обретает силу и в политическом отношении завершает этот период, заимствована у великих культур древности. Однако если первоначально эта идея была творческим принципом культуры, то теперь она становится принципом консервации и стабилизации гибнущей культуры. Создается впечатление, будто принцип, который некогда служил импульсом развития, принцип, фактически деспотичный, теперь вновь утверждается, но уже в качестве осознанно деспотического, и, замораживая общество, ведет к окостенению и застылости.

2. Тем, что свершилось тогда, что было создано и продумано в то время, человечество живет вплоть до сего дня. В каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспламеняются идеями той эпохи. С тех пор принято считать, что воспоминание и возрождение возможностей осевого времени – Ренессанс – ведет к духовному подъему. Возврат к этому началу – постоянно повторяющееся явление в Китае, Индии и на Западе.

3. Вначале осевое время ограничено в пространственном отношении, но исторически оно становится всеохватывающим. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне «природного» существования, их жизнь не исторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков. Люди вне трех сфер, составляющих осевое время, либо остались в стороне, либо вошли в соприкосновение с каким-либо из этих трех центров духовного излучения. В последнем случае они вошли в историю. Так, в орбиту осевого времени были втянуты на Западе германские и славянские народы, на Востоке – японцы, малайцы и сиамцы. Для многих пребывавших на уровне природного существования народов такого рода соприкосновение означало вымирание. Все жившие после осевого времени люди остались на уровне первобытных народов либо приняли участие в новом движении – единственном, имевшем основополагающее значение. Первобытные народы в период, когда уже существует история, являют собой пережиток доистории, сфера которой все время сокращается вплоть до того момента, когда она – и это происходит только теперь – полностью исчезает.

4. Между тремя сферами, о которых здесь идет речь, возможно – если они соприкасаются – глубокое взаимопонимание. Встречаясь, они осознают, что в каждом из них речь идет об одном и том же. При всей отдаленности

они поражают своим сходством. Правда, здесь нет того, что доступно объективации как общезначимая истина (впрочем, это вообще возможно только в строгой, методически продуманной науке, которая способна без какого-либо преобразования распространиться на весь мир и призывает всех к соучастию); однако то подлинное и безусловно истинное, чем мы, люди, черпая из различных источников, живем в нашей истории, соотносится друг с другом и распознается в разных культурах.

Все это можно резюмировать следующим образом: осевое время, принятое за отправную точку, определяет вопросы и масштабы, прилагаемые ко всему предшествующему и последующему развитию. Предшествующие ему великие культуры древности теряют свою специфику. Народы, которые были их носителями, становятся для нас неразличимыми по мере того, как они примыкают к движению осевого времени. Доисторические народы остаются доисторическими вплоть до того времени, пока они не растворятся в историческом развитии, идущем от осевого времени; в противном случае они вымирают. Осевое время ассимилирует все остальное. Если отпавляться от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные сохраниться во времени, и, во всяком случае, сохранившиеся до сего дня.

3. Проверка тезиса: осевое время

Подтверждается ли это фактами? Наиболее ранние, известные мне соображения по этому вопросу можно найти у Э. Лазо и В. Штрауса.

Э. Лазо пишет: «Не может быть случайностью, что почти одновременно за 600 лет до н. э. в качестве реформаторов народной религии выступили в Персии Заратустра, в Индии – Гаутама Будда, в Китае – Конфуций, у иудеев – пророки, в Риме – царь Нума, а в Элладе – первые философы ионийцы, дорийцы, элеаты» [1].

В. Штраус в своем замечательном комментарии к Лао-цзы утверждает: «В эпоху, когда в Китае жили Лао-цзы и Кун-цзы, все культурные народы были охвачены своеобразным духовным течением. В Израиле – это время пророков – Иеремии, Аввакума, Даниила, Иезекииля; в последующем поколении был воздвигнут второй храм в Иерусалиме (521–516). В Греции еще жил Фалес, выступили со своими учениями Анаксимандр, Пифагор, Гераклит, Ксенофонт, родился Парменид. В Персии произошла, по-видимому, серьезная реформация древнего учения Заратустры. А в Индии выступил Шакья – Муни, основатель буддизма» [2].

Впоследствии об этом обстоятельстве время от времени упоминалось, но всегда вскользь. Насколько мне известно, попытка понять эти явления в их совокупности и тем самым установить параллельность в универсальном развитии, охватывающем все духовное бытие тогдашнего человечества, ни разу не делалась.

Приведем возможные возражения против нашего построения.

1. Одно из них сводится к тому, что общность рассматриваемых явлений иллюзорна. Различия якобы столь велики – различие в языках, расах,

типах государственных образований, в памяти об историческом прошлом, — что все общие черты производят впечатление чего-то случайного. Каждая определенная формулировка общности в целом может быть опровергнута фактами. Иногда прибегают к тривиальному утверждению, что, по существу, уже все всегда было в виде попыток или возможностей. В реализации общечеловеческого предназначения различия составляют, согласно этому взгляду, существенное, своеобразное, историческое, а целое никогда не может быть достигнуто как некое единство, разве только в неисторических общих свойствах человеческого существования.

На это можно возразить следующее: в осевое время основным является именно общее в историческом развитии, прорыв к сохранившимся по сей день принципам человеческой жизни в пограничной ситуации. Здесь существенно именно то общее, что не возникает повсеместно на земном шаре как следствие человеческой природы, а исторически свойственно лишь этим трем истокам внутри узкого пространства. Вопрос состоит в том, не становится ли по мере роста нашего знания на фоне бесспорных различий все более очевидной глубина этого общего. Если это так, то совпадение во времени станет неоспоримым фактом, тем более для нас удивительным, чем яснее мы его осознаем. Убедительно это можно показать только на большом материале.

2. Дальнейшее возражение. Осевое время вообще не фактическая данность, а результат оценочного суждения. Чрезмерно высокая оценка творений этого периода основана на предвзятом мнении.

На это можно возразить: в области духовных явлений фактической данностью может быть только понимание смысла. Понимание же по своей природе всегда связано с оценкой. Историческое представление эмпирически всегда основано, правда, на совокупности отдельных, объединенных друг с другом фактов, но складывается не только из них. Лишь понимание дает нам представление как об историческом духе вообще, так и об осевом времени в частности. И это представление есть одновременно и понимание, и оценка, оно составляет наше эмоциональное восприятие, поскольку речь идет о нас самих, нас непосредственно касается, и не только как прошлое, которое мы постигаем в его прежнем воздействии, но как такое прошлое, чье дальнейшее, постоянно возобновляющееся воздействие не поддается предвидению.

Поэтому органом исторического исследования является человек в целом. «Каждый видит то, что заключено в его душе». Источник понимания создает наше присутствие в настоящем, «здесь и теперь» наша единственная действительность. Поэтому чем сильнее наш душевный порыв, тем отчетливее предстает нам осевое время.

Если иерархия исторических данных постигается только в соответствии с субъективным существованием человека, то эта субъективность гаснет не в объективности чисто предметного мира, но в объективности совместно-

го видения неким сообществом, которое человек ищет, если он не чувствует себя его членом, ибо истинно то, что нас объединяет.

Осевое время будет постигнуто нами сообща в его значении и в нерасторжимой от этого постижения оценке и когда-нибудь обретет значение в качестве такового для человечества в целом – таков мой тезис, который по самой своей природе не может быть неопровержимо доказан, но может быть убедительно подтвержден по мере расширения и углубления воззрений людей.

3. Следующее возражение. Выявленная нами параллель не носит исторического характера, ибо то, что близко друг другу в духовном отношении, не входит в единый исторический процесс. Это возражение выдвигали уже против Гегеля, рассматривавшего Китай, Индию и Западный мир как диалектическую последовательность ступеней в развитии мирового духа. Указывалось, что здесь между ступенями нет того реального соприкосновения, которое мы обнаруживаем в истории Западного мира. Однако в нашем тезисе речь идет о принципиально ином. Мы ведь отрицаем именно последовательность развития от Китая к Греции – его не было ни во временном, ни в смысловом аспекте; здесь наличествует, по нашему мнению, параллельное существование в одно и то же время и без взаимодействия. Ряд различных по своему происхождению путей ведет как будто к одной цели. Перед нами многообразие одного и того же в трех образах, три различных корня истории, которая впоследствии – после прерываемых отдельных соприкосновений, окончательно только через несколько столетий, собственно, только в настоящее время – обретает свое единство.

Поэтому наш вопрос сводится к характеру упомянутого параллелизма.

Каковы свойства названного параллелизма? Фактические данные могли бы быть не более чем суммой синхронных курьезов, не обладающих исторической значимостью. В истории можно найти множество странных синхронных явлений.

Так, в XVI веке иезуиты обнаружили в Японии буддийскую секту (существовавшую с XIII в.). Она казалась – и действительно была – поразительно близка по своему вероучению протестантам. В изложении япониста Флоренца (в учебнике *Chantepie de Saussaye*) вероучение этой секты заключалось в следующем: старание человека обрести спасение не имеет значения. Все дело в вере, в вере в милосердие Амиды и в его помощь. Нет таких добрых дел, которые были бы заслугой. Молитва не религиозное действие, а благодарность за спасение, дарованное Амидой. «Если уж праведные должны вступать в жизнь, то уж тем более это удел грешников». Так, Шинран, основатель этой секты, вопреки учению буддизма выставлял требование: никаких добрых дел, магических формул и заклинаний, амулетов, паломничеств, постов или каких-либо других видов аскезы. Мирянин обладает такой же возможностью спасения, как священнослужитель и монах. Священнослужители – не более чем члены сообщества, обучающего мирян. Нет необходимости в том, чтобы они отличались от мирян по своему образу жизни;

они носят такую же одежду, как миряне. Целибат отменяется. Семья считается наиболее плодотворной сферой религиозной деятельности. Члены секты должны были сохранять порядок, подчиняться государственным законам и в качестве добрых граждан заботиться о благе страны.

Это приведенное в качестве примера учение поразительно близко по своим основным принципам лютеранству. Существует множество других параллельных явлений, возникавших в веках на территории от Китая до Европы. Они получили свое отражение в ряде синхронистических таблиц.

На это можно возразить следующее:

Во-первых, по поводу многих исторических параллелей, как синхронных, так и несинхронных, можно сказать, что в них действует закономерность, относящаяся к отдельным явлениям. Лишь здесь, в осевое время, обнаруживается параллельность, возникающая не как следствие некоего общего закона; напротив, здесь собственно историческая, единичная данность носит всеохватывающий характер, включает в себя все духовные явления. Только в осевое время существовал универсальный во всемирно-историческом смысле параллелизм в целостности культур, а не простое совпадение единичных явлений. Отдельные явления еще не составляют параллелизма, который мы имеем в виду, говоря об осевом времени.

Во-вторых, близость трех параллельных течений существует лишь в упомянутое время. Попытка провести эту параллель в последующие периоды и отразить их в синхронистических таблицах, охватывающих тысячелетия, становится по мере удаления от осевого времени все более искусственной. Линии развития уже не параллельны, они расходятся. Если вначале они казались тремя путями, направленными к одной цели, то в дальнейшем они становятся совершенно чуждыми друг другу. Однако чем дальше мы отступаем вглубь, приближаясь к осевому времени, тем больше мы ощущаем родственность развития, тем ближе мы друг другу.

Мне представляется все менее вероятным, что этот общий аспект осевого времени лишь историческая иллюзия, игра случая. Напротив, создается впечатление, будто здесь обнаруживается нечто общее в своей глубине, выявляются истоки человеческого бытия. В том, что следует за этим временем, можно подчас, несмотря на все увеличивающееся расхождение, обнаружить аналогии, признаки общего происхождения из родственных сфер, но прежней полноты исконной и подлинной смысловой общности уже нет.

Единственный допускающий такое сравнение параллелизм всемирно-исторического значения – это время возникновения великих культур древности – Египта, Месопотамии, долины Инда и Китая.

Однако это совпадение растягивается во времени на тысячелетия. Начало его датируется периодом от 5000 до 3000 г. до н. э. (Двуречье и Египет); к тому же времени относятся древнейшие археологические находки на Крите и в Трое. Начало культуры Китая и долины Инда относится к третьему тысячелетию.

С великими культурами древности можно сопоставить культуры Мексики и Перу, возникшие, по-видимому, в первом тысячелетии н. э.

Здесь общее – высокая организация и развитая техника. В Египте, Двуречье, в долине Инда и в долине Хуанхэ в Китае возникают аналогичные по своему типу цивилизации с централизованным управлением и высокоразвитой организацией жизни.

Общий у них и магический характер религии без какого-либо философского освещения, без жажды спасения, без прорыва в свободу пограничных ситуаций, а также своеобразная статичность при наличии ярко выраженного стиля в произведениях искусства, в архитектуре и в пластическом искусстве.

Однако этот параллелизм не отличается той точной синхронностью, которая характеризует осевое время: к тому же здесь речь может идти только о сходстве сложившихся типов, а не духовных движений. Параллелизм находит здесь свое выражение в поразительно стабильных условиях, аналогичным образом восстанавливающихся после разрушительных катастроф. Это – мир, составляющий промежуточное звено между едва доступной нашему взору доисторией и той стадией истории, которая уже не допускает духовной стабильности; мир, который стал основой осевого времени, но обрел свою гибель в нем и из-за него.

В чем причина этого? Если само наличие параллелизма в осевое время не вызывает сомнения, то возникает вопрос, в чем его причина. Почему в трех различных сферах, независимо друг от друга, происходит одно и то же? Сначала тот факт, что эти три сферы на стадии своего возникновения не знают друг о друге, является как будто чем-то внешним, однако в этом кроется историческая тайна, которая все углубляется по мере исследования нами фактических данных. В осевом времени с его поразительным богатством духовного созидания, определившим всю историю человечества до наших дней, таится загадочность, особенность, в силу которой в трех сферах, независимо друг от друга, происходит аналогичное, однотипное развитие.

Тайна такой одновременности существовала, как мы показали, помимо осевого времени разве что еще в одном случае (следовательно, встречается вообще только два раза) – при возникновении великих культур древности. Вопрос гласит: почему из общего доисторического состояния народов в трех или четырех местах земного шара – в долинах Нила и Хуанхэ, в Месопотамии и Индии – развитие почти одновременно (с разницей, не превышающей два тысячелетия) привело к великим культурам древности?

На это отвечают обычно следующим образом: аналогичные задачи, связанные с разливом рек (забота об орошении и борьба с наводнениями), привели к аналогичным следствиям. Но почему же одновременно? И почему только в долинах этих рек? Почему это значительно позже в других условиях повторилось в Америке? Общение между народами могло иметь соответствующие последствия. Достижения цивилизации ремесленного типа всегда медленно распространялись по всему земному шару, во всяком случае по

всему Европейскому континенту. Изобретение письменности возникло, вероятно, где-то в одном месте, а затем было заимствовано другими народами; без письменности не могли быть решены задачи управления, и прежде всего осуществлено регулирование, связанное с разливом рек. Однако все это лишь возможные предположения. Связи между культурой Шумера в Двуречье и культурой долины Инда можно обнаружить в третьем тысячелетии, между Египтом и Вавилоном они возникают раньше и во втором тысячелетии уже весьма интенсивны. Однако простым заимствованием нельзя объяснить то, что в ряде мест развитие привело к возникновению великих культур далеких тысячелетий. Поэтому Э. Майер говорит: «Следует предположить, что к 5000 г. до н. э. *genus homo* (человеческий род) достиг такой ступени развития, которая позволила всем группам людей или народам, обладавшим известной предрасположенностью (то есть потенциальными духовными силами), для того чтобы вообще выйти из этой стадии развития, совершить переход на путь, завершившийся возникновением более высокой культуры» [3]. При таком понимании параллельные явления предстают как одновременно возникающие следствия биологического развития человека и становятся однопорядковыми ступенями его эволюции. То, что в силу общего биологического развития заложено в людях, являет себя одновременно и независимо от всего остального, подобно тому как это происходит на жизненном пути разьединенных друг с другом близнецов, вышедших из одной яйцеклетки.

Однако это соображение – не более чем ничего не объясняющие слова. Мысль эта пуста, поскольку она не открывает путь к дальнейшему исследованию. «Развитие *genus homo*» не является такой постигаемой реальностью, которая позволила бы что-нибудь обосновать, и прежде всего подобное биологическое развитие было бы присуще лишь небольшой части разбросанных групп людей, а не всему человечеству в целом.

Тайну одновременного начала осевого времени следует, как мне представляется, искать на совсем иной глубине, чем возникновение упомянутых великих культур древности. Во-первых, здесь одновременность выражена со значительно большей точностью; во-вторых, она относится к духовному и историческому развитию сознающего, мыслящего человечества в целом. В трех сферах, уже с возникновения великих культур, отмечавшихся признаками особенной подлинности, в последнее тысячелетие до н.э. возникли творения, на которых покоится вся последующая история человеческого духа.

По своим истокам эти течения самостоятельны. Наличие реальных заимствований и импульсов исключено. Лишь после того как в Китай в конце осевого времени проник буддизм, между Индией и Китаем возникла духовная коммуникация на более глубоком уровне. Связи между Индией и Западным миром существовали всегда, но большое значение они получили лишь в эпоху Римской империи, когда стали проходить через Александрию. Однако если исходить из взаимоотношений между Индией и Западом, то вопрос об

истоках этих течений вообще остается в стороне, а их дальнейшая эволюция не сможет быть с очевидностью определена. Посмотрим, как объяснялась эта тайна. Э. Лазо пишет: «Причиной этого поразительного совпадения может быть только внутреннее субстанциальное единство человеческой жизни и жизни народов, только общий всем народам порыв всей человеческой жизни, а не особое цветение одного народного духа» [1]. Однако это не объяснение, а лишь описание тайны.

В. Штраус говорит о тайном законе: «Это явление, параллелей которому в истории немало и которое позволяет прийти к выводу о действии таинственных законов, могло бы найти свое обоснование в одинаковом организме людей в силу их общего происхождения; но можно предположить и то, что здесь действует высшая духовная потенция, подобно тому как цветение в природе достигает своего полного великолепия лишь в живительных лучах солнца» [2]. Однако подобные высказывания лишь описывают тайну, о которой здесь идет речь, так же, как это делал Лазо. Их недостаток заключается также и в том, что они нивелируют единичность исторического явления, параллелизм осевого периода, распространяя его на мнимые виды общности, обнаруживаемые на протяжении всей истории человечества.

Г. Кайзерлинг говорит: «От поколения к поколению люди претерпевают изменения одинакового рода и в одинаковом направлении, а в поворотные моменты истории однотипные изменения охватывают гигантское пространство и совершенно чуждые друг другу народы» [4]. Но и это не более чем описание загадки, и притом дурное, поскольку оно носит чисто биологический характер без какого-либо действительного биологического обоснования.

Все объяснения такого рода игнорируют тот несомненный факт, что на этот путь стало совсем не все человечество, отнюдь не все люди, уже заселявшие в тот период нашу планету, а лишь немногие, относительно очень немногие, и только в трех местах земного шара. Так как в великих культурах древности эти процессы коснулись не людей как таковых, а лишь небольшой части человечества. Поэтому и делалась попытка опереться в решении этой проблемы не на биологические свойства людей, не на нечто, ошибочно возведенное в ранг всеобщего, присущего всему человечеству, а найти в рамках развития человечества общие исторические истоки тех немногих народов, которые претерпели это преобразование. Истоки эти нам, правда, не известны. Вероятно, их следует искать где-то в доистории в Средней Азии. Основываясь на таких общих истоках, параллельное развитие можно было бы, вероятно, объяснить родственностью. Однако эта идея до сих пор не может быть верифицирована. Она вызывает большие сомнения, так как исходит из общего происхождения столь различных народов, как китайцы, индоевропейцы и семиты, появление которых при таком толковании должно было бы относиться ко времени, отстающему от известного нам начала их истории лишь на несколько тысячелетий; в биологическом измерении – это

весьма небольшой отрезок времени, вряд ли достаточный для образования глубоких расовых различий.

Ответом на вопрос о причине упомянутой одновременности служит в настоящее время лишь гипотеза Альфреда Вебера [5], спорная в методологическом отношении. Вторжение кочевых народов из Центральной Азии, достигших Китая, Индии и стран Запада (у них великие культуры древности заимствовали использование лошади), имело, как уже было сказано, аналогичные последствия во всех трех областях: имея лошадей, эти кочевые народы познали даль мира. Они завоевали государства великих культур древности. Опасные предприятия и катастрофы помогли им понять хрупкость бытия; в качестве господствующей расы они привнесли в мир героическое и трагическое сознание, которое нашло свое отражение в эпосе.

Этот поворот истории был произведен индоевропейскими народами-завоевателями. В конце третьего тысячелетия они достигли Европы и Средиземноморья. Новый великий прорыв они совершили около 1200 г., когда достигли Ирана и Индии. В конце второго тысячелетия кочевые народы появились в Китае.

До этого времени на территории от Китая до Европы существовали уходящие в глубину времен древние культуры, характеризующиеся частично как матриархальные; это либо культуры оседлых скотоводов, либо просто проживающие в полной замкнутости народы, которые заселяли культурный пояс от Китая до Европы.

История превращается в борьбу между этими двумя силами – культурой матриархата, древней, стабильной, связанной, не пробудившейся, и новой динамичной, освобождающей, осознанной в своих тенденциях культурой кочевых народов.

Тезис Альфреда Вебера указывает на реальное единообразие внутри евро-азиатского блока. Однако в какой мере появление здесь кочевых народов было решающим, определить трудно. Географические условия и исторические констелляции создают, правда, известные предпосылки для объяснения интересующего нас факта, однако почему с этого момента начинается творческое созидание, остается для нас тайной.

Тезис Вебера обладает известной убедительностью в силу простого каузального объяснения, основанного на характерных жизненных свойствах кочевых народов. Однако он в лучшем случае указывает на одну предпосылку. Содержание же осевого времени столь необычно и всеобъемлюще, что вряд ли можно свести его к подобной причине даже в качестве одной из необходимых предпосылок. Контраргументом может служить Китай, где, вне всякого сомнения, возникает богатая содержанием культура осевого времени, но нет ни трагического сознания, ни эпоса. (В Китае возникает нечто близкое эпосу только в первые века н. э., в период длительных войн с новыми народами, напоминающий нашу эпоху великого переселения народов.) Противоречит этой концепции и Палестина, где не было вторжения

кочевников и, тем не менее, пророками был внесен существенный вклад в духовное созидание осевого времени.

Убедительность этой гипотезы снижается и потому, что передвижения народов, странствования и завоевания были известны на протяжении тысячелетий существования великих культур древности, а также потому, что индоевропейскими народами (а эти вторжения, в свою очередь, происходили в течение более тысячи лет), и началом духовного формирования осевого времени очень продолжителен, а следующее за этим периодом начало осевого времени поразительно по своей одновременности. Мы задаемся вопросом об исторической причине содержания осевого времени потому, что речь идет о пробуждении части человечества на небольших пространствах, а отнюдь не всех людей. Перед нами не развитие человечества в целом, а отрезок своеобразного извилистого исторического процесса.

Если Альфред Вебер подошел к решению этого вопроса с остроумной находчивостью, позволяющей дать определенный ответ, допускающий проверку и проведение плодотворной дискуссии, то обычно тайна несоприкасаемости трех самостоятельных истоков маскируется неопределенным утверждением об евроазиатской общности. Быть может, заявляют обычно голословно, все-таки существовало какое-либо неизвестное нам взаимовлияние. При этом указывают на общность истории всего Евразийского континента, которая определялась беспрерывными вторжениями, переселениями и завоеваниями, совершаемыми народами Центральной Азии, на сходство техники и орнамента, выявленное археологическими находками, сходство, уходящее далеко в доисторическую эпоху и позволяющее прийти к заключению, что между народами всего континента происходил постоянный обмен. На это можно, однако, возразить, что духовное движение осевого времени с его одновременностью и сублимированностью его содержания не может быть объяснено переселениями и обменом.

Самое простое объяснение явлений осевого времени может быть как будто дано в конечном итоге посредством сведения их к общим социальным условиям, благоприятным для духовного творчества: множество мелких государств и маленьких городов, время политической раздробленности и повсеместной борьбы; тяготы, вызванные войнами и переворотами, при одновременном процветании, поскольку нигде не было полного, радикального разрушения; сомнения в существующих устоях. Все эти социологические соображения очень значимы и способны служить основой методологического исследования, однако в конечном счете они лишь проливают свет на фактические данные, но не дают объяснения их причин, ибо все эти факты сами являются составной частью духовного феномена осевого времени. Это условия, которые совсем не обязательно должны вести к рассматриваемому нами творческому расцвету. Они сами должны быть подвергнуты исследованию, задача которого состоит в том, чтобы объяснить, почему они связаны с этим расцветом.

Никто не может полностью понять, что здесь произошло, как возникла ось мировой истории! Нам надлежит очертить контуры этого поворотного периода, рассмотреть его многообразные аспекты, интерпретировать его значение, для того чтобы на данной стадии хотя бы увидеть его в качестве все углубляющейся тайны.

Может создаться впечатление, будто, не признаваясь в этом, я хочу указать на то, что произошло божественное вмешательство. Ни в коей мере. Ибо это было бы не только *salto mortale* из сферы познания в сферу видимости познания, но и непозволительной навязчивостью по отношению к боже-ству. Я стремлюсь только опровергнуть удобное и, по существу, ничего не значащее толкование истории как постижимого и необходимого поступательного развития человечества, сохранить сознание соотнесенности нашего познания с определенными точками зрения, методами и фактами и тем самым сознание фрагментарности всякого познания, – стремлюсь сохранить этот вопрос открытым и оставить место для возможных новых концепций, которые мы теперь даже не можем себе представить.

Удивление перед тайной является само по себе плодотворным актом познания, источником дальнейшего исследования и, быть может, целью все-го нашего познания, а именно – посредством наибольшего знания достиг-нуть подлинного незнания, вместо того чтобы позволить бытию исчезнуть в абсолютизации замкнутого в себе предмета познания.

Вопрос о смысле осевого времени. Одно дело – вопрос о причине осе-вого времени и совсем иное – вопрос о его смысле. Фактические обстоятель-ства троекратно являющего себя осевого времени близки к чуду, поскольку действительно адекватное объяснение, как мы видели, находится за преде-лами наших возможностей. Скрытый смысл этих фактов вообще не может быть обнаружен эмпирически, как где-то и кем-то установленный смысл. Постановка этого вопроса показывает только, что мы делаем с этими факта-ми, что они для нас означают. И если в наши выводы и вкрадываются обо-роты, позволяющие как будто предположить, что мы имеем в виду наличие некоего плана провидения, то в действительности это только символы.

а) Видеть фактические данные осевого времени, обрести в них основу для нашей картины мировой истории означает: найти то, что, невзирая на все различия в вере, свойственно всему человечеству. Одно дело видеть единство истории и верить в него, руководствуясь только своим внутренним убеждением, и совсем иное – мыслить единство истории в коммуникации со всеми другими людьми, соотнося свою веру с сокровенной глубиной всех людей, объединяя собственное сознание с чужим. В этом смысле о веках между 800 и 200 гг. до н. э. можно сказать: они составляют эмпирически очевидную для всех людей ось мировой истории.

Трансцендентной истории, основанной на христианской вере в открово-нение, ведомо сотворение, грехопадение, акт откровения, пророчества, явле-ние Сына Божьего, спасение и страшный суд. В качестве вероучения опре-деленной исторической группы людей она остается неприкосновенной. Од-

нако основой, на которой может произойти объединение всех людей, не может быть откровение, ею должен быть опыт. Откровение – это образ исторически частной веры, опыт же доступен человеку как таковому. Все мы, люди, можем сообща знать о действительности этого универсального преобразования человечества в осевое время. Оно ограничено, правда, Китаем, Индией и Западным миром, но, тем не менее, хотя изначально и без соприкосновения этих трех миров, послужило основой универсальной истории, в духовном смысле охватило всех людей.

б) Поскольку в проявлении осевого времени существует тройкая историческая модификация, оно как бы призывает нас к безграничной коммуникации. Способность видеть и понимать других помогает уяснить себе самого себя, преодолеть возможную узость каждой замкнутой в себе историчности, совершить прыжок вдаль. Эта попытка вступить в безграничную коммуникацию – еще одна тайна становления человека, и не в недоступном нам доисторическом прошлом, а в нас самих.

Требование этой коммуникации, основанное на историческом факте, на наличии трех истоков осевого времени, – лучшее средство против ошибочного представления об исключительности истины какого-либо одного вероучения. Ибо вера может быть только обязательной в своем историческом существовании, а не общезначимой в своих выводах, наподобие научной истины. Притязание на исключительность, это выражение фанатизма, высокомерия, самообмана, основанного на воле к власти, которое прежде всего проявляется во всех секуляризациях, а также в догматической философии и в так называемых научных мировоззрениях, может быть преодолено именно пониманием того, что Бог являл себя в истории различным образом и что к Нему ведет множество путей. Посредством мировой истории Бог как бы предостерегает от притязаний на исключительность.

в) Если осевое время, по мере того как мы погружаемся в него, обретает все большее значение, то возникает вопрос: является ли это время, его творения, масштабом для всего последующего, можно ли считать, если мы исходим не из величины сферы воздействия, не из объема политических событий, не из предпочтения, которое на протяжении веков отдавали духовным явлениям, – можно ли в этом случае считать, что суровое величие, творческая ясность, глубина смысла, размах стремления к новым духовным мирам, присущие феноменам осевого времени, составляют вершину всей предшествующей истории? Всегда ли более позднее при всем его величии и своего рода исключительности бледнеет перед более ранним – Вергилий перед Гомером, Август перед Солоном, Иисус перед Иеремией?

Совершенно очевидно, что безусловное утверждение такого рода было бы неверным. Явления более позднего времени имеют свою ценность, такую, какой еще не было раньше, определенную степень зрелости, утонченную изысканность, душевную глубину, особенно если иметь в виду «исключения». Историю невозможно подчинить иерархии рангов, в основу которой было бы положено некое универсальное представление, автоматически ус-

танавливающее градацию. Однако из постижения осевого времени следует определенная постановка вопроса и, быть может, известная предвзятость по отношению к более поздним феноменам – но именно поэтому вспыхивает ярким светом то действительно новое и по-иному великое, что не относится к осевому времени. Например, тот, кто занимается философией, хорошо знает, что после чтения греков в течение нескольких месяцев Августин воспринимается как освобождение из холодной безличной сферы и переход к проблемам совести, уйти от которых с этого момента уже невозможно и которые совершенно чужды грекам. Но после длительных занятий Августином вновь пробуждается стремление вернуться к грекам и смыть в сфере их здорового мироощущения замутненность, образовавшуюся в ходе этих занятий. На земле нигде нет ни полной истины, ни настоящего спасения. И осевое время не избежало гибели. Развитие продолжало идти своим путем. Лишь одно я считаю бесспорным: постижение осевого времени определяет наше осознание современной ситуации и исторического развития, доводя его – независимо от того, принимаем ли мы эту идею или отвергаем ее, – до таких выводов, которые я мог здесь лишь наметить.

Речь идет о том, как мы понимаем конкретное единство человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lasulx E.* Neuer Versuch einer alten Philosophie der Geschichte. – Wien, 1952. – S. 137.
2. *Laotse.* Der Weg der Tugend / Hrsg. von V. Strauss. – Leipzig, 1870. – S. LXIV.
3. *Mayer E.* Geschichte des Altertums. – Stuttgart, 1884. – Bd. 1. – Teil 2. – S. 935.
4. *Keyserling H.* Das Buch vom Ursprung. – Baden-Baden, 1947. – S. 151.
5. *Weber A.* Kulturgeschichte als Kulturosoziologie. – Leiden, 1935.

ORIGIN AND GOAL OF HISTORY

Karl Jaspers

(K. Jaspers. Meaning and Purpose of History. – M., 1991. – P. 32–50)

НАШИ АВТОРЫ

ВОЛКОВА Людмила Петровна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Системы автоматизированного проектирования» Московского горного института НИТУ МИСиС.

ГАЙДЕНКО Пиама Павловна – доктор философских наук, профессор Института философии РАН, член-корреспондент РАН.

ГУЦ Александр Константинович – доктор физико-математических наук, профессор Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского.

ЗАХАРОВ Валерий Дмитриевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации.

КРАВЧУК Николай Васильевич – кандидат физико-математических наук, украинский физик-ядерщик, работал в Институте теоретической физики АН УССР и в Институте математики в Киеве.

НЕКЛЕССА Александр Иванович – заведующий лабораторией «Север – Юг» Института Африки РАН, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН.

ПАВЛОВ Дмитрий Геннадиевич – кандидат технических наук, директор Научно-исследовательского института гиперкомплексных чисел в геометрии и физике (г. Фрязино).

ПОСТНИКОВ Михаил Михайлович (1927–2004) – доктор физико-математических наук, советский и российский математик-геометр, профессор механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, лауреат Ленинской премии СССР (1967 г.).

СКЛЯРОВ Андрей Юрьевич – физик-исследователь, писатель, режиссер, путешественник, основатель проекта «Лаборатория Альтернативных Историй», создатель цикла документальных фильмов «Закрытые темы истории».

СОЛОВЬЕВ Владимир Михайлович – доктор исторических наук, культуролог, профессор кафедры культуры Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ).

ЯСПЕРС Карл (1883–1969) – немецкий философ, психолог, специалист в области философии психологии и теоретической психологии, автор книги «Смысл и назначение истории».

МЕТАФИЗИКА

**Российский университет
дружбы народов**

Научный журнал

2015, № 4 (18)

Редактор *И.Л. Панкратова*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Сайт: <http://lib.rudn.ru/37>

Подписано в печать 03.12.2015 г. Формат 60×84/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,32. Тираж 500 экз. Заказ 1666

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Общие требования по оформлению статей для журнала «Метафизика»

Автор представляет после согласования с Главным редактором:

- Текст статьи до 20-40 тыс. знаков в электронном формате;
- Язык публикации – русский;
- Краткую аннотацию статьи (два–три предложения, 4-5 строк) на русском языке;
- Ключевые слова – не более 12;
- Информацию об авторе:
  - Ф.И.О. полностью, ученая степень и звание, место работы, должность, почтовый служебный адрес, контактные телефоны и адрес электронной почты.

Формат текста:

– шрифт: Times New Roman; кегль: 14; интервал: 1,5; выравнивание: по ширине;

– абзац: отступ (1,25), выбирается в меню – «Главная» – «Абзац – Первая строка – Отступ – ОК» (то есть выставляется автоматически).

- ✓ Шрифтовые выделения в тексте рукописи допускаются только в виде курсива.
- ✓ Заголовки внутри текста (название частей, подразделов) даются выделением «Ж» (полужирный).
- ✓ Разрядка текста, абзацы и переносы, расставленные вручную, не допускаются.
- ✓ Рисунки и схемы допускаются в компьютерном формате.
- ✓ Ссылки на литературу даются по факту со сквозной нумерацией (не по алфавиту) и оформляются в тексте арабскими цифрами, взятыми в квадратные скобки, с указанием страниц.

Например:

- На место классовой организации общества приходят «общности на основе объективно существующей опасности» [2, с. 57].
- О России начала XX века Н.А. Бердяев писал, что «постыдно лишь отрицательно определяться волей врага» [3, с. 142].
- ✓ Номер сноски в списке литературы дается арабскими цифрами без скобок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т.В. Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Кризис искусства. – М.: Канон+, 2004.
4. Савичева Е.М. Ливан и Турция: конструктивный диалог в сложной региональной обстановке // Вестник РУДН, серия «Международные отношения». – 2008. – № 4. – С. 52–62.
5. Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005.

- ✓ Примечания (если они необходимы) даются подстрочными сносками со сквозной нумерацией, выставляются автоматически.

С увеличением проводимости¹ кольца число изображений виртуальных магнитов увеличивается и они становятся «ярче»; если кольцо разрывается и тем самым прерывается ток, идущий по кольцу, то изображения всех виртуальных магнитов исчезают.

¹ Медное кольцо заменялось на серебряное.

- ✓ Века даются только римскими цифрами (XX век).

Редакция в случае неопубликования статьи авторские материалы не возвращает и не рецензирует.

Будем рады сотрудничеству!

Контакты:

ЮРТАЕВ Владимир Иванович, тел.: 8-910-4334697; E-mail: vyou@yandex.ru